

Дэн Симмонс
Пятое сердце
Серия «The Big Book»
Серия «Шерлок Холмс. Свободные продолжения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17802528

Дэн Симмонс. Пятое сердце: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-11279-7

Аннотация

Впервые на русском – новейший роман современного классика Дэна Симмонса, своего рода завершение условной трилогии, начатой романами «Террор» и «Друд, или Человек в черном». Итак, путешествующий инкогнито после своей «смерти» в Рейхенбахском водопаде Шерлок Холмс встречается в Париже американского писателя Генри Джеймса – современного классика, автора таких книг, как «Женский портрет», «Бостонцы», «Поворот винта». Тот узнает знаменитого сыщика, несмотря на всю маскировку, – и оказывается вовлечен в орбиту его нового расследования. Вместе с Холмсом Джеймс отправляется в Америку, где не был много лет; мастер слова должен помочь отцу дедуктивного метода разгадать тайну смерти Кловер Адамс, жены историка Генри Адамса (наследника династии, уже давшей Америке двух президентов), а также ответить на вопрос, мучающий Холмса последние несколько лет: а не вымышленный ли он персонаж?..

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	43
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	60
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Дэн Симмонс

Пятое сердце

*Эта книга посвящается Ричарду Кертису, бесценному
лиагенту и дорогому другу, который разделяет мою любовь к бейсболу
и мистеру Генри Джеймсу*

Dan Simmons
THE FIFTH HEART
Copyright © 2014 by Dan Simmons

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Если какой автор и вызывает у меня восторженную оторопь, так это
Дэн Симмонс.
Стивен Кинг

Дэн Симмонс возвышается над современными писателями подобно
гиганту.
Линкольн Чайлд

«Пятое сердце» – книга, в которую можно погрузиться с головой.
Добрый старый детектив, уютный и обстоятельный, но повернутый в
современном ракурсе.
Guardian

Симмонс превосходно ориентируется в холмсовском каноне и
выстраивает на его фундаменте свое оригинальное здание.
Publishers Weekly

Большой роман во всех смыслах слова... Симмонс не теряет интереса
читателя ни на миг.
Sherlock Holmes Society

Часть первая

Глава 1

Дождливым мартом 1893 года по причине, никому не ведомой (главным образом потому, что никто, кроме нас, об этой истории не знает), проживающий в Лондоне американский писатель Генри Джеймс решил провести свой день рождения, пятнадцатое апреля, в Париже и там, в самый день рождения либо накануне, покончить с собой, утопившись в Сене.

Я могу сообщить вам, что Джеймс той весной находился в глубокой депрессии, но не могу сказать, почему именно. Разумеется, он пережил кончину близкого человека: годом раньше, 6 марта 1892-го, умерла от рака груди его сестра Алиса, однако для нее нездоровье много десятилетий было образом жизни, а страшный диагноз стал надеждой на избавление. Как призналась Алиса своему брату Генри, смерть ей давно желанна. Сам Генри, по крайней мере в письмах к друзьям и родным, выражал полное согласие с такими настроениями сестры, вплоть до того, что описал, как очаровательно выглядело ее мертвое тело.

Быть может, не задокументированная хронистами депрессия усиливалась тем, что в предшествующие годы книги Джеймса продавались довольно плохо: «Бостонцы» и «Княгиня Казамассима», написанные в 1886-м и вдохновленные медленным умиранием Алисы, а также ее «бостонским браком» с Катариной Лоринг, провалились и в Англии, и в Америке. Поэтому к 1890 году Джеймс начал писать для театра. Хотя его инсценировка «Американца» имела лишь умеренный успех, да и то не в Лондоне, а в провинции, он уверил себя, что именно театр принесет ему богатство. Однако уже к началу 1893-го Джеймс начал осознавать, что льстил себя несбыточными надеждами. Прежде чем роль эта отошла Голливуду, именно английский театр притягивал к себе литераторов, которые – подобно Генри Джеймсу – понятия не имели, как написать успешную пьесу для широкой публики.

Биографы лучше поняли бы эту внезапную глубокую депрессию, случись она не в марте 1893-го, а весной 1895-го, когда Джеймса, неосторожно вышедшего на поклон после лондонской премьеры «Гая Домвилла», оштрафует и освищет публика. Люди, заплатившие за билеты (в отличие от светских дам и джентльменов, которым Джеймс пошлет контрамарки), не читавшие его романов и даже не слышавшие о нем как о литераторе, будут свистеть и шикать, исходя из достоинств самой пьесы. А «Гай Домвилл» будет очень, очень плохой пьесой.

Даже раньше, всего год спустя, когда в январе 1894 года его приятельница Констанция Фенимор Вулсон выбросится из окна венецианского дома (возможно, потому, что Генри Джеймс не приедет к ней в Венецию, как обещал), писатель впадет в страшную депрессию, усиленную чувством собственной вины.

К концу 1909 года стареющего Джеймса настигнет еще более глубокая депрессия – настолько глубокая, что его старший (и умирающий от болезни сердца) брат Уильям пересечет Атлантику, чтобы буквально держать Генри за руку в Лондоне. В те годы Генри Джеймс будет оплакивать «сокрушительно низкие продажи» так называемого Нью-Йоркского собрания своих трудов, на которое потратит пять лет, переписывая длинные романы и снабжая каждый пространством предисловием.

Впрочем, в марте 1893-го до этой последней депрессии оставалось шестнадцать лет. Мы не знаем, чем именно Джеймс был удручен в ту весну и почему внезапно решил, что покончить с собой в Париже – единственный для него выход.

Одной из причин мог стать тяжелый приступ подагры, который Джеймс пережил холодной английской зимой 1892/93 года, – тогда он вынужден был отказаться от ежедневного моциона и еще больше располнел. А возможно, дело было просто в том, что в апреле ему исполнилось пятьдесят – рубеж, вгонявший в тоску и более сильные натуры.

Мы никогда не узнаем.

Однако мы знаем, что именно с этой депрессии – и вызванного ею намерения свести счеты с жизнью, утопившись в Сене пятнадцатого апреля либо раньше, – начинается наша история. Итак, в середине марта 1893 года Генри Джеймс (он перестал добавлять к фамилии «младший» вскоре после смерти своего отца в 1882 году) написал из Лондона родным и друзьям, что задумал «немного отдохнуть от ежедневных сочинительских трудов и встретить весну, а равно мой полувековой юбилей в солнечном Париже, прежде чем присоединиться к брату Уильяму и его семье во Флоренции». Но писатель не собирался в конце апреля ехать во Флоренцию.

Упаковав табакерку с краденым прахом сестры Алисы, Джеймс сжег письма от мисс Вулсон и нескольких знакомых молодых людей, вышел из чисто прибранной квартиры в Девир-Гарденз, сел на поезд, приходящий к пакетботу в Шербур, и прибыл в Город Света вечером следующего дня – более сырого и холодного, чем даже в стылом мартовском Лондоне.

Он поселился в гостинице «Вестминстер» на Рю-де-ля-Пэ, где как-то пробыл месяц, сочиняя рассказы, в том числе своего любимого «Ученика». Впрочем, слово «поселился» в данном случае не вполне уместно: писатель не имел намерения провести в гостинице несколько недель до своего дня рождения, к тому же плата за номер в «Вестминстере» была по его нынешним стесненным обстоятельствам чрезмерно высока. Он даже не стал распаковывать чемодан, поскольку не планировал прожить еще ночь – здесь, да и вообще на земле, поскольку внезапно решил не тянуть с принятым решением.

После прогулки по сырым и холодным садам Тюильри и одинокого обеда (он не стал искать встречи с парижскими друзьями или гостящими в городе знакомцами) Генри Джеймс выпил последний бокал вина, надел шерстяное пальто, убедился, что запечатанная табакерка по-прежнему в кармане, и, стуча по мокрым камням бронзовым наконечником закрытого зонта, зашагал сквозь тьму и морозящий дождь к избранному месту близ Пон-Нёф – Нового моста. Даже неспешной походкой корпулентного джентльмена дотуда было меньше десяти минут ходьбы.

Величайший мастер слова не оставил предсмертной записки.

Глава 2

Место, где Джеймс наметил расстаться с жизнью, располагалось всего лишь в шести-десяти ярдах от широкого, ярко освещенного Пон-Нёф, но здесь, под мостом, было темно, и еще темнее – на нижнем ярусе набережной, где черная холодная Сена плескала о замшелые камни. Даже днем это место бывало почти безлюдным. Джеймс знал, что иногда здесь стоят проститутки, но не в такую промозглую мартовскую ночь, – сегодня они держались ближе к своим гостиницам на Пляс-Пигаль или отлавливали клиентов в узких улочках по обе стороны сияющего огнями бульвара Сен-Жермен.

К тому времени, как Джеймс, стуча зонтиком, добрался до стрелки набережной, которую присмотрел при свете дня, – она была в точности такой, какой он запомнил ее по прошлым визитам в Париж, – стемнело уже настолько, что он не видел, куда идет. Дождь украсил фонари на другом берегу Сены ироническими нимбами. Барж и катеров почти не было. Джеймсу пришлось нащупывать последние ступени зонтом, как слепому – тростью. Лужи и усилившийся дождь отчасти приглушали скрип колес и стук копыт на мосту, так что привычные звуки казались далекими и отчасти даже нереальными.

Джеймс скорее ощущал, слышал и обонял огромность реки, нежели видел ее в кромешном мраке. Лишь когда наконецник зонта, не найдя мостовую, завис над пустотой, Джеймс замер на узком конце стрелки. Он знал, что дальше ступеней нет, лишь шести- или семифутовый обрыв к стремительной черной воде. Еще шаг – и со всем будет покончено.

Джеймс достал из внутреннего кармана табакерку слоновой кости и погладил ее пальцами. Движение это напомнило ему прошлогоднюю записку в «Таймс», где утверждалось, что эскимосы не создают украшений для глаз, но обтачивают камешки, чтобы радовать осязание в долгие месяцы северной зимы. Мысль вызвала у Джеймса улыбку. Он чувствовал, что для него северная зима оказалась чересчур долгой.

Когда год назад в крематории он украл несколько щепоток Алисиного праха – Катарина Лоринг меж тем ждала сразу за дверью, чтобы забрать урну в Кембридж и похоронить на кладбище, где у Джеймсов был свой уголок, – то искренне собирался развеять его там, где младшая сестра была всего счастливее. Однако шли месяцы, и Джеймс все яснее осознавал неисполнимость этой идиотской миссии. *Где?* Он помнил хрупкое счастье Алисы, когда они оба были куда младше и путешествовали по Швейцарии с тетушкой Кейт, дамой основательной и склонной все трактовать буквально, как гамлетовский могильщик. За недели вдали от семьи и американского дома предрасположенность Алисы к нервическому заболеванию, уже тогда довольно выраженная, заметно ослабела – так что поначалу Джеймс думал отправиться в Женеву, где они вместе хохотали и состязались в остроумии, в то время как бедная тетушка Кейт не понимала их иронической словесной игры, весело подтрунивали друг над другом и над тетушкой, прогуливаясь по регулярным садам и променадам у озера.

Однако в конце концов Джеймс решил, что Женева – место для задуманного не вполне правильное. В той поездке Алиса лишь разыгрывала выздоровление от болезни, а он, в свою очередь, разыгрывал соучастие в ее хрупкой радости.

В таком случае – участок под Ньюпортом, где Алиса выстроила свой домик и прожила год, внешне совершенно здоровая и всем довольная.

Нет. То было начало ее дружбы с мисс Лоринг, а за месяцы, прошедшие с похорон сестры, Джеймс ощущал все острее, что мисс Катарина П. Лоринг и без того занимала в жизни Алисы непомерно большое место.

В итоге он так и не придумал, где развеять эти жалкие щепотки пепла. Может быть, Алиса была близка к счастью лишь в ньюпортские, а затем кембриджские месяцы или годы до того, что назвала «ужасным летом», когда, 10 июля 1878 года, их старший брат Уильям

обвенчался с Алисой Гиббенс. Много лет сам Уильям, ее отец, ее брат Гарри, братья Боб и Уилки, а также бесчисленные гости шутили, что Уильям женится на ней, Алисе. Она всегда сердилась на дежурную шутку, но теперь – после долгих лет ее самовнушенной болезни, а затем и смерти – Генри Джеймс осознал, что Алиса отчасти поверила в свой брак с Уильямом и была совершенно раздавлена, когда он женился на другой – на девушке, по жестокой иронии судьбы тоже носившей имя Алиса.

Как сестра однажды сказала Генри Джеймсу, в то лето, когда Уильям женился, она «погрузилась в морскую бездну и темные волны закружились над ее головой».

Так что в эту последнюю ночь он решил, что просто сожмет в руках табакерку с останками несбывшегося Алисиного бытия и вместе с нею шагнет в черные воды забвения. Джеймс знал, что должен загасить писательское воображение и не гадать, будет ли река обжигюще холодной и не станет ли он – понуждаемый атавистической жаждой жизни в тот миг, когда грязная вода Сены хлынет в его легкие, – барахтаться в отчаянной попытке доплыть до отвесного замшелого уступа.

Нет, думать надо об одном: о том, что боль останется позади. Полностью очистить мозг – задача, которая никогда ему не давалась.

Джеймс занес ногу над пустотой.

И внезапно понял, что черный силуэт, который он принимал за столб, – на самом деле человек, стоящий менее чем в двух футах от него. Теперь Джеймс видел лицо с орлиным профилем, отчасти скрытое низко надвинутой мягкой шляпой и поднятым воротником дорожного плаща с пелериной, более того, слышал даже дыхание незнакомца.

* * *

Сдавленно вскрикнув, Джеймс неловко сделал шаг назад и в сторону.

– *Pardonnez-moi, Monsieur. Je ne vous ai pas vu là-bas*,¹ – выговорил он, ничуть не покривив душой, так как и впрямь поначалу не заметил этого человека.

– Вы англичанин, – произнес высокий силуэт.

В его английском явственно слышался скандинавский акцент. Шведский? Норвежский? Джеймс не мог определить точно.

– Да. – Джеймс повернулся к ступеням, чтобы идти прочь.

И в это время мимо прошел редкий для такого времени «Бато Муш», парижский речной трамвай; яркие фонари на его правом борту выхватили из тьмы лицо высокого незнакомца.

– Мистер Холмс! – невольно вырвалось у Джеймса.

От неожиданности он попятился. Его левый каблук навис над пустотой, и неудачливый самоубийца все же оказался бы в реке, если бы высокий джентльмен с быстротой молнии не ухватил его за грудки и рывком не втащил обратно на стрелку.

Назад к жизни.

– Как вы меня называли? – спросил незнакомец, по-прежнему крепко держа Джеймса за пальто. Скандинавский акцент совершенно исчез. Голос был отчетливо культурный английский, и никакой больше.

– Приношу извинения, – запинаясь, проговорил Джеймс. – Видимо, я обознался. Простите, что нарушил ваше одиночество.

Произнося эти слова, Генри Джеймс не только знал, что перед ним именно Холмс – хотя волосы у высокого англичанина были темнее и гуще, чем в их прошлую встречу (тогда они лежали прилизанными, сейчас жестко топорщились), над верхней губой появились пышные усы, а форма носа слегка изменилась за счет актерской мастики или чего-то в таком роде, – он

¹ Извините, мсье. Я тебя не заметил (*фр.*).

не менее отчетливо понимал и другое: за миг до его появления из тьмы, о котором возвестило мерное постукивание зонтика, детектив и сам намеревался броситься в Сену.

Генри Джеймс чувствовал себя по-дурацки, однако, раз увидев лицо и услышав фамилию, он запоминал их на всю жизнь.

Он попытался было шагнуть прочь, но сильные пальцы по-прежнему держали его за пальто.

– Как вы меня называли? – требовательно повторил высокий джентльмен. Тон его был холоден, как сталь на морозе.

– Я принял вас за человека, с которым однажды встретился. Его звали Шерлок Холмс, – выдавил Джеймс, мечтая об одном: очутиться в постели в своей комфортабельной гостинице на Рю-де-ля-Пэ.

– Где мы встречались? – спросил джентльмен. – Кто вы?

Джеймс ответил лишь на второй вопрос:

– Меня зовут Генри Джеймс.

Во внезапной панике он едва не добавил давно отброшенное «младший».

– Джеймс, – повторил мистер Шерлок Холмс. – Младший брат великого психолога Уильяма Джеймса. Вы – американский сочинитель, живущий по большей части в Лондоне.

Даже в смятении от физического контакта с другим человеком Джеймс почувствовал острую обиду: его назвали младшим братом «великого» Уильяма Джеймса. Пока старший брат в 1890 году не опубликовал свои «Основания психологии», его вообще не знали за пределами узкого гарвардского кружка. Книга, по неведомым Генри причинам, принесла Уильяму международную славу среди интеллектуалов и других исследователей человеческого разума.

– Соболаговолите немедленно меня отпустить, – произнес Джеймс самым суровым тоном, какой мог изобразить.

В ярости от чужого прикосновения он позабыл, что Холмс – а это определенно был Шерлок Холмс – только что спас ему жизнь. А может, спасение еще увеличило его счет к горбоносому англичанину.

– Скажите, где мы встречались, и отпущу, – ответил Холмс, все так же сжимая его лацканы. – Меня зовут Ян Сигерсон, я довольно известный норвежский путешественник.

– В таком случае тысяча извинений, сэр, – проговорил Джеймс, не чувствуя за собой и тени вины. – Я, очевидно, ошибся. На секунду в темноте мне почудилось, что вы – джентльмен, с которым я познакомился четыре года назад на чайном приеме в Челси. Прием давала знакомая мне американка, миссис Т. П. О’Коннор. Я прибыл с леди Вулзли и другими членами литературного и театрального мира: мистером Обри Бердслеем, мистером Уолтером Безантом... Перл Крэги, Марией Корелли, мистером Артуром Конан Дойлом, Бернардом Шоу, Дженовьевой Уорд. Во время чаепития меня познакомили с гостем миссис О’Коннор, неким Шерлоком Холмсом. Теперь я вижу, что сходство... чисто поверхностное.

Холмс отпустил его.

– Да, теперь припоминаю. Я недолгое время жил в доме миссис О’Коннор, расследуя загадку пропажи драгоценностей. Украл, разумеется, слуга. Как оно всегда и оказывается.

Джеймс поправил лацканы пальто и галстук и крепко оперся на зонт, намереваясь без дальнейших слов покинуть общество Холмса.

Поднимаясь по ступеням, он с неприятным изумлением обнаружил, что Холмс идет рядом.

– Поразительно, – говорил высокий англичанин с легким йоркширским акцентом, который Джеймс слышал у него на чаепитии в 1889-м. – Я выбрал личину Сигерсона два года назад и с тех пор не раз встречал – при свете дня! – людей, которые прекрасно меня помнят. В Нью-Дели я десять минут простоял на площади в нескольких шагах от главного инспек-

тора Сингха, с которым два месяца расследовал щекотливое убийство в Лахоре, и опытный полицейский даже не глянул на меня второй раз. Здесь, в Париже, я сталкивался с английскими знакомцами и спросил дорогу у давнего приятеля Анри-Огюста Лозе, недавно ушедшего на покой префекта французской полиции, вместе с которым распутал десятки дел. Лозе сопровождал новый префект Соммы Луи Лепин – с ним я тоже работал. Никто из них меня не признал. А вы признали. В темноте. Под дождем. Когда все ваши мысли были заняты самоубийством.

– Па-а-азвольте... – начал Джеймс.

От возмущения такой наглостью он даже остановился. Они поднялись уже на уровень улицы. Дождь немного ослабел, но фонари были по-прежнему окружены светящимися ореолами.

– Я никому не выдам вашу тайну, мистер Джеймс, – сказал Холмс.

Он пытался, несмотря на морось, закурить трубку. Когда спичка наконец вспыхнула, Джеймс еще явственнее увидел, что перед ним «частный сыщик-консультант», с которым его познакомили на чаепитии у миссис О'Коннор четыре года назад.

– Понимаете, – продолжал Холмс, выпуская изо рта дым, – я был здесь с той же целью, сэр.

Джеймс не мог придумать ответа. Он повернулся на каблуках и двинулся на запад. Длинноногий Холмс нагнал его в два шага.

– Нам надо куда-нибудь пойти, мистер Джеймс, выпить и перекусить.

– Я предпочту остаться один, мистер Холмс... мистер Сигерсон... или за кого еще вам угодно себя выдавать.

– Да, да, но нам нужно поговорить, – настаивал Холмс, ничуть не смущенный и не раздосадованный тем, что его разоблачили. Не чувствовалось в нем и смятения от неудавшегося самоубийства – настолько сыщик был зачарован проницательностью писателя, которого не обманула его измененная внешность.

– Нам абсолютно нечего обсуждать, – буркнул Джеймс, пытаясь ускорить шаг, что при его дородстве выглядело смешно и глупо, но отнюдь не помогало оторваться от высокого англичанина.

– Мы можем обсудить, почему вы пытались утопиться, крепко сжимая в правой руке табакерку с прахом вашей сестры Алисы, – сказал Холмс.

Джеймс замер. Лишь через мгновение ему удалось выговорить:

– Вы... не... можете... такого... знать.

– Однако я знаю, – ответил Холмс, все так же попыхивая трубкой. – И если вы присоединитесь ко мне за ужином с хорошим вином, я расскажу, откуда мне это известно и почему я уверен, что вы не осуществите сегодняшний мрачный замысел, мистер Джеймс. К тому же я как раз знаю чистое, ярко освещенное кафе, где мы сможем поговорить.

Он ухватил Джеймса за левый локоть, и так, под руку, они вышли на Авеню-дель-Опера. Негодование, изумление – а теперь еще и любопытство – Генри Джеймса были так сильны, что он больше не противился.

Глава 3

Хотя Холмс пообещал «ярко освещенное кафе», Джеймс ждал, что это окажется полутемная забегаловка в узком закоулке. Однако Холмс привел его в «Кафе де ля Пэ», очень близко к гостинице Джеймса на пересечении бульвара Капуцинов и Пляс-дель-Опера в Девятом округе Парижа.

«Кафе де ля Пэ» было одним из лучших заведений в городе; изысканностью убранства и числом зеркал с ним соперничала лишь Опера Шарля Гарнье на другой стороне площади. Джеймс знал, что кафе построили в 1862-м для постояльцев соседнего «Гранд-отель де ля Пэ» и что настоящая слава пришла к нему во время Всемирной выставки 1867 года. То было одно из первых парижских зданий с электрическим освещением, но – как будто сотен или тысяч электрических ламп мало – яркие газовые фонари с фокальными призмами по-прежнему бросали лучи света в огромные зеркала. Генри Джеймс десятилетиями сторонился этого места хотя бы потому, что – согласно расхожей парижской фразе – отобедать в «Кафе де ля Пэ» значило непременно столкнуться с друзьями и знакомыми, настолько оно было популярно. А Генри Джеймс предпочитал сам выбирать, где «сталкиваться» с приятелями.

Холмса будто вовсе не смущали многолюдье, гул разговоров, десятки лиц, повернувшихся к ним, как только они вошли. На прекрасном французском мнимый норвежец попросил у метрдотеля «всегдашний столик», куда их и провели – к маленькому круглому столику в наименее шумной части кафе.

– Вы бываете здесь так часто, у вас есть «всегдашний столик»? – спросил Джеймс, когда они остались одни – насколько такое возможно среди шума и суеты.

– Все два месяца в Париже я обедал здесь не меньше трех раз в неделю, – ответил Холмс. – Я видел десятки знакомых, клиентов и бывших коллег по расследованиям. Никто из них не обратил внимания на Яна Сигерсона.

Джеймс не успел ответить: подошел официант, и Холмс бесцеремонно сделал заказ на двоих. Остановившись на довольно хорошем шампанском, он, возможно по причине позднего часа, выбрал обильный ужин для посетителей Оперы: *le lièvre en civet, pâtes crémeuses d'épeautre*, а к нему *a plateau de fromage affinés* и тарелка *la figue, l'abricot, le pruneau, en marmelade des fruits secs au thé Ceylan с biscuit spéculos* и на десерт *mousse légère chocolat*.²

Джеймсу не хотелось есть. Его деликатный желудок еще не оправился от потрясений прошедшего часа. Более того, он не любил зайчатину – тем более в густом мучнистом соусе – и совершенно не хотел фруктов. Что до шоколадного мусса, Джеймс как-то переел его в детстве, когда отец привозил их во Францию, и с тех пор не переносил на дух.

Он промолчал.

Ему безумно хотелось узнать, как Холмс – этот дешевый уличный шарлатан – угадал, что в табакерке находится прах Алисы, однако Джеймс скорее умер бы, чем задал такой вопрос в людном общественном месте. Да, за звоном посуды, говором и смехом посетителей никто бы их не подслушал, но дело было в другом.

Покуда они пили вполне неплохое шампанское, Холмс спросил:

– Вы читали мой некролог в «Таймс» два года назад?

– Друзья мне о нем сказали, – ответил Джеймс.

– Я его читал. Газета была трехнедельной давности – я тогда находился в Стамбуле, – но мне удалось ее раздобыть. Ее и последнее интервью бедного Ватсона, где тот рассказал, как я

² Рагу из зайца с лапшой в крем-соусе из полбы, тарелка выдержанного сыра, конфитюр из инжира, кураги и чернослива, вымоченных в цейлонском чае, пряное фигурное печенье, шоколадный мусс (*фр.*).

погиб в Рейхенбахском водопаде, сражаясь с «Наполеоном преступного мира» профессором Джеймсом Мориарти.

Генри Джеймс предпочел бы молчать, но понимал, что обязан исполнить свою роль вопрошающего.

– Так как вам удалось пережить то ужасное падение, мистер Холмс?

Холмс рассмеялся и стряхнул крошки с пышных черных усов.

– Не было никакого падения. Никакой схватки. Никакого «Наполеона преступного мира».

– Профессора Джеймса Мориарти не было? – спросил Джеймс.

Холмс издал смешок и промокнул губы белой льняной салфеткой.

– Боюсь, что да. Он целиком и полностью вымышлен в моих целях – в данном случае ради моего исчезновения.

– Однако Ватсон сообщил «Таймс», что Мориарти написал книгу – «Динамика астероида», – настаивал Джеймс.

– Она тоже выдумана мною, – ответил Холмс, самодовольно улыбаясь в черные сигерсоновские усы. – Такой книги никогда не было. Я рассказал о ней Ватсону, чтобы придать его будущим сообщениям для прессы и отчету о событиях, предшествовавших Рейхенбахскому водопаду, – этот отчет опубликован недавно под названием «Последнее дело Холмса» – некое... как вы, сочинители, это называете?... жизнеподобие. Да-да, то самое слово. Жизнеподобие.

– Но не могло ли случиться, что люди, прочитав об этой книге в многочисленных отчетах о вашей смерти, попытаются ее найти, хотя бы из чистого любопытства? И если ее нет, вся ваша история о Рейхенбахском водопаде рухнет.

Холмс со смехом отмахнулся:

– О, я подчеркнул Ватсону, а тот в свою очередь газетчикам, что книга состоит из высшей математики и совершенно нечитаема. Если не ошибаюсь, мои слова были буквально следующие: «В этой книге он вознесся на такие высоты чистой математики, что в научном мире, говорят, нет специалиста, который способен ее прочесть и понять».³ Это должно было охладить любопытных. Кроме того, я сказал Ватсону, что прославленная книга Мориарти – прославленная лишь в узких математических кругах – издана таким мизерным тиражом, что добыть экземпляр крайне трудно, а может, их и вовсе не сохранилось.

– Значит, вы сознательно солгали другу про этого... этого «Наполеона преступного мира»... чтобы доктор Ватсон повторил ваши измышления прессе? – спросил Джеймс, надеясь, что сыщик услышит лед в его голосе.

– О да, – с улыбкой отвечал Холмс. – Именно так.

Джеймс некоторое время сидел в молчании, затем сказал:

– А если бы от доктора Ватсона потребовали дать показания под присягой... возможно, в связи с расследованием вашего исчезновения?

– О, такое расследование закончилось бы уже давно, – ответил Холмс. – Как-никак, с Рейхенбахского водопада прошло уже два года.

– И все же... – начал Джеймс.

– Ватсону не пришлось бы лгать под присягой, – перебил Холмс, выказывая легкое нетерпение, – поскольку он искренне верил, что Мориарти был, как я рассказал ему во многих подробностях, Наполеоном преступного мира. И так же искренне Ватсон верил, что я впрямь погиб вместе с Мориарти в Рейхенбахском водопаде в Швейцарии.

От этих слов Джеймс заморгал, несмотря на все усилия казаться невозмутимым.

³ «Долина страха». Перевод И. Бернштейн.

– Вы не раскаиваетесь, что солгали лучшему другу? Газеты сообщали, что за время, прошедшее с вашей... с вашего исчезновения, у доктора Ватсона скончалась жена. Так что теперь, вероятно, несчастный оплакивает смерть жены и лучшего друга.

Холмс положил себе на тарелку еще конфитюра.

– Я не просто солгал, мистер Джеймс. Я отправил Ватсона в погоню за мифическим Мориарти – через Англию и Европу – к тому самому водопаду, из которого никогда не извлекут ни мой труп, ни труп профессора Мориарти.

– Чудовищно, – сказал Джеймс.

– Это было необходимо, – проговорил Холмс без обиды или нажима. – Понимаете, мне требовалось исчезнуть. Исчезнуть без следа и так, чтобы убедить человечество – или, по крайней мере, ту малую долю человечества, которая выказывала интерес к моим скромным приключениям, – в своей гибели. Сильно ли в Лондоне скорбели при известии о моей кончине?

Джеймс вновь заморгал. Он подумал было, что вопрос задан шутливо, однако загримированное лицо Холмса оставалось совершенно серьезным.

– Да, – сказал он наконец. – По крайней мере, я так слышал.

Холмс ждал. Затем проговорил:

– Отчет Ватсона о Рейхенбахском водопаде, его рассказ «Последнее дело Холмса», был напечатан в «Стрэнде» лишь три месяца назад – в декабре девяносто второго. Однако меня интересует общественная реакция двухлетней давности – когда газеты впервые сообщили о моей смерти.

Джеймс подавил вздох.

– Я не читаю «Стрэнд», – сказал он. – Однако мне говорили, что в Лондоне молодые люди носили траурные повязки – и при первом сообщении о вашей смерти, и этой зимой, когда вышел рассказ доктора Ватсона.

Джеймс и впрямь избегал бульварного чтива, случайных научных фактов и светских сплетен, которые публиковал «Стрэнд». Однако его младшие друзья Эдмунд Госс и Джонатан Стерджес читали журнал и оба несколько месяцев носили траурные повязки в память о Холмсе. Джеймс находил это нелепым.

Шерлок Холмс доедал мусс и улыбался.

Генри Джеймс, все еще страшаясь, что разговор, дай Холмсу волю, вернется к содержанию табакерки, сказал:

– Но для чего было устраивать такую мистификацию, сэр? Зачем предавать вашего доброго друга, доктора Ватсона, и тысячи ваших верных читателей, если вас не преследовало опасное тайное сообщество во главе с Наполеоном преступного мира? Что вами двигало? Один лишь извращенный каприз?

Холмс отложил ложку и посмотрел писателю в глаза:

– Желал бы я, чтобы все было так просто, мистер Джеймс. Нет, я решил инсценировать свою смерть и полностью раствориться, потому что путем собственных умозаключений... путем индуктивного и дедуктивного процесса, сделавшего меня первым сыщиком-консультантом мира, обнаружил чудовищный факт. Факт, который не только заставил меня в корне изменить жизнь, но и привел сегодня к Новому мосту с целью ее окончить.

– И какой же факт... – начал Генри Джеймс, но тут же осекся, осознав, что вопрос был бы совершенно неприличен.

Холмс сухо улыбнулся.

– Я обнаружил, мистер Джеймс, – сказал он, подавшись вперед, – что я – не реальная личность. Я... как бы сочинитель вроде вас это назвал? Все улики неопровержимо доказывали, что я – литературный вымысел. Творение какого-то писака. Выдуманный персонаж.

Глава 4

Теперь Джеймс нисколько не сомневался, что перед ним сумасшедший. Что-то выбросило этого Шерлока Холмса – если он и впрямь был тем Шерлоком Холмсом, с которым писатель познакомился четыре года назад у миссис О’Коннор, – за хрупкую грань реальности.

Однако нездоровая правда была проста и пугающая: Джеймса заворожила мания Холмса, и ему хотелось узнать о ней больше. Он подумал, что это блестящий сюжет для будущего рассказа, возможно, о прославленном писателе, который воображает себя собственным персонажем.

Холмс заказал коньяк – не слишком удачный выбор после шампанского и поздней трапезы, – и теперь оба пили в молчании, пока литератор готовился задать свои вопросы. Внезапно на террасе кафе по другую сторону широкого танцпола, за которым они сидели, поднялся шум. Десятки людей вскочили, мужчины кланялись, многие аплодировали.

– Это король Богемии, – сказал Холмс.

Генри Джеймс подумал было не возражать сумасшедшему, однако тут же отбросил эту мысль.

– В Богемии нет короля, мистер Холмс, – твердо произнес он. – Это принц Уэльский. Я слышал, что он обедает тут время от времени.

Холмс, не удостоив августейшую компанию вторым взглядом, отпил глоток коньяка.

– Вы и впрямь не читали ни одного из отчетов доктора Ватсона в «Стрэнде»?

Прежде чем Джеймс успел ответить, Холмс продолжил:

– Один из первых опубликованных рассказов о наших приключениях – если Джон Ватсон и впрямь был хронистом или автором этих рассказов – назывался «Скандал в Богемии» и повествовал о щекотливом деле. Бывшая примадонна императорской оперы в Варшаве шантажировала очень известного члена некой королевской фамилии, угрожая отправить родителям его невесты фотографию – свидетельство... э-э... романтической неосторожности. Ватсон со своей всегдашней осторожностью придумал «короля Богемии» в неуклюжей попытке скрыть подлинную личность августейшей особы, то есть принца Уэльского. По правде сказать, тогда я помог принцу выпутаться из неприятностей уже во второй раз: первый был связан с потенциальной оглаской карточного долга. – Холмс улыбнулся над краем коньячного бокала. – Разумеется, никакой «императорской оперы в Варшаве» тоже не существует. Ватсон хотел скрыть, что речь идет о Парижской опере.

– Вы своей чрезмерной откровенностью сводите скрытность Ватсона на нет, – заметил Джеймс.

– Я умер, – ответил Шерлок Холмс. – Покойникам скрытничать ни к чему.

Джеймс взглянул на принца Уэльского в толпе смеющихся и кланяющихся денди.

– Поскольку я не читал... э-э... хронику вашего приключения со «скандалом в Богемии», – тихо произнес он, – могу лишь догадываться, что вы добыли у авантюристки компрометирующую фотографию принца.

– Да, и весьма хитроумным способом. – Холмс рассмеялся в голос, чего среди шумного кафе вроде бы никто не заметил. – А затем эта женщина выкрала ее у меня обратно, подменив собственным портретом.

– Иначе говоря, вы потерпели поражение... – начал Джеймс.

– Да, – ответил Шерлок Холмс. – Полное. Сокрушительное. – Он отпил глоток коньяка. – На протяжении моей карьеры очень мало кому удавалось меня обставить. И никогда – ни до, ни после – женщине.

Джеймс отметил, что последнее слово было произнесено с величайшим презрением.

– Это как-то связано с вашим недавним открытием, что вы нереальны, мистер Холмс?

Высокий человек напротив Джеймса потер подбородок.

– Наверное, следовало бы попросить вас называть меня Сигерсон, но сегодня мне все равно. Нет, мистер Джеймс, давняя история принца Уэльского и его бывшей пассии – гори она в аду – никак не связана с причинами, по которым я осознал, что, пользуясь вашими словами, «нереален». Хотите узнать эти причины?

Джеймс колебался лишь секунду или две.

– Да, – сказал он.

* * *

Холмс поставил пустой бокал и сцепил над скатертью длинные пальцы.

– Все началось, как многое в жизни, с обычных домашних разговоров, – сказал он. – Те, кто читал хроники доктора Ватсона в «Стрэнде», знают – из того, что тот сообщил о себе по ходу изложения событий, – что в тысяча восемьсот восьмидесятом году его перевели из Пятого Нортумберлендского стрелкового полка, стоявшего тогда в Индии, в Шестдесят шестой Беркширский пехотный полк. Двадцать седьмого июля того же года Ватсон был тяжело ранен в сражении при Майванде. Много недель жизнь доктора висела на волоске, ибо его ранило большой свинцовой пулей из джезаила – длинного кремневого ружья, каким обычно бывают вооружены афганские мятежники, – и пуля эта, или, правильнее сказать, жакан, причинила тяжелые внутренние повреждения. Однако Ватсон выжил, несмотря на жару, мух и примитивный медицинский уход, – продолжал Холмс, – и в октябре тысяча восемьсот восемьдесят первого был отправлен в Англию на военном транспорте «Оронтес».

– Я не понимаю, как это доказывает или опровергает... – начал Генри Джеймс.

– Терпение, – сказал Холмс, поднимая длинный палец. – Рана от афганской пули была у Ватсона в плече. При разных обстоятельствах – в турецких банях, а также когда мы вместе переплывали реку в одном из моих... приключений – я видел уродливый шрам. Однако у Ватсона не осталось после войны других шрамов.

Генри Джеймс ждал. Подошел официант, и Холмс заказал для обоих турецкий кофе.

– Пять лет назад – в восемьдесят восьмом, я запомнил дату – шрам у Ватсона на плече внезапно стал пулевым ранением, на которое он жаловался – в том числе печатно, – *в ноге*.

– Не могли ли это быть две разные раны? – спросил Джеймс. – Одна в плече, другая в ноге? Возможно, второй раз его ранили в Лондоне, во время одного из ваших приключений.

– Вторая афганская пуля? – рассмеялся Холмс. – Выпущенная в Лондоне? Неведомо для меня? Очень маловероятно, мистер Джеймс. Добавьте к этому два факта: Ватсон ни разу не был ранен в приключениях, которые описал, и – что меня особенно заинтриговало – рана на его плече, ужасная паутина шрамов с заметным входным отверстием посередине, полностью исчезла, как только он начал говорить и писать о ране в ноге.

– Очень странно, – произнес Джеймс. Про себя он гадал, что делать, если этот Холмс – очевидно, сбежавший из приюта для душевнобольных – впадет в буйство.

– Далее – жены доктора Ватсона, – продолжал Холмс.

В ответ на эту околесицу Джеймс лишь поднял бровь.

– Их у него слишком много, – сказал Холмс.

– Так доктор Ватсон двоеженец?

– Нет, нет! – рассмеялся Холмс.

Принесли кофе. На вкус Джеймса он был чересчур горький, но одержимцу, судя по всему, понравился.

– Они возникают и пропадают – насколько я понял, в зависимости от того, нужно ли сочинителю, чтобы Ватсон жил со мной в доме двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит. А

их имена меняются произвольно, мистер Джеймс. То Констанция. То Мэри. То безымянная супруга. То снова Мэри.

– Женам случается умирать, – заметил Джеймс.

– Да, благодарение Богу. – Холмс согласно кивнул. – Однако, как правило, этому что-нибудь предшествует – болезнь, например, – и в любом случае вдовец потом некоторое время скорбит. Однако Ватсон, добрая душа, просто снова переезжает ко мне, и мы участвуем в приключениях бок о бок. Я хочу сказать, в промежутках между его мифическими женами.

Генри Джеймс прочистил горло, но не нашел что сказать.

– Есть еще странный факт касательно самой нашей квартиры, – вещал Холмс, не замечая явных намеков собеседника, что разговор тому уже прискучил. – Я живу – мы с Ватсоном живем – в доме двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит практически с нашего знакомства в январе восемьдесят первого.

– Здесь есть какой-то парадокс? – спросил Джеймс.

– Когда зимой – весной девяностого и девяносто первого года у меня возникли, а затем и умножились сомнения, – очень тихо произнес Холмс, – я пошел в контору городского землемера и посмотрел новейшие планы нашего квартала. В девяносто первом, через десять лет после того, как мы поселились в доме двести двадцать один бэ, Бейкер-стрит заканчивалась домом номер восемьдесят пять.

– Невероятно, – пробормотал Джеймс.

– Но главное, – продолжал Холмс, будто не слыша его, – что заставило меня сомневаться в собственном бытии вне вымышленных страниц, – это смутность, непроработанность, пустота между расследованиями. Как если бы я жил... существовал... лишь когда распутываю очередное дело.

– Не может ли это объясняться вашей... э-э... приверженностью к наркотическим веществам? – спросил Джеймс.

Холмс рассмеялся и со звоном поставил чашку на стол.

– Так вы все-таки читали о моих приключениях в «Стрэнде»!

– Нет, не читал, но, как я уже упомянул, мои молодые друзья читали. Помню, один из них говорил, что вы часто вводите себе... кокаин, я не ошибаюсь?

Джеймс прекрасно помнил, с каким восторгом Эдмунд Госс рассказывал о наркотической зависимости Холмса. Писатель еще подумал тогда, что Госс и сам экспериментирует с кокаином.

– Всего лишь семипроцентный раствор, – рассмеялся Холмс. – Очень скромно, если сравнить с курильщиками опиума. Но после своей смерти двадцать четвертого апреля девяносто первого года я полностью излечился от этой пагубной привычки.

– Прекрасно, – сказал Джеймс, – и как же?

– Я перешел на куда более безопасное вещество под названием «морфин», – ответил Шерлок Холмс. – А в последние недели я нашел еще более безвредную замену. Это чудовещество получил наш немецкий друг, создатель аспирина, сам доктор Байер. Оно настолько не вызывает зависимости и не дает побочных эффектов, что Байер нарек новое лекарство по его героическим свойствам.

– Да? – спросил Джеймс.

– Оно зовется «героин», – сказал Шерлок Холмс. – И я надеюсь, когда на будущей неделе мы с вами прибудем в Америку, найти его там в больших количествах и дешевле. Морфин в Соединенных Штатах купить куда легче, чем в Англии, поскольку десятки или даже сотни тысяч солдат, раненных во время Войны Севера и Юга тридцать лет назад, продолжают его принимать. А теперь героический героин, еще не выпущенный на мировой рынок, становится там не менее популярен.

Джеймс глядел на высокого собеседника во все глаза:

– Мы едем в Америку? Мы?!

– Рано утром мы отправимся в Марсель и сядем на идущий в Америку пароход, – ответил Холмс. – Семь лет назад в тамошней столице произошло убийство, которое я считаю своим долгом разгадать, и в ваших интересах – жизненных интересах, мой дорогой Джеймс, – отправиться со мной. Я не мог бы, не поступившись совестью, оставить вас в Париже, пока вы пребываете в меланхолическом расположении духа, толкающем к самоуничтожению. И к тому же... вам понравится! Игра началась, и она зовет нас столь же неудержимо, как следующий рассказ или книга зовет вашу творческую душу и литературское перо.

Холмс жестом потребовал счет и расплатился, а Джеймс все так же сидел, вытаращив глаза, с неприлично отвисшей челюстью.

Глава 5

Следующие десять дней – все время путешествия на корабле из Франции в Нью-Йорк, затем на поезде до Вашингтона – Генри Джеймс чувствовал себя как во сне. Нет, не столько во сне (его сны обычно были очень яркими и подробными), сколько в тумане. В приятном и опасном тумане, где не надо принимать решений.

Они отплыли из Марселя на стареньком французском лайнере «Париж». Джеймс вроде бы помнил, что уже был на борту этого судна двенадцать лет назад, в свою последнюю американскую поездку, когда спешил домой в Кембридж к умирающим матери и отцу. Шерлок Холмс отказался сесть на более современный английский пароход, так как это означало бы остановку в Англии («Париж» заходил только в Дублин, да и то ненадолго), а Холмс объявил, что не ступит ногой на английскую почву, пока «все не выяснит». Что именно предстоит выяснить, сыщик не сказал, но Джеймс догадывался, что речь идет о реальности или вымысленности.

За десять дней до того, как они сошли на берег в Нью-Йорке, случилось пять поразительных разговоров – вернее сказать, откровений, – и Джеймсу, чтобы расположить их по порядку, пришлось вспоминать не только слова, но и обстановку, в которой они прозвучали.

Первый разговор произошел перед гостиницей на Рю-де-ля-Пэ сразу после очень позднего ужина в ночь их встречи.

– Разумеется, нелепо думать, что я мог бы – или захотел бы – отправиться сейчас в Америку, – сказал Джеймс, держа зонт обеими руками, как оружие.

– Однако вам придется, – спокойно ответил Холмс. – От этого зависит успех моего дела.

– Дела? – переспросил Генри Джеймс. – Я полагал, что вы отошли от расследований почти два года назад, когда инсценировали свою гибель.

– Ничуть, – отвечал Холмс. – Под именем Яна Сигерсона я проводил расследования в Турции, Индии и других местах. Но то было для моего брата Майкрофта, для Уайтхолла, для Англии. Теперь я чувствую, что должен вновь взяться за частное дело. Распутать загадку, которая почти наверняка не связана с политикой.

Джеймс по-прежнему сжимал пухлыми руками зонт.

– Позвольте угадать, – сказал он. – В отсутствие доктора Ватсона вам нужен я, чтобы записывать ваши приключения. Быть вашим Босуэллом.

Шерлок Холмс расхохотался так, что его смех эхом отразился от каменных домов.

– Нет, нет и нет, мистер Джеймс. Я убежден, что роль Босуэлла не подошла бы вам в любом случае, и уж тем более вы не сумеете изложить подробности детективной истории.

Джеймс резко выпрямился. Он считал, что способен написать любую историю, лишь бы тема и стиль не были ниже его достоинства. К тому же в молодости он сочинил несколько детективных рассказов за деньги.

– Я хочу сказать, – продолжал Холмс, – что хотя сам не читал ваших романов и повестей, многие мои знакомые – включая самого Ватсона – их читали. Из их слов я делаю вывод, что ваш рассказ о моих приключениях в Америке – пусть даже самых захватывающих – будет включать героиню, молодую и красивую американку, множество случайных аристократов, туманные словеса вперемежку с невнятными описаниями, и ничего более волнующего, чем допущенная кем-то неловкость в разговоре или поданный с опозданием чай.

Джеймс подумал, не следует ли ему оскорбиться и повести себя соответственно, но понял, что нисколько не обижен. Скорее ему было забавно.

– В таком случае у вас нет никаких мыслимых причин желать, чтобы я отправился с вами в эту безумную поездку, сэр.

– Однако у меня есть такая причина, мистер Джеймс, – сказал Холмс. – Вы нужны мне для вхождения в американский контекст, для... как вы назвали это раньше?... для прикрытия и для общества. Я буду чужаком в чужой стране, и мне потребуется ваша помощь. Желаете ли вы узнать остальные причины?

Джеймс промолчал. Мысли его уже обратились от самоубийства в Сене к мягкой кровати в гостиничном номере, от которого его отделяли сейчас несколько десятков шагов и короткая поездка на лифте.

– В марте тысяча восемьсот девяносто первого года, почти ровно два года назад, – продолжал Холмс, то ли не замечая, то ли не желая замечать, что его собеседник не выказал и малейшего интереса, – мою холостяцкую квартиру в доме номер двести двадцать один бэ по Бейкер-стрит посетил джентльмен, желающий прибегнуть к моим услугам. Он был американец, убийство, о котором он говорил, произошло в американской столице, и звали его Эдвард Хупер. Он показал мне три тысячи долларов и сказал, что готов их заплатить, если я отправлюсь с ним в Америку и разгадаю тайну убийства его сестры. Я взял один доллар в качестве аванса, но мне потребовалось три года, чтобы взяться за эту... загадку.

– Нет, я не знаю и никогда не слышал... – начал Джеймс и тут же осекся.

– Насколько мне известно, вы были знакомы с сестрой Эдварда Хупера – Марианной Хупер Адамс, – сказал Холмс.

– Кlover, – произнес Генри Джеймс так тихо, что сам едва расслышал эти два слога. – Кlover Адамс, – повторил он. – Еще в детстве Марианну Хупер прозвали Кlover. Прозвище ей шло.

– Так вы близко ее знали, – настаивал Холмс.

– Я дружил с Генри Адамсом много-много лет, – сказал Джеймс. Он предпочел бы сдержаться и не говорить всего этого, но сегодня отчего-то чувствовал потребность выбалтывать секреты, которые в обычный день берег бы пуще жизни. – И да, я близко знал Кlover Адамс – насколько это возможно в случае женщины очень умной, но непредсказуемой и подверженной частым приступам меланхолии. Когда я последний раз был в Америке в начале восьмидесятых, то останавливался у них дома.

– В таком случае вам известны внешние обстоятельства ее смерти, – сказал Холмс.

Джеймсу показалось, что в глазах сыщика-консультанта вспыхнул странный огонь, хотя, возможно, в его зрачках просто отразился газовый фонарь, по-прежнему горевший на этом отрезке Рю-де-ля-Пэ.

– Она покончила с собой, – произнес Джеймс резче, чем собирался. – Шесть... нет... примерно семь с половиной лет назад. История давняя для всех, кроме тех, кому она была особенно дорога, – ее мужа Генри и ближайших друзей, к числу которых отношусь и я.

– Шестого декабря тысяча восемьсот восемьдесят пятого, – тихо сказал Холмс. – Дата являет собой часть загадки, которую изложил мне брат покойной, мистер Эдвард Хупер.

Джеймс намеревался сказать, что не имел удовольствия лично знать брата Кlover Эдварда и что Кlover и Генри между собой всегда называли его Нед, но вместо этого услышал собственные слова, резкие, как удар хлыста:

– Она покончила с собой, мистер Холмс. Все это признали. Ее муж Генри. Наш общий друг и сосед Адамсов, мистер Джон Хэй. Врач. Полиция. Газеты. Все признали, что она сама наложила на себя руки. Понимаете, она была очень меланхолична по натуре, и всем нам, знавшим и любившим Кlover Адамс, это было известно. Склонность к меланхолии – и даже к самоубийству – у Хуперов в крови. И Кlover глубоко, возможно безутешно, скорбела по отцу, умершему в начале года. Видите ли, она была очень к нему привязана. В месяцы, следовавшие за смертью мистера Хупера, никакие усилия Генри и других не могли вырвать бедняжку Кlover из железных оков горя и уныния.

Джеймс замолчал. Он почти задышался после страстной короткой речи и одновременно чувствовал себя глупо из-за того, что сказал так много.

Холмс сунул руку во внутренний карман твидового пиджака и вытащил белый прямоугольник. Несмотря на внутренний протест, Джеймс оторвал руку от зонтика и взял карточку. Она походила на дамскую визитную, но была не цветная, согласно последней английской и американской моде, а простая белая, с тисненым рисунком: прямоугольная рамка и в верхней ее части – пять сердец. Четыре из них были закрашены синим – вероятно, карандашом или восковым мелком. Пятое осталось пустым.

Генри Джеймс немедленно понял общий смысл пяти сердец, хотя не знал, почему одно из них не закрашено и что означает единственная строчка под ними, напечатанная, по-видимому, на пишущей машинке:

Ее убили.

– Эдвард Хупер, брат Кlover, придя ко мне два года назад, сказал, что получает в точности такую карточку каждое шестое декабря, в годовщину смерти сестры, начиная с первой в тысяча восемьсот восемьдесят шестом, – сказал Холмс. – И я заметил, мистер Джеймс, что вы сразу поняли смысл пяти оттиснутых на карточке сердец. Мистер Хупер сказал, что все оставшиеся в живых члены «Пяти сердец» ежегодно получают такую же карточку. Общество, как мистер Хупер знал точно, включало мистера Генри Адамса, хотя Адамсы никому о нем не рассказывали.

– Нед Хупер никогда не был членом «Пяти сердец»! – быстро ответил Джеймс.

Холмс кивнул:

– Не входил. И считал, что единственный из тех, кто не входил в общество, получает такую карточку. Хотя, разумеется, он не мог знать наверняка.

– Кlover Адамс покончила с собой, – повторил Генри Джеймс. – Это не касается никого, кроме ее мужа, а Генри Адамс никогда не говорит о случившемся. Он сам чуть не умер от горя после... после ее поступка.

– Что вы скажете о подозрениях ее брата? – спросил Холмс.

– Они необоснованны, – ответил Джеймс. – Эти... карточки... если их и впрямь рассылают, свидетельствуют лишь о чьем-то извращенном чувстве юмора. Как я сказал, меланхолия – и что-то вроде мании преследования – у Хуперов в крови. Я никогда не встречался с мистером Эдвардом Хупером – при мне его всегда упоминали как Неда, – но уверен, что он ошибается.

– Мистер Эдвард Хупер умер, – сказал Шерлок Холмс.

– Умер? – Джеймс сам услышал, как тихо и жалобно прозвучало короткое слово за грохотом экипажей и говором прохожих на оживленной ночной Рю-де-ля-Пэ.

– Он попытался покончить с собой в прошлом декабре – на следующий день после годовщины так называемого самоубийства сестры, – выбросившись из окна четвертого этажа своего дома на Бикон-стрит в Бостоне, – сказал Шерлок Холмс. – В падении он получил тяжелые увечья, но выжил и был помещен в бостонский приют для душевнобольных. Хупер шел на поправку, и душевно, и телесно, но две недели назад слег с воспалением легких, которое и унесло его жизнь.

– Ужасно, – пробормотал Джеймс. – Ужасно. Генри не писал мне об этих событиях. Как вышло, что вы, мистер Шерлок Холмс, знаете о недавних событиях в Америке, о которых неизвестно мне, если, как утверждаете, провели последние два года в удаленных уголках обширной империи?

– Всякий добрый англичанин всегда прячется за «Таймс», – ответил Шерлок Холмс.

Джеймс заморгал – то ли от непонимания, то ли от возмущения бородатой шуткой, неуместной в таком контексте. Возможно, он хотел выразить оба чувства сразу.

– Я читал лондонские газеты даже в Индии, куда они попадали с опозданием в несколько недель, – продолжал Холмс. – Здесь, в Париже, они вполне свежие. А выбор американских газет весьма обширен и включает бостонскую, в которой я и прочел о попытке Эдварда Хупера покончить с собой и о его смерти от воспаления легких.

Джеймс, хрипло дыша, обернулся на манящие огни гостиницы.

Холмс сделал полшага вперед и, вновь завладев вниманием Джеймса, сказал:

– Теперь вы понимаете, почему я должен исполнить обещание, данное Неду Хуперу, и расследовать дело о смерти его сестры.

– Нет никакого «дела», – с нажимом произнес Джеймс. – Лишь трагедия ее самоубийства семилетней давности. «Дело», как вы мелодраматически его назвали, закрыто.

– Помните ли вы, отчего умерла миссис Адамс? – спросил Холмс.

Генри Джеймс знал, что сейчас надо развернуться, уйти в гостиницу и никогда больше не говорить с этим безумцем. Однако он не тронулся с места.

– В период глубокой меланхолии, оставшись одна на несколько минут в воскресенье, Кlover выпила раствор – один из компонентов состава, которым проявляла свои фотографии, – сказал наконец Джеймс, чтобы не длить мучительное молчание. – Раствор содержал яд. Смерть наступила мгновенно.

– Этот яд, цианистый калий, действует быстро, но не мгновенно, – спокойно произнес Холмс, как будто обсуждал железнодорожное расписание. – Она должна была задохнуться лишь после долгих мгновений мучительной агонии.

Джеймс вскинул свободную руку, словно пытаясь защититься от таких слов и образов.

– Кто нашел тело? – настаивал Холмс.

– Ее муж... Генри... я уверен, – ответил Джеймс, чуть ли не заикаясь. Внезапно на него накатило смутение. Он отчасти жалел, что ему не дали совершить задуманное самоубийство.

– Да. В полицейском отчете сообщалось, что именно Генри Адамс нашел ее «на полу у камина в коматозном состоянии», – сказал Шерлок Холмс. – Это произошло утром, в определенный час воскресенья, в декабре. Говорит ли вам что-нибудь время суток и день недели, мистер Джеймс?

– Нет, решительно ничего. Или... или вы хотите сказать, что именно в это время на протяжении многих лет Кlover садилась писать отцу, особенно во время его болезни?

Холмс не ответил, только приблизился еще на полшага и зашептал:

– Генри Адамс говорил друзьям, что никогда не оставляет жену в этот час одну, опасаясь, что ее меланхолия возьмет верх над разумом. И все же именно в воскресенье, шестого декабря, семь лет назад, она осталась одна по крайней мере на несколько минут.

– Если не ошибаюсь, Генри пошел к дантисту по поводу зуба, который... *вы допрашиваете меня, мистер Холмс?*

– Ничего подобного. Я объясняю, почему мне так важно ваше присутствие при расследовании.

– Я не предам друга, мистер Холмс.

– Разумеется. Но разве не предательство по отношению к вашим друзьям – Генри Адамсу и покойной Кlover Адамс, если это все же было убийство и никто не возьмет на себя труд хотя бы вникнуть в обстоятельства?

– Это... не было... убийство, – сказал Джеймс, мысленно поклявшись, что повторяет утверждение в последний раз. – Кlover была одной из первых американских женщин-фотографов своей эпохи. Ее снимки волшебны. В них есть что-то не от мира сего. Однако именно их потусторонность усилила врожденную предрасположенность Кlover к ужасной меланхолии, которая в тот зимний день взяла над ней верх. А под рукой как раз случился раствор из ее домашней фотолаборатории, который, Кlover знала, содержит яд.

– А кто дал ей химикаты для приготовления раствора? – спросил Холмс.

– Я полагал, что она купила их сама, – резко ответил Джеймс. – Если вы вновь пытаетесь бросить хоть тень подозрения на моего доброго и честного друга Генри Адамса...

Холмс поднял руку в перчатке:

– Ни в коей мере. Я знаю, кто снабдил миссис Адамс опасными химикатами. Брат ее приятельницы, некой мисс Ребекки Лорн, с которой миссис Адамс случайно познакомилась в Вашингтоне. Когда Генри Адамс вернулся от дантиста, эта самая приятельница, мисс Лорн, – согласно полицейским отчетам и газетам, которые Нед Хупер передал мне два года назад, – ждала у входа. Она сказала Адамсу, что пришла навестить миссис Адамс, и спросила, принимает ли та. Мистер Адамс пообещал подняться к жене и выяснить, готова ли она видеть гостью. Тогда-то он и обнаружил ее тело на полу.

– Вы вновь намекаете... – Джеймс яростно оскалился. Обычно этой гримасы в куда более умеренном варианте хватало, чтобы осадить назойливого собеседника, посягающего на чересчур личные темы.

– Я ни на что не намекаю, – ответил Холмс как ни в чем не бывало. – Я просто объясняю, почему нам с вами надо сесть на марсельский экспресс в шесть пятнадцать утра и завтра вечером подняться на борт нью-йоркского парохода.

– Никакими силами, шантажом, уговорами или другими методами убеждения – в этой жизни или в любых возможных вариантах этой жизни – вы не заставите меня отправиться с вами завтра в Марсель, а тем паче в Америку, мистер Шерлок Холмс, – произнес Генри Джеймс.

Глава 6

В купе первого класса, кроме них, никого не было, к большой радости Генри Джеймса, и первые три часа оба молчали. Джеймс делал вид, будто читает роман. Холмс прятался за «Таймс».

Внезапно, без всяких предисловий, он опустил газету и сказал:

– К тому же у вас тогда была борода.

Джеймс поднял голову и вытаращил глаза:

– Простите?

Со временем он привыкнет, что Шерлок Холмс внезапно меняет тему или ни с того ни с сего отпускает странные замечания, но тогда очень удивился.

– Четыре года назад, – сказал Холмс. – Когда нас представили друг другу на чаепитии у миссис Т. П. О’Коннор. У вас к тому же была борода.

Джеймс промолчал. Он не носил бороду со времен Войны Севера и Юга.

– Отчасти поэтому я узнал вас в темноте на берегу Сены, – закончил Холмс и вновь уткнулся в газету.

Наконец, увидев способ раздосадовать несносного спутника, Джеймс заговорил:

– Я предположил бы, что прославленный сыщик-консультант полагается в распознавании лиц на более существенные элементы физиогномии, нежели борода.

Холмс рассмеялся:

– Разумеется! Я вижу физиогномии людей, а не их дополнительную волосяную экипировку. Например, я в своем роде эксперт по ушам.

– Вы даже не помнили, что нас друг другу представили, – сказал Джеймс, оставив без ответа нелепое утверждение про уши.

– Не совсем так, сэр, – рассмеялся Холмс. – Я помню, как узнал, что на приеме будет американец мистер Джеймс, и обрадовался, полагая, что это ваш брат, психолог, с которым я надеялся обсудить некоторые вопросы.

– В восемьдесят восьмом Уильям еще не опубликовал свои «Основания психологии», – проворчал Джеймс. – Он был совершенно неизвестен миру. Вы не могли стремиться к беседе с ним, мистер Холмс. Ваша память вас подводит.

– Ничуть, – усмехнулся сыщик. – Американские друзья, разделяющие в некотором смысле мое призвание, присылали мне статьи вашего брата за годы до появления книги. Но главным образом я был рассеян на том приеме в саду у миссис О’Коннор, поскольку в те самые минуты наблюдал, как подозреваемый крадет драгоценности. Мы взяли его, как выразился бы Ватсон, с поличным. Хотя, должен признать, я так и не узнал, откуда пошло это странное выражение – «с поличным».

– Всего лишь слуга, сказали вы вчера, – заметил Джеймс, глядя в раскрытый роман. С тем же успехом страница могла быть напечатана иероглифами. У Генри Джеймса не было сил читать – состояние для него крайне редкое.

– Всего лишь слуга, но весьма доверенный челядинец вашей доброй приятельницы леди Вулзли, – сказал Холмс.

Джеймс чуть не выронил книгу.

– Слуга лорда и леди Вулзли крал драгоценности! – воскликнул он. – Невозможно. Нелепость.

– Ничуть, – ответил Холмс. – Лорд Вулзли пригласил меня расследовать череду краж в очаровательных сельских владениях своих друзей, но ему незачем было обращаться ко мне. Любой умеренно толковый деревенский констебль разобрался бы в таком простом деле. Я узнал, кто это, – вернее, сузил число подозреваемых до очень небольшой группы – за первые

часы расследования. Видите ли, кражи начались в усадьбах родовитых англичан, проживающих в Ирландии. Собственно, они произошли во всех крупных поместьях, исключая владения самого лорда Вулзли и тех немногих английских аристократов, которых лорд и леди Вулзли не жаловали своим вниманием.

Генри Джеймс хотел снова возразить – как по логическим соображениям, так и по довольно смутным личным, – но не мог пока подобрать слов.

– Главным вором оказался Джермонд, – продолжал Холмс. – Роберт Джейкоб Джермонд. Пожилой капрал, бывший ординарцем и денщиком генерала – лорда Вулзли – в различных кампаниях, в ирландских военных лагерях и в поместье на зеленом острове. Надо сказать, что капрал Джермонд ничуть не походил на вора: у него длинное лицо, немного похожее на морду бассет-хаунда, и ясные, печальные, выразительные глаза. Однако всякому, наделенному хоть толикой дедуктивных способностей, довольно было просмотреть список краж в ирландских гарнизонах лорда В., в домах его ирландских друзей, а затем в Англии за те месяцы, когда лорд и леди В. гостили на родине, чтобы найти организатора и вдохновителя краж, если к столь банальному преступлению применимы такие высокие слова. В ту минуту, когда мы с вами, мистер Джеймс, встретились на чайном приеме в саду миссис Т. П. О’Коннор, я исподволь наблюдал, как капрал Джермонд подстраивает очередную кражу. Он был чрезвычайно ловок.

Джеймс почувствовал, что краснеет. За годы дружбы с лордом и леди Вулзли он познакомился со многими их старшими слугами – по большей части отставными военными, служившими прежде под началом генерала, – но Джермонд был его личным камердинером во время единственного визита в ирландское поместье лорда Вулзли. Джеймс ощущал странное... сродство с пожилым капралом, обладателем тихого голоса и печальных собачьих глаз.

* * *

Джеймс был очень недоволен, когда узнал, что на «Париже» им с Холмсом предстоит жить в одной каюте, пусть и первого класса. Холмс объяснил, что других не было, – он брал билеты перед самым отплытием, и даже эта двухместная каюта оказалась свободна лишь потому, что кто-то в последний момент раздумал плыть.

– Если только вы не хотите путешествовать четвертым классом, на палубных местах, – добавил он, – что, по моему прошлому опыту, не лишено своеобразной прелести.

– Я вообще не хочу путешествовать на этом корабле, да и ни на каком другом, – буркнул Джеймс.

Впрочем, в дороге они почти все время проводили порознь. Холмс никогда не выходил к первому завтраку, лишь изредка съедал очень неплохой *petit déjeuner*⁴ в утренней столовой, всегда пропускал ленч и буквально считанные разы являлся на свое место за капитанским столом, где вечерами, в смокинге, Джеймс пытался беседовать с французскими аристократами, немецкими промышленниками, седобородым капитаном (который интересовался исключительно едой) и единственной англичанкой, выжившей из ума старухой, которая упорно называла его «мистер Джейн».

Дни он проводил, роясь в скудной корабельной библиотеке (там не было ни одной его книги, даже в переводе), прогуливаясь по не слишком просторной палубе или слушая убогие концерты, устраиваемые для развлечения пассажиров.

И все же дважды он заставлял Шерлока Холмса в чрезвычайно личные и неловкие моменты.

⁴ Первый завтрак (*фр.*).

Первый раз это случилось, когда Джеймс после завтрака зашел в каюту переменить платье. Холмс лежал на койке, по-прежнему в ночной рубашке. Его левый бицепс был туго перетянут резиновым жгутом, и сыщик-консультант вынимал иголку шприца из сгиба локтя. На прикроватном столике – их общем столике, куда Джеймс клал книгу, когда приходило время тушить свет, – стоял пузырек с темной жидкостью, по всей очевидности морфином.

Генри Джеймс и раньше знал, как вводят и как действует морфин. За месяцы до смерти Алисы он наблюдал, как она уплывает в золотистое сияние наркотического полусна, прочь от всего человеческого (в том числе в себе). Катарина Лоринг даже получила от Алисиного врача указания, как ввести морфин, если рядом не будет человека более опытного. Джеймсу ни разу не пришлось делать сестре инъекцию, но он мысленно к этому готовился. Алиса в последние месяцы прошлого года получала, помимо морфия, регулярные сеансы гипноза с целью облегчить непрекращающиеся боли.

Однако Холмс, насколько Джеймс знал, не испытывал физических болей. Он просто был морфинистом, а до того, на протяжении многих лет, кокаинистом и не скрывал, что намерен разыскать в Америке новый «героический» препарат господина Байера, легкодоступный в Соединенных Штатах.

Холмс ничуть не смутился – просто глянул из-под тяжелых век, спокойно убрал шприц, пузырек и все остальное в сафьяновый несессер (который Джеймс видел раньше, но полагал, что там хранится бритвенный прибор) и сонно улыбнулся.

С нескрываемым омерзением Джеймс повернулся на каблуках и вышел из каюты, так и не переодевшись для прогулки по палубе.

* * *

Второй мучительно личный эпизод случился на четвертый вечер после отплытия из Дублина, когда Джеймс, предварительно постучав, открыл дверь каюты и застал Холмса голым перед тумбочкой с умывальным тазом и зеркальцем. И вновь Холмс не выказал должного смущения, не бросился натягивать ночную рубашку, несмотря на явное недовольство соседа по каюте.

Генри Джеймс и раньше видел голых мужчин. Обнаженное мужское тело вызывало у него сложные чувства, но главным образом заставляло вспомнить о смерти.

Как только Генри Джеймс выучился ходить, он начал повсюду следовать за братом Уильямом (на год его старше). Генри не мог (и не хотел) участвовать в грубых уличных забавах старшего брата, но позже, когда Уильям вознамерился стать художником, решил тоже выбрать эту стезю. При всякой возможности он вместе с Уильямом ходил на уроки живописи и рисунка, которые оплачивал их отец.

Как-то Джеймс вошел в ньюпортскую рисовальную студию и увидел, что их двоюродный брат Гас Баркер позирует обнаженным перед классом. Джеймс был до глубины души поражен красотой рыжеволосого кузена – прозрачной белизной кожи, беззащитностью поникшего пениса, розовой женственностью сосков. Он сделал вид, будто испытывает чисто художественный интерес: грозно глянул на рисунки Уильяма и других учеников, словно намеревался сам схватить лист бумаги и несколькими угольными линиями запечатлеть невыразимую силу наготы. Однако сильнее всего юного Генри Джеймса, в котором пробуждающееся писательское чувство было сильнее полового влечения, заворожил собственный сложный отклик на спокойную наготу родственника.

Гас Баркер первым из их тесного семейно-дружеского кружка погиб на Войне Севера и Юга, скошенный пулей конфедератского снайпера в Виргинии. В последующие десятилетия Генри Джеймс не мог вспомнить свое детское упоение красотой нагого мужского тела и не подумать, что то же тело – медный пушок лобковых волос, жилы на мускулистых руках,

странная притягательность белых ляжек – гниет под суглинком на каком-то неведомом виргинском поле.

Потом домой привезли младшего брата Генри Джеймса, Уилки. Он был тяжело ранен в злополучной атаке Пятьдесят четвертого Массачусетского черного полка на Форт-Вагнер в Южной Каролине и умер бы в полевом госпитале (молодого офицера оставили лежать на грязных носилках в проходе как безнадежного), если бы его случайно не нашел друг семьи Кэбот Рассел, искавший пропавшего без вести сына. Джеймс был с отцом и матерью, когда те мыли своего ребенка, и нагое тело Уилки стало для Генри Джеймса-младшего откровением нового рода. Он увидел жуткую рану на спине, откуда еще не извлекли конфедератскую пулю, и вторую, на ноге – из нее пулю извлекли на корабле по пути на север, – гноящуюся, с первыми признаками гангрены.

В тот раз, глядя на голого младшего брата, с которого только что срезали смердящую армейскую форму и которого мать сейчас касалась так бережно, Генри Джеймс осознал, насколько мужское тело уязвимо для огня, свинца, стали, болезни. Во многом – особенно когда его, кричащего от боли, переворачивали на живот, чтобы промыть спину и ногу, – Уилки Джеймс больше походил на недельный труп, чем на живого человека. Чем на брата.

Был и другой Холмс, которого Джеймс видел обнаженным. Под конец войны друг его детства – всего на два года старше, но повзрослевший в боях на два десятилетия – Оливер Уэнделл Холмс-младший заехал навестить Джеймса в Бостоне, а затем они вместе отправились в Норт-Конвей провести кузину Минни Темпл и ее сестер. В первую ночь молодой Джеймс и тот другой Холмс были вынуждены делить спартанскую комнату и единственную продавленную кровать – прежде чем на следующий же день нашли квартиру получше. Тогда-то Джеймс, уже в пижаме и под одеялом, видел в свете лампы, как Оливер Уэнделл Холмс-младший стоял голый перед умывальным тазом и зеркалом – в точности как Шерлок Холмс этим вечером в каюте «Парижа» посреди бурной Атлантики.

И вновь юный Джеймс поразился красоте поджарого и мускулистого мужского тела, неразделимо связанной со смертью: чудовищные шрамы белой паутиной разбегались по спине, бокам и ноге Оливера. Тот другой Холмс – Холмс Джеймса – так гордился полученными на войне ранами, что на протяжении десятилетий часто рассказывал о них в подробностях, которые при дамах обычно опускают. Тот другой Холмс, со временем ставший видным юристом, упорно хранил в платяном шкафу изорванный мундир, пахнувший кровью, порохом и разложением в точности как разрезанный мундир Уилки. Беседуя за сигарами с богатыми и влиятельными мужами, Оливер доставал его и показывал бурые пятна крови и рваные дыры – в тех самых местах, где Джеймс в тот вечер увидел глубокие белые шрамы на голом теле друга своего детства.

Тогда Джеймс созерцал одновременно красоту обнаженного мужского тела и безобразные письмена, которыми смерть заявляла свои права на всякую плоть.

Так что как ни шокирован был Генри Джеймс, он успел заметить в тусклом свете корабельной лампы, что у мистера Шерлока Холмса – еще более худого, чем Оливер Уэнделл Холмс-младший, который тогда был на пятнадцать лет младше нынешнего Шерлока, – спина испещрена шрамами. Они были такие же грубые, как у брата Уилки и Оливера, но расходились пучком, словно у флагелланта, бичующего себя до мяса.

– Извините, – сказал Генри Джеймс, все еще стоя на пороге каюты. – Я не...

Он не знал, что «не», поэтому продолжать не стал.

Холмс обернулся и глянул на него. Грудь сыщика тоже покрывали белые шрамы. Джеймс успел отметить, что, несмотря на крайнюю худобу – такие ввалившиеся бока писатель видел лишь у бегунов на соревнованиях, – тело мистера Шерлока Холмса, белое в свете лампы, как некогда у Гаса Баркера, являет собой комок напряженных тугих мускулов.

– Извините, – повторил Джеймс и попятился.

В тот вечер он допоздна сидел в салоне первого класса, курил и читал какой-то неинтересный журнал, чтобы вернуться в каюту, когда Холмс уже наверняка будет спать.

* * *

«Париж», сильно отстав даже от собственного неспешного расписания, вошел в Нью-Йоркскую гавань ранним вечером, когда силуэты старых домов отчетливо проступали на фоне закатного неба. Все трансатлантические лайнеры, которыми Джеймс прежде возвращался из Европы, если и приходили в Нью-Йорк, то рано утром. Сейчас он чувствовал, что вечернее прибытие не только приятно эстетически – хотя эстетика Нью-Йорка давно стала для него невыносимой, – но и уместно для их тайной миссии.

Холмс без приглашения подошел к Джеймсу, когда тот у борта наблюдал за суетой буксиров и спящих по гавани судов, вслушиваясь в гудки, звон и гомон одного из самых оживленных портов мира.

– Любопытный город, не правда ли? – сказал сыщик.

– Да, – коротко ответил Джеймс.

Десять лет назад, в 1883-м, он покинул Америку с твердым намерением больше туда не возвращаться. Тогдашние впечатления выплеснулись в нескольких очерках, написанных позже в благополучном английском Кенсингтоне. Город, где Джеймс провел счастливое, как ему казалось, детство в доме неподалеку от парка на Вашингтон-сквер, изменился, по словам писателя, до неузнаваемости. Основательный полудеревенский уклад тех дней исчез, осталось стремительное коловращение иммигрантов с их чуждыми языками и запахами.

В одном эссе Джеймс сравнил евреев в Нижнем Истсайте с крысами и другими вредителями, которые полчищами хлынули за англосаксонскими предшественниками и вскоре превысили их числом. И все же он не мог не отметить, что эти... иммигранты... печатают больше газет на иврите, чем выходит в городе по-английски, и что их театры, где идут грубые постановки на идиш, собирают больше зрителей, чем Бродвей, что евреи – а также итальянцы и другие иммигранты худшего разбора, включая большую часть ирландцев, – заняли столько места, так прочно присосались к Великой американской мечте, что стали от нее неотделимы.

Из-за этого Генри Джеймс чувствовал себя чужаком в родной стране, так что снова и снова возвращался в очерках к мучительной теме, однако он ничего не сказал об этом сейчас, когда старенький лайнер готовился подойти к причальной стене.

Некоторое время двое мужчин стояли молча.

– Вам будет интересно узнать, как я догадался в тот вечер у Сены, что у вас с собою прах вашей сестры Алисы, – очень тихо проговорил Холмс.

У борта толпились пассажиры, однако сыщика и литератора как будто окружал невидимый пузырь, в котором были лишь они двое.

– Я ничего не желаю об этом слышать, – ответил Джеймс так же тихо, но с куда большим напором. – Меня ничуть не занимают ваши дикие измышления.

– Я пробыл там дольше вас, – продолжал Холмс, глядя на окружающие корабли, пожарные катера и гребные шлюпки, – и мои глаза лучше привыкли к темноте. Я видел, как вы несколько раз доставали табакерку... держали ее благоговейно, убирали в карман, вытаскивали снова. Я видел, что она из слоновой кости – только слоновая кость белеет так в таком слабом свете, – и еще я сразу понял, что вы не нюхаете табак.

– Вам ничего не известно о моих привычках, сэр, – ледяным тоном произнес Джеймс.

Из-за толпы пассажиров он не мог развернуться и уйти прочь, поэтому только отвел взгляд от Холмса.

– Известно, разумеется, – отвечал Холмс. – У тех, кто нюхает табак, даже изредка, есть характерные никотиновые пятна на большом и среднем пальце. У вас их нет. И те, кто берет понюшки, не запечатывают табакерки сургучом.

– Вы не могли разглядеть это все за считанные секунды, да еще в темноте, – сказал Джеймс. Его сердце колотилось о ребра.

– Мог и разглядел, – произнес Шерлок Холмс. – Позже, когда мы уходили, я стал разжигать трубку, чтобы подтвердить свои наблюдения. Вы не замечали – очевидно, сжимать табакерку, особенно в минуты сильных переживаний, вошло у вас в нервную привычку, – однако по пути к ресторану вы несколько раз ее доставали. Я понял, что для вас она не просто талисман, а нечто священное.

Джеймс гневно уставился на дерзкого сыщика и, к своему изумлению, осознал, что тот снял синие линзы, изменявшие цвет его глаз. Теперь возмущенный взгляд серых глаз Джеймса встретился со спокойным взглядом серых глаз Шерлока Холмса.

– Будучи в Индии, я прочел в «Таймс» о смерти вашей сестры в марте тысяча восемьсот восемьдесят второго. В сообщении о кремации мисс Джеймс в Уокинге упоминалось, что приятельница вашей сестры мисс Катарина Пибоди Лоринг едет в американский Кембридж, дабы захоронить прах на семейном участке кладбища.

Джеймс молча сверлил Холмса взглядом. Он порадовался, что стоит у корабельного поручня, поскольку опасался, что его сейчас стошнит.

– В ту ночь у Сены я сразу понял, что вы – с ведома, а скорее даже без ведома мисс Лоринг и родных – позаимствовали часть праха и положили его в эту до нелепого дорожную табакерку с намерением доставить... но куда? Явно не просто на дно Сены.

Джеймс не помнил, чтобы его когда-нибудь так беспардонно оскорбляли. Брат Уильям на его месте со всей силы ударил бы наглого сыщика по лицу. Однако Генри Джеймс был не Уильям Джеймс; ни разу в жизни он не сжал руку в кулак с намерением и впрямь ударить другого мужчину или мальчика. Не сделал он этого и сейчас; лишь продолжал смотреть на обидчика в упор.

– Думаю, вы все же собирались вернуться в Америку, – подытожил Холмс. – Я хочу сказать, до того, как на вас накатил приступ меланхолии. Предполагаю, именно поэтому вы согласились принять участие в нашей общей миссии. Вероятно, вы намеревались развеять прах вашей сестры в каком-то месте, важном... священном для вас обоих? Само собой, это не мое дело. Однако я уважаю вашу скорбь, сэр, и не буду больше поднимать этот вопрос. Сейчас я затронул его с единственной целью: предварительно ознакомить вас с моими методами наблюдений и размышлений, по крайней мере в их простейшем варианте.

– Не вижу тут ничего выдающегося, сэр, – проговорил Джеймс, когда обрел наконец дар речи. Однако это была неправда.

Старый пароход устроивался у причальной стены, словно пожилая дама, которую подвели к столу, уставленному закусками. Французские матросы на носу и на корме готовились бросить на берег тросы, привязанные к концам толстых швартовых канатов, которым вскоре предстояло накрепко притянуть их к Америке.

– Извините, мистер Холмс. Я кое-что забыл в каюте. Встретимся, когда вы пройдете таможеню.

Холмс кивнул, по всей видимости погруженный в собственные мысли. Как Яну Сигерсону – Джеймс предполагал, что он путешествует по фальшивому норвежскому паспорту, – Холмсу предстояло довольно долго стоять в очереди, самого же Генри Джеймса, эмигранта в душе, но американского гражданина по документам, ждали лишь самые короткие формальности.

Тем не менее он быстро зашагал в сторону каюты, надеясь, что носильщики еще не унесли багаж. Так и оказалось.

Джеймс запер за собой дверь каюты, открыл чемодан, достал шкатулку красного дерева и бережно поднял крышку. Внутренность шкатулки по его специальному заказу обили бархатом, оставив углубление указанного размера.

Джеймс вытащил из кармана табакерку, аккуратно положил ее в шкатулку, закрыл крышку и снова запер чемодан, предварительно убедившись, что паспорт и все необходимые бумаги в портфеле. Как раз когда он выходил из каюты, подошли носильщики. Они уважительно приподняли кепки, Генри Джеймс ответил кивком.

Глава 7

Я намеревался описать вам вечер, ночь и утро Холмса и Джеймса в Нью-Йорке, но не нашел никаких записей о том, где они остановились. Документально подтверждено, что они оба прошли таможенно примерно в семь вечера четверга 23 марта 1893 года – Холмс по норвежскому паспорту Я. Сигерсона, Джеймс под собственным именем, – но дальше их следы теряются. Судя по диалогу, который, как мне известно, произошел между ними на следующий день в поезде, они, вероятно, не обедали вместе и даже остановились в разных гостиницах. Скорее всего, они вообще не разговаривали после «разъяснения» Холмса у борта французского парохода «Париж», когда тот швартовался к причалу.

Я предполагал, что они сели на вашингтонский поезд, отходящий с расположенного неподалеку Центрального вокзала, но выяснилось, что Холмс – который взял на себя все путевые хлопоты – купил им билеты на «Колониальный экспресс» Бостон – Вашингтон, находящийся в совместном владении «Пенсильванской и Нью-Йоркской железнодорожной компании» и «Ньюпортской железнодорожной компании». Однако в 1893 году «Колониальный экспресс» не проходил через Манхэттен – маршрут изменят лишь после гибели «Титаника» в 1912-м, – а значит, Холмсу и Джеймсу пришлось встать очень рано и отправиться на пароме в Джерси-сити, чтобы сесть на поезд там. «Колониальный экспресс», идущий через Филадельфию и Балтимор, был самым быстрым, но далеко не самым удобным для постояльцев манхэттенских гостиниц.

Мне удалось подтвердить, что Джеймс и впрямь отправил Джону Хэю короткую телеграмму из Марселя, в которой сообщил лишь, что возвращается в Америку «по личному делу; пожалуйста, не говорите никому, кроме, может быть, Генри А.», указал примерное время прибытия в Вашингтон и добавил, что вместе с «норвежским исследователем, моим новым знакомцем и временным попутчиком» остановится в вашингтонской гостинице. В Нью-Йорке он получил от Хэя телеграмму следующего содержания:

ЧЕПУХА ВОСКЛ ВЫ И ВАШ НОРВЕЖСКИЙ ДРУГ ДОЛЖНЫ
ОСТАНОВИТЬСЯ У НАС ТЧК МЫ С КЛАРОЙ НАСТАИВАЕМ
ТЧК МЕСТА ЗПТ ЕДЫ ЗПТ ВИНА И РАЗГОВОРОВ ХВАТИТ НА
ВСЕХ ТЧК АДАМС СЕЙЧАС В ОТЪЕЗДЕ ЗПТ НО БУДЕТ ОЧЕНЬ
РАД УЗНАТЬ ЗПТ ЧТО ВЫ ЗАГЛЯНУЛИ НА РОДИНУ ТЧК ПО
УДИВИТЕЛЬНОМУ СОВПАДЕНИЮ В ВОСКРЕСЕНЬЕ ЕЧЕРОМ У НАС
ОБЕДАЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АТТАШЕ ОСКАРА II ЗПТ КОРОЛЯ
ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ ТЧК НАМ ВСЕМ НЕ ТЕРПИТСЯ УВИДЕТЬ
ВАШЕГО ОТВАЖНОГО ДРУГА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ВОСКЛ

Джеймс показал Холмсу телеграмму по пути к парому и не смог сдержать мрачной усмешки.

– Небольшое затруднение, а?

– Какое затруднение, мой дорогой Джеймс? – спросил Холмс, когда они ждали посадки на паром.

– Включает ли образ господина Яна Сигерсона умение говорить на норвежском как на родном? – ехидно полюбопытствовал Джеймс. – Быть может, вам лучше остановиться в вашингтонской гостинице, с Хэем и Адамсом видаться лишь изредка, а в воскресенье вечером сказаться больным?

– Чепуха, – с улыбкой возразил Холмс. – Остановиться у Хэев – большое преимущество. Вы сказали, их и Генри Адамса дома стоят близко?

– По соседству и примыкают один к другому, – ответил Джеймс. – Как Швеция и Норвегия.

– Отлично, – сказал Холмс. – А представитель Оскара Второго, короля Швеции и Норвегии, в воскресенье вечером пусть выкручивается как знает.

* * *

На билетах значилось «первый класс», но купе в поезде не было. По счастью, вагон первого класса в пятницу оказался полупустым, так что Холмс с Джеймсом, сидящие через проход, могли, наклонившись друг к другу, разговаривать неслышно для других пассажиров. Джеймс также отметил, что отвратительная американская привычка к слюноизвержению если не исчезла совсем, то пошла на убыль: бурых табачных пятен стало куда меньше, чем в начале восьмидесятых, и красная ковровая дорожка посередине вагона первого класса выглядела не так гадко, как многие ковры десять лет назад. Тогда, в 1883-м, Джеймс решил, что никогда больше не будет жить в Америке, а возможно, не вернется туда даже на время хотя бы из-за этих повсеместных плевков.

– Расскажите мне о «Пяти сердцах», – потребовал Холмс, когда они проехали Филадельфию.

Для этого разговора сыщик пересел и теперь был неприятно близко, практически колени в колени к Джеймсу, сидящему лицом по ходу движения. Холмс опирался на северо-европейскую прогулочную трость, и Джеймс пожалел, что не взял свою в вагон, – она служила бы дополнительным барьером.

Он крепко упер ладони в колени, словно отгораживаясь от собеседника, и сказал:

– На самом деле их кружок звался не «Пять сердец», а «Пятерка сердец».

– В таком случае расскажите мне о «Пятерке сердец», – настаивал Холмс.

– На самом деле это был салон Кловер Адамс, – ответил Джеймс. – Надо добавить, уникальный в своем роде американский салон.

– Чем именно уникальный?

Джеймс на секунду задумался, пытаясь сообразить, что имел в виду.

– В отличие от множества салонов, которые я видел в Италии и Франции, его объединяющим началом были не люди искусства и даже не центральная триада салонов: деньги, слава, принадлежность к аристократии, хотя всего перечисленного Адамсам было не занимать.

– Вот как? – удивился Холмс. – Я думал, в Соединенных Штатах Америки нет аристократии.

Джеймс улыбнулся, почти жалея младшего собеседника. Холмс как-то упомянул, что в апреле ему исполнится тридцать девять, и писатель, которому вскорости предстояло отметить полувековой юбилей, чувствовал себя несравненно мудрее и старше.

– В каждом обществе есть своя аристократия, мистер Холмс... э-э... мистер Сигерсон. Основанная если не на родовитости, то на деньгах. Если не на деньгах, то на власти. И так далее.

– Но разве Генри Адамс не принадлежит к правящей вашингтонской аристократии?

Джеймс нахмурился. Неужто этот несносный сыщик его провоцирует? Притворяется настолько дремучим? Однако после секундного раздумья писатель решил, что нет. Холмс просто наивен.

– Генри Адамс – внук одного американского президента и правнук другого, и то и другое, разумеется, по отцовской линии, но никогда не занимал какого-либо политического поста. Да, он богат. Да, они с Кловер были влиятельнейшими общественными фигурами в первой половине восьмидесятых. Однако, принадлежа к тому, что французские философы

или Джефферсон назвали бы природной аристократией, Адамс никогда не обладал политической властью как таковой. Да помилуйте, он начинал как гарвардский профессор!

Холмс кивнул:

– Давайте вернемся к миссис Адамс. Опишите мне покойную Кlover... как можно более кратко и емко.

Джеймс почувствовал, как от этого беспардонного требования чувствительные перышки его души яростно встопорщились.

– Вы спрашиваете о женщине, с которой меня связывала близкая дружба, жене моего друга, сэр, – чопорно произнес он. – Вы должны помнить, что я джентльмен, хоть и не англичанин по рождению. Есть вещи, которые джентльмен просто не может сделать.

Холмс вздохнул:

– Сейчас и на обозримое будущее, мистер Джеймс, вы – американский джентльмен, согласившийся помочь в расследовании возможного убийства соотечественницы – или, по крайней мере, загадки ежегодных открыток с утверждением, что ее убили. В таком случае долг свидетеля перевешивает условность, согласно которой джентльмены не обсуждают своих друзей. Нам обоим необходимо ее перешагнуть, чтобы понять, была ли Кlover Адамс убита.

«Вам легко ее перешагнуть, – подумал Джеймс. – Вы не джентльмен».

– Хорошо, – произнес он со вздохом. – Что вы хотите знать о Кlover?

– Начните с ее внешности.

Джеймс вновь почувствовал, что закипает:

– Какое значение имеет ее внешность, мистер Хо... мистер Сигерсон? Не хотите ли вы сказать, что ее убили из-за лица?

– Это простая часть сложной головоломки, – тихо ответил Холмс. – С чего-то надо начать. Так как выглядела миссис Адамс?

Джеймс, помолчав, заговорил:

– Скажем так: в июне семьдесят третьего Генри Адамс женился на мисс Марианне Хупер не только из-за ее красоты. Она была скорее некрасива, хотя, как Генри сам написал мне много лет назад, «не совсем дурнушка». И притом маленькая; впрочем, и сам Генри Адамс, как вы вскоре увидите, по современным меркам ниже среднего роста. Однако Кlover обладала живым умом, не испорченным излишним образованием. – Джеймс снова замолчал. – А также, надо добавить, острым и ехидным язычком. За пять лет в Вашингтоне Кlover нажила много врагов – особенно среди выскочек, сенаторов и их жен, не допущенных в ее круг.

– Можете ли вы сказать, что салон «Пятерки сердец», где она председательствовала, был доступен лишь для избранных? – спросил Холмс.

Джеймс вновь пожалел, что не взял в вагон трость, – на нее можно было бы опираться, думая.

– Да, безусловно, – тихо ответил он, скорее себе, чем сидящему напротив сыщику. – Генри, Кlover – и остальные члены «Пятерки сердец» – никогда бы не позвали к себе человека только за его известность или влияние. Художников, поэтов, мелких политиков и других гостей приглашали на обеды, проходившие ежедневно после пятичасового чая во внутреннем салоне «Пятерки сердец», исключительно за способность развлечь хозяев. Как-то я написал рассказ, в котором вывел Кlover Адамс под именем миссис Бонникасл.

Джеймс остановился на середине фразы, досадуя на собственную болтливость.

– Продолжайте, – сказал Шерлок Холмс.

Джеймс перевел дыхание. Что ж, отступать было поздно – он уже перешел Рубикон несдержанности.

– Рассказ назывался «Пандора». Однако необходимо пояснить, что я никогда не списываю своих персонажей с живых или покойных людей. Они... э-э... амальгама... пережитого опыта и чистого вымысла.

Генри Джеймс лгал: все его главные персонажи – и многие второстепенные – были целиком и полностью списаны с его живых или покойных знакомых.

– Разумеется, – проворковал Холмс. В его тоне сквозила та же неискренность, какую Джеймс чувствовал в душе.

– В «Пандоре» я описал миссис Бонникасл как «даму бесконечно веселую», а про ее салон сказал, что он «отсеивал больше, чем впускал в себя»...

– Однако вы упоминали, что настоящая Кловер Адамс не была «дамой бесконечно веселой», – перебил Холмс. – Вы сказали, что она с детства страдала частыми приступами меланхолии.

– Да-да, – нетерпеливо отвечал Джеймс. – В рассказе некоторые черты опускаются. Будь миссис Бонникасл главной героиней романа, пришлось бы показать ее с разных сторон, пусть даже на первый взгляд они бы друг другу противоречили.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал Холмс с ноткой чего-то вроде раскаяния. – Вы излагали вымышленное описание салона Кловер Ада... миссис Бонникасл.

– Помню, я писал, что изредка допускаемых туда сенаторов и конгрессменов ждали... процитирую дословно, мистер Холмс, «со смесью тревоги и снисходительности».

Холмс криво усмехнулся. Возможно, он хотел спросить, неужто писатель слово в слово помнит большие отрывки из десятков своих книг и сотен романов, но сдержался, не желая уводить разговор в сторону.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал он.

– Я знаю, что мой добрый друг Генри Адамс узнал себя в «Пандоре» в том месте, где мистер Бонникасл в приступе нехарактерной широты взглядов говорит жене: «Давай, черт побери, будем вульгарны и повеселимся от души – позовем в гости президента!»

– А они часто приглашали президента? – спросил Холмс.

Джеймс почти неприлично фыркнул.

– Разумеется, не эту жалкую личность, Джеймса Гарфилда... хотя, полагаю, Гарфилд босиком прискакал бы с Лафайет-сквер к Адамсам, реши они его пригласить. Однако им... или, по крайней мере, Генри Адамсу – если не ошибаюсь, первый раз вместе со своим архитектором, Ричардсоном, – случилось захаживать через улицу в Белый дом, после того как туда въехал Гровер Кливленд. Это произошло в марте восемьдесят пятого, всего за несколько месяцев до смерти Кловер.

Холмс поднял палец:

– Извините, что снова перебиваю, Джеймс, но еще одна подробность американской жизни ставит меня в тупик. Я думал – по крайней мере, в детстве, – что, в отличие от ее величества и большинства других монархов мира, американский президент избирается на ограниченный срок. Четыре года, мне смутно помнится. Однако Кливленд был президентом в тысяча восемьсот восемьдесят пятом, когда умерла Кловер Адамс, и – поправьте меня, если ошибаюсь, – он по-прежнему президент сейчас, в тысяча восемьсот девяносто третьем. Неужели американцы убедились в преимуществах пожизненного общественного служения?

«Неужто взрослый англичанин может быть настолько плохо осведомлен?» – подумал Джеймс.

Словно читая его мысли, Холмс произнес с улыбкой:

– Во время недавнего путешествия на поезде для расследования дела на далеких торфяных пустошах, не упомянутого – по крайней мере, пока! – в опубликованных хрониках наших приключений, я имел случай сказать доктору Ватсону, что его слова о вращении Земли вокруг Солнца стали для меня новостью. Возможно, я и проходил это в школе, но

выбросил из головы за ненадобностью, как выбрасываю все, что не связано с моей профессией. Я умею, как вы увидите, целиком сосредоточиваться на одном. Так что вам иногда придется делать мне снисхождение, сэр.

– Для человека, который, по собственным уверениям, вечно за «Таймс»... – начал Джеймс, но осекся.

Холмс явно говорил неправду, а Джеймс был не готов к спору. Пока не готов.

– Мистер Гровер Кливленд, – начал он, – единственный президент США, занимавший этот пост два срока с перерывом. Первый раз – с марта восьмьдесят пятого по март восьмьдесят девятого. Следующие четыре года президентом был некий Бенджамин Гаррисон. Затем мистер Кливленд опять победил на выборах и был вторично приведен к присяге несколько недель назад.

Холмс кивнул:

– Спасибо. А теперь, пожалуйста, вернитесь к описанию «Пятерки сердец».

Джеймс огляделся:

– Боюсь, что вагон-ресторан скоро закроется. Может быть, мы пойдем туда и продолжим разговор за ленчем?

Глава 8

Джеймс заказал радужную форель, которую не особенно любил, просто вкус радужной форели всегда напоминал, что он «дома», в Соединенных Штатах. По правде сказать, пейзаж за окнами вагона-ресторана отнюдь не рождал ощущения родины. Деревья вдоль путей на перегоне от Нью-Джерси до Балтимора были слишком низкие и частые – явная молодая поросль между фермами. Дощатые дома не мешало бы заново покрасить. Некоторые амбары покосились. То был ковер американского хаоса, наброшенный на слой бедности. В Англии, Италии и Франции бедность тоже была повсюду, но редко являла собой такое же покосившееся, облезлое, густо заросшее убожество. В Англии – да и почти во всей Европе Генри Джеймса – все старое, нищее и обветшалое было *живописным*. Включая людей.

Много лет назад в эссе о Готорне (которого в молодости боготворил) Джеймс имел неосторожность сказать американским читателям, что для художника и литератора американская история и самая почва – унылая чистая доска. В Новой Англии нет величавых европейских замков, старинных развалин, римских дорог, заброшенных пастушьих хижин, нет сословий, способных ценить искусство. Американский художник или литератор, утверждал Джеймс, не может достичь вершин мастерства, отзываясь на вульгарное, переменчивое, меркантильное *новое*, как европейские художники и литераторы романтически отзываются на *старое*.

Некоторые американские обозреватели, критики и даже читатели ответили ему гневной отповедью. Джеймс знал: в их глазах Америка, даже лишенная настоящей истории, всегда права, а вульгарная, вечно меняющаяся новизна, которую он ненавидел всей душой – главным образом как помеху творчеству, – действует на их филистерские проамериканские чувства как афродизиак.

Джеймс помнил, как примерно в 1879 году написал, суммируя свои мысли о Готорне и его современниках: «Даже для малой литературы необходима очень долгая история» и «Можно так долго перечислять те элементы высокой культуры, которые есть в других странах и отсутствуют в ткани американской жизни, что поневоле задумаешься: а что в ней вообще есть?». Может быть, именно поэтому он добавил в шестой главе монографии о Готорне: «Бесспорно, что американцы больше всех в мире озабочены чужим мнением о себе и убеждены, что другие народы по сознательному сговору их принижают».

Это не добавило ему любви со стороны американских обозревателей и читателей.

Сейчас Генри Джеймс пожал плечами, отгоняя те давние чувства, доел форель и выпил последний глоток отвратительного белого вина.

Холмс заказал только чай и даже не притронулся к жалкому американскому подобию этого напитка, поданного в чашке с эмблемами «Пенсильванской и Нью-Йоркской железнодорожной компании» и «Ньюпортской железнодорожной компании». Джеймс вообще не видел, чтобы сухопарый сыщик что-нибудь ел с их обеда в Париже вечером тринадцатого марта, одиннадцать дней назад, и дивился, как тот еще жив.

– Мы говорили о миссис Кlover Адамс, – сказал Холмс так неожиданно, что Джеймс даже вздрогнул.

– Разве? Мне казалось, мы перешли к ее мужу и другим членам «Пятерки сердец».

Прежде чем заговорить, Джеймс убедился, что их половина вагона-ресторана пуста и официантов поблизости нет. И все равно он произнес эти слова совсем тихо.

– Вы упомянули, что Кlover Адамс нажила себе врагов отчасти тем, что допускала в салон далеко не всех, отчасти... если не ошибаюсь, вы назвали это ее «ехидным язычком», – сказал Холмс. – Не могли бы вы привести мне пример конкретных слов, изустных или письменных, которые оскорбили конкретных людей?

Джеймс в задумчивости промокнул губы салфеткой и неожиданно – случай настолько редкий, что может считаться уникальным, – решил поделиться историей, в которой мишенью шутки послужил он сам:

– Последний раз, когда я был в Соединенных Штатах, десять лет назад, я перед отъездом написал Кlover и объяснил, что избрал ее адресатом последнего письма из нашей общей страны, поскольку считаю ее, Кlover... как же я сформулировал?... «поскольку считаю вас воплощением вашей родины» – да, кажется, так. Кlover ответила сразу, пошутив, что находит мои слова «весьма двусмысленным комплиментом» и добавила: «Значит, я вульгарна, скучна и со мной невозможно жить?»

Джеймс взглянул на Холмса, но так и не дождался отклика на свой анекдот. Наконец сыщик произнес:

– Итак, дама была остра на язык. Есть у вас еще примеры?

Джеймс подавил вздох:

– Что проку вспоминать?

– Кlover Адамс стала жертвой убийства, – ответил Холмс. – Или, по крайней мере, жестокого шутника, утверждающего, что ее убили. В обоих случаях очевидный подход к делу – выяснить, кто мог питать к ней ненависть, пусть всего лишь из-за острого языка.

– Если только, как в нашем случае, речь не о самоубийстве, – возразил Джеймс, – что сводит список подозреваемых в так называемом деле к одному имени. Элементарно, мой дорогой Холмс.

– Не всегда, – загадочно ответил сыщик. – Я расследовал очевидные самоубийства, которые произошли из-за преступного умысла других лиц.

Теперь Джеймс все-таки вздохнул:

– Мои добрые друзья из числа «Пятерки сердец» на протяжении многих лет ободрительно, чтобы не сказать восторженно, отзывались о моих сочинениях. Генри Адамс, Джон Хэй, Кларенс Кинг, даже Клара Хэй искренне интересовались моими рассказами и романами. Кlover всегда была... более сдержанна. Как-то человек, который... э-э... довольно близко был с нею знаком, сказал мне, что в споре со своим мужем и Джоном Хэем о литературных достоинствах либо отсутствии оных в творчестве некоего Генри Джеймса Кlover произнесла следующее: «Беда с прозой Гарри не в том, что он долго жамкает, что откусил, а в том, что он больше жамкает, чем кусает».

– Забавно, – сказал Холмс. – И, как я понимаю, американский разговорный диалект составляет часть юмора.

Джеймс промолчал.

– Мне удивительно, что человек, близко знающий вас обоих, счел нужным передать вам это конкретное бонмо.

Джеймс вновь не ответил. Шутку пересказал ему в одном из лучших лондонских клубов не кто иной, как Чарльз Ф. Адамс – брат Генри Адамса, человек, которого Джеймс находил невыносимо вульгарным. В отличие от брата, Чарльз шутил зло и радовался, когда ему удавалось задеть или смутить собеседника. И все же у Джеймса не было и капли сомнений, что Кlover сказала именно эти слова: то был ее уничижительный стиль и, да, ее рафинированная привычка уснащать речь грубым американским диалектом. Тогда Джеймс был до крайности уязвлен. Однако он сохранил дружбу с Кlover Адамс, и эта насмешка – а также другие, пересказанные ему Чарльзом и прочими общими знакомыми, – ничуть не уменьшила его скорби при известии о ее смерти.

Захоти Джеймс и впрямь посплетничать о Чарльзе, он мог бы рассказать историю похлеще, о которой узнал из письма Джона Хэя: узнав о предстоящей свадьбе Генри Адамса и Кlover Хупер, Чарльз воскликнул: «О боже! Нет! Хуперы все чокнутые! Кlover убьет себя, как ее тетка!» (Тетя Кlover, Кэрри, и впрямь покончила с собой, будучи беременной.)

А через несколько месяцев после возвращения молодоженов из свадебного путешествия по Египту и Европе Чарльз Адамс в письме Уильяму Дину Хоуэллсу позволил себе еще большую вульгарность (Хоуэллс пересказал ее в письме к Джеймсу): «Чтобы пообщаться с Генри, я должен – буквально! – вырывать его из объятий супруги. Ибо он теперь у нас без усталости мнет Кlover! (Шутка. Ха-ха!)». За одно это «ха-ха» можно было бы презирать Чарльза на всю жизнь.

– Расскажите мне подробнее о Генри Адамсе, – сказал Холмс.

Джеймс невольно пожал плечами – жест, от которого давным-давно себя отучил. Настолько пересказанный анекдот выбил его из колеи.

– Что именно вы хотите узнать?

– Куда больше, чем вы успеете изложить, прежде чем наш поезд остановится в Вашингтоне, – ответил Холмс. – Однако для начала остановимся на том, чем Генри Адамс был известен ко времени смерти Кlover, помимо того, что ведет род от двух президентов и входит в салон своей жены.

– Я ввел вас в заблуждение, если вы сочли, что «Пятерка сердец» была салоном исключительно или хотя бы в первую очередь Кlover Адамс, – довольно резко произнес Джеймс. – Все в нем, за исключением, быть может, Клары Хэй, были личности выдающиеся. Все, за исключением Клары с ее милой недалекостью, обладали замечательным чувством юмора. Они каламбурили без остановки. Как-то в моем присутствии один из хозяйских терьеров вернулся с поцарапанным глазом. Джон Хэй тут же объявил, что это, безусловно, *которакта*. «И *котострофа*», – немедленно подхватил Кларенс Кинг.

Холмс ждал.

– Генри Адамс преподавал средневековую историю в Гарвардском университете, – сказал Джеймс, – и по заслугам считается одним из самых уважаемых историков Америки. Они с Кlover были увлеченными коллекционерами; овдовев, Адамс сохранил эту страсть. Если он будет дома и пригласит нас к себе, вы увидите, что их жилище отражает утонченный вкус во всем, от персидских ковров и ваз династии Мин до выдающихся произведений живописи, в том числе Констебля и Тёрнера, которых Адамсы начали покупать раньше, чем другие собиратели узнали эти фамилии. Дом Адамсов, выстроенный, как и дом Хэев, покойным Г. Г. Ричардсоном, сам по себе творение искусства.

Холмс кивнул, как бы составляя мысленный список фактов, характеризующих скромного, но прославленного на весь мир человека.

– А мистер Джон Хэй? – спросил он.

– Мой очень старый и довольно близкий друг, – сказал Джеймс. – Нас познакомил Уильям Хоуэллс – знаменитый издатель и тоже мой старинный приятель. Я имел удовольствие общаться с Джоном Хэем и его женой Klarой и в Англии, и в Европе, и в Соединенных Штатах. Он человек исключительный.

– Пока все члены «Пятерки» представляются исключительными людьми, – заметил Холмс, – во всяком случае, по американским меркам. – Прежде чем Джеймс успел возмутиться, Холмс продолжил: – В газете, где его упоминали, было сказано «полковник Хэй». Он служил в армии?

Джеймс хохотнул:

– В двадцать два года Хэй стал помощником Джона Николея, который служил личным секретарем у президента Авраама Линкольна.

Холмс нетерпеливо ждал. Джеймс тщетно выискивал в его лице хоть какой-нибудь признак, что сыщик впечатлен – или хотя бы заинтересован.

– По правде сказать, – продолжал Джеймс, – Хэй исполнял должность второго секретаря при Линкольне в самые страшные годы Войны Севера и Юга. Однако дело в том, что должность второго секретаря не предусматривалась. Как и должность помощника мистера

Николея. По его ходатайству молодого Джона Хэя зачислили в Департамент внутренних ресурсов. Когда в шестьдесят четвертом некий комитет усомнился в законности этого назначения, военное ведомство произвело Хэя в майоры; «заместитель генерал-адъютанта добровольцев» – так, кажется, это звучало полностью. Через год он стал подполковником, а вскоре и полковником.

– Ни разу не побывав на поле боя, – заметил Холмс.

– Только если он сопровождал туда президента Линкольна.

– Как я понимаю, мистер Хэй с тех пор многого достиг – помимо того, что приобрел богатство и жену, – сказал Холмс.

Джеймсу не особо понравился его тон – чересчур простецкий. Однако писатель решил пока не возмущаться. Официанты стояли у стены в противоположном конце вагона-ресторана, важно сцепив руки ниже живота, и ждали, когда Джеймс и Холмс удалятся.

– К тому времени, как Джон Хэй женился на Кларе Стоун – в тысяча восемьсот семьдесят четвертом, Хэю тогда было тридцать пять, – он побывал на важных дипломатических постах в трех странах. – Джеймс не стал говорить, что Хэй ворчал и жаловался на манеры, язык, культуру и правительство всех трех крупных европейских стран. – К тому же он получил широкую известность как поэт, а затем и как журналист. Его прославили очерки о Чикагском пожаре, об убийстве президента Гарфилда в восемьдесят первом и суде над убийцей-анархистом Чарльзом Гито.

– Любопытно, – сказал Холмс. – Сознаюсь, я не слышал, что президента Гарфилда убили, и уж тем более, что его убил анархист.

Джеймс просто не поверил услышанному. Он промолчал.

– Мистер Хэй по-прежнему журналист? – спросил сыщик. Он раскурил трубку, нимало не заботясь о нетерпеливо ждущих официантах.

– Он стал редактором знаменитой газеты мистера Грили – «Трибьюн», но затем вернулся на государственную службу, – ответил Джеймс. – В восьмидесятом бедный президент Гарфилд попросил Джона перейти из Госдепартамента в Белый дом и стать его личным секретарем. Однако Хэй отказался. Он ушел с государственной службы еще до убийства Гарфилда. В число его времяпрепровождений – возможно, мне следовало сказать «забав» – входит анонимное сочинение романов. Когда-то его друг Генри Адамс написал и анонимно опубликовал роман «Демократия». С тех пор читающая публика не устает гадать, кто автор. Называли Кловер Адамс и Кларенса Кинга, но чаще всего – Джона Хэя. Есть подозрение, что «Пятерке сердец» просто нравилось мистифицировать публику.

– «Демократия», – пробормотал Холмс, не выпуская изо рта трубку. – Я правильно помню, что эта книга несколько лет назад неплохо продавалась в Англии?

– Продавалась очень хорошо, – сказал Джеймс. – В Англии. В Америке. В Германии. Вполне может быть, что и в Тимбукту.

Его неприятно удивила нотка горечи в собственном голосе.

– А Клара Хэй? – спросил Холмс. Он вынул из жилетного кармана часы и глянул на циферблат.

– Настоящая дама, – ответил Джеймс. – Радужная хозяйка. Помощница мужу. Добрейшая душа. Островок спокойствия в водовороте вашингтонской светской жизни.

– Как бы вы аттестовали ее в смысле привлекательности? – спросил Холмс.

Нескромность вопроса заставила Джеймса приподнять бровь.

– Миловидное лицо. Безупречный вкус в одежде. Красивые волосы. Прекрасная кожа. Некоторая склонность к... э-э... приятной округлости.

– Толстая?

– Пухленькая, – упрямо возразил Джеймс. – Она была такой, когда Джон Хэй влюбился в нее, двадцать лет назад, а годы и дети еще усилили это качество.

«И обжорство», – подумал Джеймс, немного стыдясь такой мысли о жене друга. Менее года назад Хэй писал ему в письме, что вместе с женой и сыном посетил Чикаго, где он, Хэй, весьма деятельно проводил время, а Клара сидела в гостинице и «усердно налегала на тамошний провиант». Про себя Генри Джеймс думал, что дебелая Клара Хэй не слишком умна – хотя достаточно образованна, чтобы ценить его книги, – ханжески религиозна, как дочка какого-нибудь захолустного баптистского пастора (немного несправедливо: Клара была из Огайо, но все же не дочь пастора), и совершенно незаслуженно входила в рафинированную «Пятерку сердец».

Он ни за что не сказал бы этого Шерлоку Холмсу.

– Расскажите про Кларенса Кинга, – попросил сыщик, – а затем мы вернемся на свои места и позволим этим добрым людям убрать вагон-ресторан к обеду.

– В «Колониальном экспрессе» не подают обедов, – сказал Джеймс, тайно злорадствуя, что поймал прославленного детектива на ошибке.

– А-а-а... – протянул Холмс, выпуская из огромной трубки столб дыма. – В таком случае вы можете описать Кларенса Кинга не спеша. Должен заметить, я читал, что мистер Кинг в начале семидесятых разоблачил аферу с продажей несуществующего алмазного месторождения. В Колорадо, не так ли?

– Да, – ответил Джеймс. – Кларенс Кинг с головы до пят – все пять футов шесть дюймов – воистину исключительный человек. Геолог, альпинист, исследователь, государственный служащий, обожатель изысканной кухни, хороших вин и изящных искусств. Генри Адамс и Джон Хэй всегда считали – надо думать, искренне, – что из «Пятерки сердец» Кларенс Кинг пойдет дальше всех – скорее других достигнет славы, почестей, высокого положения.

– Кlover Адамс тоже так полагала?

Джеймс задумался лишь на долю мгновения:

– Она считала Кларенса Кинга шарлатаном, но именно это ей в нем нравилось. Именно Кларенс Кинг заказал для остальных «сердец» почтовые принадлежности и чудесный чайный сервиз с эмблемой их клуба.

– Опишите его, пожалуйста, – попросил Холмс, вынимая трубку изо рта.

– Простите?

– Опишите, пожалуйста, чайный сервиз.

Генри Джеймс выглянул в окно на все более летние леса и поля, словно надеясь почерпнуть в них силы. Вечерело. Последние лучи мартовского заката бросали золотистые отблески на деревья и фонарные столбы.

– Чайный сервиз был прекрасный, – сказал он наконец. – Пять чашек и блюдечек, разумеется. В форме сердец и миниатюрные.

– Все пятеро членов клуба были маленького роста, – заметил Холмс.

– Э-э... да. – Джеймс растерянно пытался вспомнить, когда это упомянул. Он помнил только, что назвал рост Кларенса Кинга.

– Что еще вы можете рассказать про сервиз? – спросил Холмс.

«Этот человек – сумасшедший», – подумал Джеймс, а вслух сказал:

– Сервиз был с изящными медальонами: ветки, увешанные как бы миниатюрными плодами, но при ближайшем рассмотрении становилось видно, что это гроздь из пяти сердец. Та же тема повторялась на сахарнице и сливочниках. На чайнике и на краю подноса, увенчанного, если память меня не подводит, большой и хрупкой заглавной буквой «Т», были изображены циферблаты со стрелками ровно на пяти часах.

– Время, в которое «Пятерка сердец» собиралась каждый будний день, – сказал Холмс. – Обычно перед камином в доме Адамсов, в креслах, сделанных специально под маленький рост всех пятерых. Адамс и его жена Кlover сидели друг против друга в миниатюрных – и парных – креслах, обитых красной кожей.

– Да, – ответил Джеймс, решительно не понимая, откуда Холмс выудил последний (и безусловно верный) факт.

Сыщик удовлетворенно кивнул.

– Что ж, давайте вернемся в наш не слишком первоклассный вагон первого класса, – сказал он.

* * *

Южнее Балтимора ремонтировали пути, и «Колониальный экспресс» надолго встал в чистом поле. Холмс и Джеймс сидели в относительно неудобном первом классе – без обеда, не имея других развлечений, кроме чтения да кофе, который время от времени приносил проводник, всякий раз извиняясь за непредвиденную остановку. Даже за окном не на что было смотреть, поскольку уже давно стемнело. Холмс больше не задавал вопросов – что, на взгляд Джеймса, весьма дурно рекомендовало его как сыщика, – и они просто сидели в молчании все эти долгие, тягучие часы.

Наконец «Экспресс» вновь тронулся, но в столицу он прибыл с опозданием на много часов – сильно после того, как все приличные вашингтонцы уже отообедали, а многие и легли спать.

Однако на вокзале ждал большой четырехколесный экипаж Хэя – брум работы мастерской Уильяма Кинросса. Старший лакей, Северс, отправленный встречать путешественников, быстро закрепил снаружи чемоданы и накрыл их брезентом (накрапывал мелкий дождик). Холмс и Джеймс забрались в черный закрытый экипаж с единственным окошком спереди.

Уличные фонари, окруженные мягкими ореолами, напомнили Джеймсу поздний вечер одиннадцать дней назад, когда они с Холмсом встретились у Сены. А вместе с мыслями о тех событиях нахлынуло и что-то очень похожее на ужас. Да как он решился ввести этого странного человека, почти наверняка умопомешанного, в дом ближайших друзей? Жалкую попытку Холмса выдать себя за «господина Яна Сигерсона, норвежского исследователя» разоблачат в воскресенье, когда у Хэев будет обедать норвежский посол, если не раньше. Что Джон и Клара Хэй – а уж тем более Генри Адамс, который *ни с кем не говорит о покойной жене и ее самоубийстве*, настолько мучительна ему эта память, – подумают о его, Джеймса, соучастии в обмане?

У него засосало под ложечкой, к горлу подступила тошнота. Экипаж подпрыгивал на мостовой одного из наименее коммерческих городов Америки. Немногочисленные магазины и рестораны были закрыты и темны. Даже в фешенебельном районе поблизости от резиденции президента лишь в редких окнах горели электрические лампы или газовые рожки. Деревья здесь, на юге, уже полностью оделись листвой, и Джеймсу казалось, что его затягивает все глубже и глубже в темный туннель, рожденный собственной глупостью.

– Если не ошибаюсь, у американцев есть поговорка: «Тротуары здесь скатывают в рулон и убирают на ночь», – внезапно произнес Холмс.

Голос прозвучал из темноты так неожиданно, что Джеймс даже вздрогнул, но не вполне оторвался от своих раздумий.

– В отношении Вашингтона это безусловно верно, – добавил сыщик.

Джеймс промолчал.

Они уже подъезжали к Лафайет-сквер – за деревьями угадывалась темная резиденция президента – и сворачивали с Шестнадцатой улицы на Эйч-стрит. По одну ее сторону белела церковь Святого Иоанна, по другую блестел мокрым красным кирпичом дом Хэя. Хозяин стоял в глубокой ричардсонианской арке входа, поджидая гостей.

– Гарри, Гарри, мы так рады, что вы вернулись! – басовито зарокотал Хэй – поджарый, невысокий, элегантный господин с редеющими волосами, аккуратно расчесанными на прямой пробор. Брови и волосы у него были темные, а густые усы и центральная часть бородки уже поседели. Глаза светились умом, в голосе, эхом отдававшемся под аркой, звучало искреннее радушие.

И вот они уже вошли в дом, слуги сняли с них плащи и шляпы, другие лакеи унесли наверх чемоданы и саквояжи, и Джеймс недрогнувшим голосом представил «Сигерсона», хотя сердце его бешено колотилось при мысли о предательстве, а во рту непривычно пересохло.

– Ах, мистер Сигерсон! – воскликнул Джон Хэй. – Я читал о ваших прошлогодних тибетских приключениях и в английских, и в американских газетах. Чрезвычайно приятно видеть вас в нашем доме.

Джеймс обратил внимание, что Холмс озирается по сторонам. Огромный вестибюль был обшит южноамериканским красным деревом, отполированным почти до зеркального блеска. Стена над деревянными панелями была темно-терракотовая, в тон персидским коврам и дорожкам на паркетном полу. Над головой – на высоте церкви Святого Иоанна – под балками красного дерева горели хрустальные люстры. Впереди уходила вверх широкая лестница, на которой при случае мог выстроиться оркестр в шеренгу по десять человек.

– Клара очень сожалеет, что не встретила вас, – сказал хозяин. – Ей сегодня пришлось лечь пораньше из-за ужасной мигрени – они мучают ее уже очень давно, но, по счастью, редко. Она мечтает увидеть вас обоих за завтраком – если, конечно, вы не предпочтете, чтобы вам его подали в спальни. Знаю, Гарри, вы любите завтракать в постели.

– Увы, холостяцкая привычка, – ответил Джеймс. – Особенно в первое утро после полуторанедельного утомительного путешествия.

– В таком случае мы с Кларой увидим вас позже, – рассмеялся Хэй. – А вы, мистер Сигерсон? Тоже предпочитаете завтрак в постель?

– Буду чрезвычайно рад познакомиться с миссис Хэй за завтраком, – отвечал Холмс с преувеличенным – и, очевидно, фальшивым – скандинавским акцентом.

– Чудесно! – воскликнул Хэй. – Мы с Кларой вытянем из вас все последние сплетни о Гарри.

Он улыбнулся Джеймсу, показывая, что шутит.

– Но кстати, – продолжал хозяин. – Я знаю, как сильно опоздал поезд, и помню, что в треклятом «Колониальном экспрессе» не подают обедов. Вы наверняка умираете с голоду.

– У нас был довольно поздний ленч... – начал Джеймс, слегка краснея не столько оттого, что они причиняют хозяину неудобства, сколько от кошмарности происходящего.

– Чепуха, – ответил Хэй. – Уверен, вы страшно изголодались. Я поручил Бенсону подать вам легкий перекус.

Он холеными руками обнял обоих за плечи и через огромные, но на удивление теплые помещения повел гостей в обеденную залу.

Джеймс сразу увидел, что она просторнее, элегантнее и обставлена с куда большим вкусом, чем столовая мистера Кливленда в Белом доме, которую писатель видел на фотографиях. Во всех комнатах, через которые они прошли, были каменные каминные, украшенные искусной резьбой. На стенах висели картины, старинные шпалеры и карандашные наброски в рамах – признак утонченного вкуса в сочетании с эклектизмом талантливого собирателя.

«Легкий перекус» состоял из двух буфетов. На одном разместились свежезапеченная индейка, половина виргинского окорока, салаты и тушеные овощи, на втором – вина, клареты, виски, минеральная вода и различные ликеры. Один конец длинного стола был накрыт на троих и освещен свечами в высоком канделябре.

– Мы сегодня все холостяки, – рассмеялся Хэй. – Придется самим о себе заботиться.

«Забота о себе» заключалась в том, чтобы показать Бенсону и двум помощникам дворецкого, что положить на тарелки.

Когда все расселись в круге света от канделябра и выпили предложенный хозяином тост за благополучное прибытие в Америку, Джеймс, к собственному удивлению, обнаружил, что, несмотря на тошноту в экипаже, и впрямь сильно проголодался.

– Гарри, должен вас огорчить, – сказал Хэй, обращаясь к Джеймсу. – Адамс еще не вернулся из путешествия на Кубу с Филлипсом. Он должен был приехать на прошлой неделе, но встретил Александра Агассиса, и все планы пошли прахом. Они вместе изучали геологию коралловых рифов, затем вместе с Камеронами перебрались отдыхать на остров Святой Елены. Надо признаться, Адамс не спешит домой – ко мне и другим друзьям.

– Так мы с ним разминемся? – спросил Джеймс и сам испугался того облегчения, которое услышал в собственном голосе.

– Нет, вряд ли! – со смехом воскликнул Хэй. – Думаю, в начале апреля он сюда доберется... а это уже скоро. Наслаждайтесь спокойствием, пока он не прибыл. – И повернулся к Шерлоку Холмсу. – Съедобен ли ужин после тягот пути и неспешного «Колониального экспресса», мистер Сигерсон?

– Ужин превосходен, – отвечал Холмс, и Джеймс про себя отметил, что детектив и впрямь съел несколько кусочков ветчины. – Все очень вкусно, мистер Хэй.

– Отлично, отлично, – пророкотал Джон Хэй. – А мы сделаем все, что в наших скромных силах, дабы и остальное время вашего пребывания в Вашингтоне было не хуже. – Он вновь повернулся к Джеймсу. – Да, Гарри, еще приятная новость: как я сегодня узнал, завтра в Вашингтон приезжает Кларенс Кинг – наверняка по пути на какие-нибудь мексиканские золотые прииски. Он согласился быть у нас на воскресном обеде – тогда же, когда и посланник короля Оскара Второго. Кларенс будет счастлив повидаться с вами после стольких лет.

Джеймс глянул на Холмса и позволил себе чуть заметную злорадную улыбку.

– Вам крупно повезло, Сигерсон, – сказал он. – В воскресенье тут будет не только посол короля Швеции и Норвегии, но и один из самых прославленных *исследователей*. Я уверен, у обоих будет к вам множество вопросов.

Холмс поднял взгляд от бокала с вином, усмехнулся и молча кивнул.

Глава 9

Хэй сказал, что завтрак подадут в малой обеденной зале – той, которая выходит окнами на сад, – в семь тридцать, так что Холмс позволил себе проспать до семи. Спал он хорошо, но, проснувшись, ощутил боль в суставах и невыносимую панику. Зайдя в великолепную ванную комнату, составлявшую часть гостевых покоев, Холмс открыл сафьяновый несессер, где в кармашках хранились шприц и склянка с темной жидкостью. Сыщик достал из другого кармашка пузырек со спиртом, окунул в него иглу, набрал в шприц темной жидкости, выпустил воздух, затем извлек из сумки с туалетными принадлежностями кусок резиновой медицинской трубки, туго замотал ею левую руку, еще туже затянул зубами и вколол себе морфин в сгиб локтя. Рядом с множеством темных отметин от уколов появилась еще одна.

Холмс сел на край ванны, дожидаясь, когда морфин победит боль и панику. Только сейчас он заметил, что и ванна, и стены рядом с нею украшены прекрасным бело-синим дельфтским рисунком.

Он не спеша выкупался – дивясь, что лишь слегка повернул серебряный кран своими удивительно чуткими пальцами ноги, и сразу потекла замечательно горячая вода, – затем побрился перед зеркалом, с подозрением поглядывая на загадочный предмет, вмурованный в пол рядом с умывальной раковиной. По виду это была вторая дельфтская ванна, только несравненно меньше. Дедуктивные способности подсказывали Холмсу, что это некое американское приспособление для мытья ног. (По крайней мере, предмет был слишком низок для биде – это французское изобретение, как и обычай пользоваться им после туалета, Холмс при всей своей любви к чистоте находил омерзительным.)

Вымывшись и побрившись, он прошелся по волосам красящим составом, затем (для жесткости) патентованным кремом, растрепал их при помощи двух зубных щеток, причесал специальным гребешком сигерсоновские усы и облачился в зеленый твидовый костюм для прогулки по городу.

У лестницы уже ждал слуга, чтобы проводить его к завтраку.

* * *

Минуточку.

Читателю придется извинить рассказчика, который сейчас вынужден прерваться на небольшое пояснение.

Возможно, вы не заметили, хотя я в этом сомневаюсь (ибо опасно недооценивать ум и внимание читателя), но мы только что изменили точку зрения. До сих пор я держался того, что писатели и литературоведы называют «ограниченной точкой зрения третьего лица» (в данном случае мистера Генри Джеймса), и лишь изредка разрешал себе прибегать к «ограниченной точке зрения вездесущего и всезнающего автора» – вернее, даже «очень-очень ограниченной». По правде сказать, в тексте ощущался отчетливый недостаток вездесущности.

Я еще больше разрушу у вас иллюзию подлинности событий, если скажу, что не люблю умножать наблюдателей по ходу текста. Я считаю способность прыгать из головы в голову, которой якобы наделен автор, нахальной и нереалистичной. Хуже того, это просто неизящно.

Когда литература через сознательный вандализм и разрушение нашего некогда славного языка унизилась до того, что стала чисто развлекательной, авторы взяли манеру скакать от персонажа к персонажу *лишь потому, что это в их власти*.

Касательно того, почему события в настоящей главе показаны глазами Холмса, я мог бы сочинить десяток убедительных объяснений – например, будто все приведенные сведения сделались известны Генри Джеймсу и тот задним числом излагает их мне, рассказчику.

Однако это было бы неправдой. Равным образом я бы солгал, назвав своим информантом доктора Джона Ватсона, ибо он никогда не узнает об американских приключениях 1893 года.

Рассказчик мог бы заявить, что посредством обычных хитроумных методов (вскрытый сейф, найденный на чердаке сундук и тому подобное) стал обладателем некой рукописи (а возможно, заодно и утраченных томов «Всего искусства раскрытия преступлений») и что между страницами этой рукописи были, весьма кстати, вложены шифрованные заметки, позволяющие нам увидеть события глазами сыщика. Не такая уж невидаль – случайно обнаружить архив джентльмена, проводшего последние годы на покое «среди пчел и книг на маленькой ферме в Сассексе»,⁵ – в жизни происходят совпадения и более удивительные.

Увы, нет. Никаких сенсационных находок: ни зашифрованных записок пасечника, ни обещанного Холмсом, но так и не найденного «Всего искусства раскрытия преступлений». Если быть совсем точным, я вообще не располагаю сведениями, полученными непосредственно от Холмса, Джеймса, а равно и доктора Джона Ватсона или его литературного агента Артура Конан Дойла. Позже я, быть может, раскрою – а быть может, и не раскрою – мои источники, пока же довольно будет сказать, что о трехмесячном пребывании сыщика и писателя в Америке знаю больше с точки зрения Холмса, чем с точки зрения Джеймса. Я не ведаю всех его мыслей – у меня нет власти заглянуть в голову обоим, – и все же у меня больше информации о том, что делал в этот период Холмс, а уж отсюда любой толковый рассказчик способен дедуктивно вывести или просто вообразить его мысли.

Однако, если читателя еще не до конца оттолкнула временная смена фокальности, ваш рассказчик постарается впредь ограничивать число точек зрения двумя и прилежно следить, чтобы авторский взгляд не прыгал от одного персонажа к другому, как фигуральный кузнец на вполне буквальной сковородке.

* * *

Буфет в освещенной утренним солнцем малой столовой уступал размерами тому, что Бенсон накрыл вчера в обеденной зале, но почти так же ломился от яств. На фарфоровых и серебряных тарелках и блюдах лежало все потребное для полного английского, легкого французского и плотного американского завтрака. Кроме того, поскольку Ян Сигерсон считался норвежцем, здесь были копченая семга, нарезанный тонкими ломтиками сиг, омлет с лососем, соленая сельдь и длинные английские огурцы – как принято считать, любимое лондонское лакомство заезжих норвежцев – с зеленым и красным перцем. Джону Хэю – или, правильнее сказать, его кухарке – удалось где-то раздобыть *Syltetøy*, норвежский джем, к утреннему поджаренному хлебу. Помимо французских, американских и швейцарских сыров, на столе были ярлсберг, гауда, норвегия, нёккелост, пультост и груност – очень сладкий норвежский сыр из козьего молока. (Холмс раз попробовал брюнуст и тут же решил, что больше в жизни не прикоснется к этой приторной замазке.)

Он наполнил тарелку компонентами английского, американского и норвежского завтраков – хотя в доме номер 221б по Бейкер-стрит обычно ограничивался французским круасаном и крепким турецким кофе – и приступил к застольной беседе с Джоном и Кларой Хэй.

Сорокачетырехлетняя миссис Хэй давно вышла из того возраста, когда могла, по выражению Джеймса, именоваться «пухленькой». Лет десять назад ее, наверное, можно было назвать дебелой, но и то время миновало; сейчас она была монументально-грузная, со множеством подбородков, и Холмсу подумалось, что такой она, вероятно, и останется до конца дней. Впрочем, это ничуть не уменьшало привязанности ее мужа (Джеймс упомянул, что будущая миссис Хэй была «пухленькой», когда встретила своего будущего супруга, и тому

⁵ «Его прощальный поклон». Перевод Н. Дехтеревой.

нравились ее полнота). К тому же Холмс по-прежнему видел красоту Клары Хэй в безукоризненной одежде, в дорогом, хоть и неброском камне на мягком пальчике, в шелковистости безукоризненно уложенных волос, в почти идеальной коже, в блеске больших и ясных глаз – блеске, который не затушить никакому «усердному налеганию на провиант».

Более того. Холмс – особенно в обличье вихрастого усатого Сигерсона – немедленно почувствовал, как мила, заботлива и добра Клара Хэй. Она говорила приятным контральто, а когда надо было слушать (например, после заданного господину Сигерсону вопроса), и впрямь *слушала*. Холмс знал, какое это редкое качество – умение терпеливо выслушать собеседника, и сразу понял, что миссис Джон Хэй, Клара для сотен близких знакомых (в той смелой манере, в какой американцы обращаются друг к другу по имени, не опасаясь, в отличие от англичан, что их примут за слуг), и впрямь бесценная хозяйка дома для такого столичного города, как Вашингтон.

Когда Холмс похвалил синее с зеленым платье Клары Хэй – а оно и впрямь было очень красивое, но в то же время достойное и сдержанное, – хозяйка не покраснела, как притворно стеснительная барышня, а сказала:

– Да, мистер Сигерсон, не правда ли, оно действительно чудесное, хоть и будничное? Я ценю ваше одобрение, знак вашего хорошего вкуса. Оно заказано у парижского модельера Чарльза Уорта, которого порекомендовала мне покойная подруга миссис Кловер Адамс.

Клара глянула на мужа, словно спрашивая, можно ли продолжать, но если полковник и подал супруге какой-либо знак, Холмс этого не заметил.

– Кловер говорила, – продолжала Клара Хэй, – что платье от Уорта не только наполняет ее душу счастьем, но и... как именно она сказала, Джон?

– Не только наполняет душу счастьем, но и запечатывает ее герметически, – ответил Хэй.

– Ах да, – улыбнулась хозяйка. – Мсье Уорт в восемьдесят первом заслужил вечную любовь Кловер Адамс, когда во время последней примерки терпеливо вносил улучшения в ее платье, хотя в приемной ждали миссис Вандербилт и миссис Астор. Для меня это была более чем достаточная рекомендация, и я ни разу не пожалела, что, приезжая одеваться в Париж, первым делом иду к мсье Уорту.

– Воистину поразительное платье, – сказал Холмс. – Даже я, холостяк, мало смыслящий в подобных вопросах, осмелюсь заметить, что талант мсье Уорта с лихвой окупает вашу ему преданность.

Он поставил пустую чашку и легонько мотнул головой, когда помощник дворцового шагнул к нему с кофейником, чтобы заново ее наполнить.

– Так чем сегодня займемся, мистер Сигерсон? – спросил Джон Хэй.

Чем дольше Холмс смотрел на длинные белые пальцы дипломата, тем больше убеждался, что Хэй стал бы превосходным скрипачом, начини он, как сам Холмс, сызмальства учиться музыке.

– Мы можем подождать Гарри и прокатиться по городу в экипаже, – продолжал хозяин. – Показать вам исторические места и памятники, проехать через Рок-Крик-парк, может быть, заглянуть на заседание Конгресса и съесть бобового супа на ленч. – Он весело рассмеялся. – Гарри ненавидит организованные экскурсии, но мы задавим его большинством голосов. Для того и нужна демократия – тирания грубых неучей вроде меня!

– Спасибо, – ответил Холмс, – но с вашего и миссис Хэй позволения я предпочел бы провести первый день в Вашингтоне, как стараюсь проводить все первые дни в новых местах – обходя их пешком.

– Чудесно, – с искренним одобрением произнес Хэй. – Рассказать вам, как пройти к главным достопримечательностям?

Холмс усмехнулся в сигерсоновские усы:

– Мой любимый метод исследования – основательно заблудиться.

Хэй рассмеялся.

– Если вы уйдете до того, как Гарри выйдет из спальни, что ему сказать про время вашего возвращения? – спросила Клара Хэй. – Ждать ли вас к ленчу, к чаю или к обеду?

– К чаю, наверное, – ответил Холмс. – Вы ведь пьете его в пять часов?

– Именно, – сказал Хэй, вытирая губы под пышными белыми усами белейшей льняной салфеткой. – Хотя после целого дня приключений можно будет выпить и что-нибудь покрепче.

Через пятнадцать минут (Джеймс все еще не встал) Холмс вышел из дому в зеленом твидовом костюме, постукивая тростью с серебряным набалдашником в форме лающего пса. В левой руке он держал плотно набитый портфель. Сыщик быстро шагал под низкими серыми облаками. День был сырой и душный, куда теплее, чем в Париже или Нью-Йорке, но жаркий не по погоде твидовый костюм не мешал Холмсу – Сигерсону шагать быстрой походкой неугомонного исследователя, за которого он себя выдавал.

В портфеле лежала довольно странная смена одежды, а во внутреннем кармане твидового пиджака – три фотографии: двух людей постарше и одного совсем молодого. В правый карман брюк Холмс убрал французский выкидной нож с шестидюймовым лезвием – таким острым, что им можно было срезать волосы у человека с руки, а тот бы даже не ощутил прикосновения.

* * *

У Холмса в сегодняшнем «исследовании» Вашингтона были две цели: дело по соседству, которое могло оказаться несколько дорогостоящим, и более долгая пешая экспедиция в район, который почти наверняка будет опасным, – ее Холмс предвкушал с большим удовольствием.

Шагая вперед и по видимости не обращая внимания на погоду и даже на самый город, он – по выработанной долгими упражнениями привычке – видел и запоминал все.

Холмс убедился, что за ним нет слежки.

Он отметил, что дома в окрестностях Лафайет-сквер и резиденции президента, которая позже станет официально именоваться Белым домом, хоть и добротны, но по большей части отличаются плоским фасадом, а к парадным дверям ведут лишь несколько невысоких ступеней: традиционное федеральное зодчество с его характерной простотой. Исключением были только высокие парные дома Адамса и Хэя в ричардсонском стиле. Выходя на Шестнадцатую улицу, сыщик обратил внимание, что красные кирпичи, из которых сложен особняк Хэя, явно сделаны по особому заказу архитектора: они были куда крупнее стандартных. Дом Адамса, выходящий фасадом на Эйч-стрит, Холмс осмотреть не успел, но намеревался вскорости исправить это упущение.

Цветущие деревья вдоль нешироких тротуаров были относительно маленькие и низкие; лишь некоторые каштаны и вязы в парках достигли полной высоты. Вашингтон, несмотря на свой почти столетний возраст, классическую архитектуру и некоторое количество памятников, все еще производил впечатление нового и довольно сонного городка.

Бульвары были широкие, но не особенно людные в этот ранний утренний час – по меркам Лондона или Парижа почти пустые. На более оживленных поперечных улицах Холмс видел маленькие крытые двуколки, а также модные кабриолеты и фаэтоны, омнибусы и легкие двухколесные догарты – ими обычно правили молодые люди. Иногда стремительно проносилась карета, запряженная четверней, иногда попадались темные блестящие бумы вроде того, что Хэй отправил за ними на вокзал. Проезжали тележки с молочными флягами или плитами мрамора, фургоны, телеги и возы с различными товарами, редко – всадники,

еще реже – рычащие самоходные экипажи, сверкающие бронзой и красной обивкой, с шоферами в очках и кожаных куртках.

Хотя его путь лежал мимо президентского особняка, Холмс не задержал взгляд на миниатюрном белом дворце, где обитал сейчас мистер Кливленд. Сыщик последний раз посещал Белый дом в ноябре 1881-го – во время суда над убийцей президента Гарфилда, жалким, полусумасшедшим Чарльзом Гито. Холмса отправили в Штаты его старший брат Майкрофт и начальник Майкрофта, глава тогдашней разведывательной службы сэр Джордж Мэнсфилд Смит-Камминг.

В 1881-м – как и теперь, в 1893-м, – британская Секретная служба еще не была официально создана (ее учредят в 1909-м), а тем более не разделилась на внутреннюю (МИ5) и внешнюю (МИ6), однако премьер-министр Дизраэли создал «Объединенное информационно-аналитическое подразделение», которое на самом деле было координационным комитетом для связи между аппаратом премьер-министра, Уайтхоллом и разведками: армейской, флотской и винегретом из еще полудюжины военных.

В 1881-м Майкрофт Холмс (в ту пору всего тридцати четырех лет, но уже незаменимый для Уайтхолла благодаря исключительным математическим талантам и способности к умозаключениям) был заместителем главы Объединенного комитета и подчинялся лишь тогдашнему исполняющему обязанности директора, капитану сэру Джорджу Мэнсфилду Смит-Каммингу из адмиралтейской разведывательной службы. Сейчас Майкрофт был содиректором новорожденной британской Секретной службы вместе с Уильямом Мелвиллом.

Майкрофту выделили помещение в цокольном этаже дома номер 12 по Даунинг-стрит, но Шерлок знал, что его грузный брат никогда не бывает в своем полностью обставленном кабинете по этому адресу. Все операции Объединенного комитета и Директората военной разведки направлялись из кабинета Майкрофта в Уайтхолле; сюда его номинальные начальники приезжали к нему за указаниями. Таким образом, Майкрофт делил время между Уайтхоллом и клубом «Диоген», который сам и создал. Клуб располагался в половине квартала от Уайтхолла, откуда в него можно было попасть как по улице, так и по крытой галерее. Старший брат Холмса проводил жизнь в одном из этих двух замкнутых пространств – третьего не было. Он спал, ел и развлекался в клубе «Диоген». Младший брат давно знал, что Майкрофт страдает тем, что позже назовут агорафобией.

«Диоген», основанный, как уже говорилось, Майкрофтом и еще пятью или шестью богатыми и влиятельными лондонцами, как и он, страшась открытых мест и общества чужих людей, был едва ли не самым странным из многочисленных клубов города.

Здесь тоже имелись газеты, вышколенные лакеи и безмолвные официанты, приличный ресторан и превосходная библиотека, удобные спальни и еще более удобные кресла для чтения в Верхнем салоне, но главное (и самое важное для старожилов) правило состояло в том, что ни один из членов клуба и немногочисленных избранных гостей не мог заговорить ни с кем, даже с другим членом, иначе как в наглухо закрытой «комнате для сторонних посетителей». Майкрофт и другие основатели «Диогена» страшились не только чужаков и разговоров с чужаками – они страшились клубов.

Шерлок Холмс знал, что у его брата есть и много других тяжелых фобий. Таким был фактический директор фактической Секретной службы ее величества к концу марта 1893 года.

Когда в 1881-м Шерлока спешно отрядили в Америку допросить Гито, убийцу президента Гарфилда (исключительно некстати, в частности и потому, что сыщик лишь недавно обосновался вместе с доктором Ватсоном в доме номер 221б по Бейкер-стрит и к нему наконец-то потянулись первые платные клиенты), он был убежден, что лишь зря потратит время на беспочвенную (как ему думалось) фантазию Майкрофта о «всемирном заговоре анархистов». Шерлок видел в этом очередную фобию старшего брата. Ежегодный съезд анархи-

стов представлялся сыщику-консультанту полнейшей нелепицей: он не верил в способность сумасшедших всерьез договориться между собой.

Однако, хотя Холмс и доказал тогда, что Гито действовал в одиночку, угрозы международного анархизма – взрывы, убийства, хитроумные заговоры – оказались вполне реальны. В 1886 году сыщику вновь пришлось ехать в Америку – расследовать так называемую Хеймаркетскую бойню. Именно Холмс установил, кто на самом деле убил семерых полисменов, однако полученные им результаты засекречены по сей день, и в учебники вошла подхваченная газетчиками легенда, будто стражи порядка сами друг друга перестреляли. Годом позже в Лондоне именно Холмс вместе с двоими полицейскими из специально созданного подразделения Скотленд-Ярда предотвратил – в последний миг – убийство королевы Виктории прославленным охотником на крупную дичь и наемным стрелком полковником Себастьяном Мораном. Моран и его сообщник со снайперскими винтовками заняли удобную позицию в Королевском Аквариумхолле, как раз когда ее величество садилась в карету в день празднования пятидесятилетия своего восшествия на престол. Сообщника схватили; однако лучший стрелок мира и непревзойденный наемный охотник Моран сбежал по лабиринту туннелей, труб и служебных коридоров под Аквариумхоллом.

* * *

Первым делом Холмс (в облике Яна Сигерсона) посетил «Кларксоновский магазин научных приборов и фотографических материалов» всего в десяти домах от парадной двери Хэев.

Войдя в тихий полумрак, он не мог не подумать, что Кловер Адамс наверняка покупала фотохимикаты именно здесь, и более того – подаренный ей кем-то цианистый калий для фиксажа был, вероятно, приобретен в этом самом магазине.

– Чем могу служить? – спросил приятный молодой человек, худощавый, но притом розовощекий, в очень маленьких круглых очках.

– Я ищу волшебный фонарь, – с легким норвежским акцентом ответил Холмс.

– Хорошо, сэр. Для дома или для большого показа – скажем, в мюзик-холле или в лекционном зале для широкой публики?

– Пока ограничусь скромным домашним показом, – сказал Холмс, восхищенно оглядывая ряды заботливо освещенных фотографических аппаратов, увеличителей, устройств для проявки и многочисленные стеллажи с химикатами. Всей своей атмосферой магазинчик напоминал мастерскую чародея. – Может быть, позже мне потребуется аппарат помощнее.

– Вы хотите приобрести проекционный аппарат или взять его напрокат, сэр?

– Напрокат, – ответил Холмс.

Ирония состояла в том, что в доме 221б по Бейкер-стрит у него было целых три специализированных проекционных аппарата для стеклянных диапозитивных пластин. На протяжении многих лет он использовал их в самых разных целях, в частности, чтобы увеличивать и сравнивать отпечатки пальцев или сфотографированные через микроскоп частицы табака и тканей. Однако он, понятное дело, не взял с собой громоздкие хрупкие аппараты – а равно и сотни тщательно подписанных диапозитивов – два года назад, когда готовился разыграть свою «смерть» вместе с мифическим Наполеоном преступного мира в Рейхенбахском водопаде.

Молодой человек, представившийся Чарльзом Макриди – братом покойного английского актера Уильяма Чарльза Макриди – и хозяином магазина, сказал, что будет рад помочь норвежскому джентльмену, и провел Холмса в отделенную портьерой дальнюю часть магазина, где на тщательно освещенных полках блеснули вороненой сталью, бронзой и полированным красным деревом проекционные аппараты.

Мистер Макриди коснулся черного проектора:

– Это новейшая модель, электрическая, так что горючего для подсветки не требуется. Семифутовый электрический шнур. Ни запаха парафина, ни опасности перегрева или пожара. Зеркало над лампой, как видите, фокусирует свет.

Холмс успел заметить, что дом Хэя электрифицирован, однако шнур пришлось бы тянуть к патрону люстры, и сыщик счел неудобным обременять хозяев такой просьбой.

– Нет, электрический мне не нужен.

Макриди кивнул и перешел к более компактному аппарату из бронзы и вороненой стали.

– Вот скиоптикон Вудбери и Марси. Источником света служит двухфитильная керосиновая лампа. Фитили можно подкручивать и таким образом регулировать подсветку.

– Нет, наверное, – сказал Холмс, поглаживая подбородок. – А что это за аппарат, поменьше?

– Очень яркий и надежный проектор, изготовленный Эрнстом Планком на *Fabrik Optischer und Mechanischer Waren*⁶ в Нюрнберге. Однако он рассчитан на маленькие пластины. Какого они у вас размера, сэр?

– Три с половиной на пять дюймов, – ответил Холмс. – Уменьшены вдвое по сравнению с исходными негативами.

Макриди кивнул:

– Тогда, боюсь, миниатюрная модель Планка вам не годится. Она превосходна для камерных научных семинаров и домашних представлений с волшебным фонарем, но у вас, как я понимаю, намечено нечто более солидное, более... панорамное.

– Да, – ответил Холмс.

– У нас есть приборы с двумя и тремя объективами для специальных эффектов, – сказал владелец магазина. – Они позволяют накладывать несколько изображений или быстро их сменять. Если снимки сделаны последовательно, то получаются движущиеся картины.

Холмс мотнул головой:

– Мне нужен всего лишь хороший, прочный, надежный волшебный фонарь. Что вы скажете насчет этого?

Он тронул довольно большой аппарат красного дерева с выдвижным объективом-гармошкой. Сыщик знал достоинства этого проектора – почти такой же был у него дома на Бейкер-стрит.

– О да, прекрасный прибор, сэр, – ответил Макриди, кладя ладони на деревянный футляр. – Изготовлен в Ливерпуле фирмой «Арчер и сыновья». В ней используется друммондов свет, так что требуется большая осторожность – горелка очень сильная. Однако качество проекции великолепное – и в больших помещениях, и в малых. Видите, в осветительной камере есть дверцы с обеих сторон и еще одна круглая смотровая дверца: она закрывается синим стеклянным фильтром. На крышку из лакированного металла крепится дымоходная труба с колпаком... – Макриди бережно коснулся овального отверстия. – В кладовке у нас есть и труба, и колпак, мистер...

– Сигерсон, – сказал Холмс.

– Видите, мистер Сигерсон, как легко отсоединить осветительную камеру – надо лишь потянуть вот за эту медную ручку.

– Я беру его, – сказал Холмс.

– На сколько вечеров, сэр?

– Всего на два. Верну в понедельник.

⁶ Фабрика механических и оптических товаров (нем.).

– Очень удачно, сэр. Поскольку магазин в воскресенье закрыт, мы возьмем с вас только за один вечер. Будем очень признательны получить аппарат обратно до полудня последнего дня аренды, если вас это устраивает, мистер Сигерсон.

– Вполне устраивает, – ответил Холмс и, когда Макриди назвал цену, молча вынул из кармана американские доллары и отсчитал требуемую сумму – пачка получилась до нелепого толстой. Затем придвинул к себе магазинный блокнот, щелкнул цанговым карандашом, написал несколько слов и спросил: – Не могли бы вы доставить его по этому адресу?

Макриди прочел написанное и произнес еще более уважительным тоном:

– Дом полковника Хэя. Разумеется, сэр. Аппарат доставят сегодня до пяти вечера.

– И мне потребуется горючее для него.

– Включено в стоимость, сэр. Бутылки надежно завинчиваются, пожаробезопасны и устанавливаются в отдельный деревянный лоток. Позвольте сказать, что вы сделали прекрасный выбор. «Арчер и сыновья» изготавливают превосходные оптические приборы, и яркость изображения поразительная: зрителям кажется, будто они попали внутрь фотографии. Аппарат будет верно служить вам, даже если вы захотите показать свои снимки перед полным залом ученых в Смитсоновском институте или в самой резиденции президента.

Холмс улыбнулся:

– Возможно, мистер Макриди, что позже я выступлю и там и там.

Глава 10

Из магазина Холмс направился на поиски худших вашингтонских трущоб.

Он прошел на запад через южную оконечность района, называемого Фогги-Боттом, или Мглистое Дно, – низинной части города, где располагались газовый завод, стеклодувные фабрики (несколько работающих, остальные – закрытые и полуразрушенные) и пивоварни, число которых в последнее время тоже стремительно сокращалось. Смрадная атмосфера Мглистого Дна вполне оправдывала его название; кое-где промышленные миазмы клубились видимыми зелеными облаками. Как во всех вашингтонских трущобах, жалкие домишки лепились здесь вдоль узких немощеных улиц. Многие обитатели Фогги-Боттом потеряли работу после закрытия фабрик и пивоварен, однако по обеим сторонам улочек по-прежнему стояли ряды жестяных лачуг и дощатых халуп. Часть была заброшена, но во многих ютились семьи (или угрюмые одиночки), которым нищета не позволяла перебраться в другой район. Казалось, что вместе с ядовитыми миазмами над Мглистым Дном висит и другой туман – туман тщетных надежд, что здешняя промышленность когда-нибудь оживет, а вместе с ней вернутся и заработки.

Холмс нашел то, что искал, на южном краю Фогги-Боттом: пять ветшающих некогда приличных домов в зарослях бурьяна на совершенно пустой улице.

Он тщательно выбрал здание, обошел его и проверил заднюю дверь. Она была не выломана. Холмс дернул ручку – заперто. Дома явно были выставлены на продажу, но если прежние хозяева и нынешние агенты по недвижимости и впрямь рассчитывали найти покупателей, они обитали не иначе как в мире грез.

Холмс достал из кожаного футляра отмычки и вошел в холодные пустые комнаты, где обои, некогда тщательно выбранные с мечтой о семейном счастье, клоками отставали от сырых стен, как кожа от трупа.

На втором этаже Холмс разыскал то, что ему было нужно: запертый чулан. Замок легко поддавался отмычкам. Холмс расстегнул застежки объемистого портфеля и достал смену одежды. Переодев все, вплоть до исподнего, он сложил твидовый «норвежский костюм», рубашку, ботинки и нижнее белье в портфель, который положил на верхнюю полку в пустом чулане, и той же отмычкой запер взломанную дверь.

В доме не осталось ни одного целого зеркала, однако надвигалась гроза, и на улице потемнело так, что Холмс мог изучить свое отражение в высоком окне пустующей комнаты верхнего этажа.

Теперь он был американским чернорабочим от тяжелых башмаков до засаленной ирландской кепки. Образ дополняли грязный жилет и мешковатые штаны на одной подтяжке. Грим на лице, руках и ногтях создавал впечатление, что их не мыли примерно месяц. Из-под кепки торчали нечесанные патлы, и даже норвежские усы превратились в обвислые американские. Модная трость, лишенная футляра, стала грубой палкой с медной блямбой вместо фигурного серебряного набалдашника. Не взвесив ее в руке, никто бы не угадал, что внутри упрятан свинцовый стержень, а в рукояти – тяжелый свинцовый шар. Французский пружинный нож перекочевал в карман рабочих штанов, фотографии – в нагрудный карман рубашки.

Холмс вышел из старого дома, запер отмычками дверь и двинулся к юго-западным трущобам, стуча тяжелой палкой по плитке тротуаров и булыжникам мостовых.

* * *

В Холмсе, шагавшем по грязным опасным улочкам юго-западной части Вашингтона, не осталось и следа не только от норвежского джентльмена, за которого он выдавал себя в последнее время, но и от английского джентльмена, которым он притворялся куда дольше. Образ пропитого американского безработного вовсе не казался ему чужим. Холмс играл британского джентльмена всю свою взрослую жизнь, и по временам его эта личина утомляла.

В последующее столетие с лишним появится множество жизнеописаний Шерлока Холмса. Почти все биографы верно укажут год его рождения: 1854-й. Почти все напишут, что Шерлок и его брат Майкрофт происходили из семьи йоркширских помещиков. Они расскажут, что он получил домашнее образование в сельской усадьбе, а позже учился в Кембридже. И почти все изложенные факты – за исключением даты рождения – будут неправдой.

Все эти сведения о прошлом Шерлока Холмса биографы почерпнут из нескольких слов, приведенных доктором Ватсоном в рассказе «Случай с переводчиком» и опубликованных в журнале «Стрэнд». В тот летний вечер разговор между доктором и сыщиком «беспорядочно перескакивал с гольфа на причины изменений в наклонности эклиптики к экватору» (заметим: если Холмс и впрямь не знал, что Земля вращается вокруг Солнца, как он мог рассуждать об «изменениях в наклонности эклиптики»?), когда внезапно Ватсон свернул на тему «врожденных свойств». «Мы заспорили, – написал он в своей хронике, – в какой мере человек обязан тем или другим своим необычным дарованием предкам, а в какой – самостоятельному упражнению с юных лет». Выражаясь современным языком, то был спор о наследственности и влиянии среды.

Дальше Ватсон и привел свои четыре злополучных абзаца.

– В вашем собственном случае, – сказал я, – из всего, что я слышал от вас, по-видимому, явствует, что вашей наблюдательностью и редким искусством в построении выводов вы обязаны систематическому упражнению.

– В какой-то степени, – ответил он задумчиво. – Мои предки были захолустными помещиками и жили, наверно, точно такую жизнь, какая естественна для их сословия. Тем не менее эта склонность у меня в крови, и идет она, должно быть, от бабушки, которая была сестрой Верне, французского художника. Артистичность, когда она в крови, закономерно принимает самые удивительные формы.

– Но почему вы считаете, что это свойство у вас наследственное?

– Потому что мой брат Майкрофт наделен им в большей степени, чем

я.⁷

Среди сотен тысяч слов, записанных Ватсоном, это единственное упоминание о предках Холмса. Тогда же сыщик впервые обмолвился, что у него есть брат, чем немало удивил своего «хрониста».

Однако ничто в этих «откровениях» Шерлока Холмса доктору Ватсону – за исключением фразы о брате Майкрофте – не соответствовало истине, начиная с утверждения, что его бабушка «была сестрой Верне, французского художника».

Да, конечно, был знаменитый в свое время французский художник Эмиль Жан-Орас Верне (1789–1863), писавший картины на батальные и североафриканские сюжеты. Во дни Холмса и Ватсона (как и в наши) наибольшей известностью пользовалось его монументаль-

⁷ «Случай с переводчиком». Перевод Н. Вольпин.

ное творение «Битва на баррикадах на улице Суффло 24 июня 1848 года». Из всей его биографии обычно вспоминают единственный анекдотический эпизод: высокий покровитель попросил его убрать из батальной сцены одного печально известного генерала, на что Верне якобы ответил: «Я исторический живописец, сэр, и не стану грешить против истины».

Однако Холмс определенно сказал Ватсону неправду. У Эмиля Жан-Ораса Верне было три брата и одна младшая сестра, которая умерла от тифа в семь лет и едва ли могла доводиться бабкой Шерлоку Холмсу.

Уильям Шерлок Холмс родился в истсайдских трущобах Лондона и там же провел почти все юные годы. Когда позже Холмс скликал босоногих уличных мальчишек – свои «нерегулярные полицейские части с Бейкер-стрит», по его собственному выражению, – он в каком-то смысле вызывал из прошлого себя самого в их возрасте.

Будущие жизнеописания в числе других «установленных фактов» сообщают, что отец Холмса был либо отставной кавалерийский лейтенант Сигер Холмс, либо сельский сквайр Уильям Скотт Холмс. И то и другое утверждение не соответствует истине. Один знаменитый биограф Великого сыщика раскопает, что отец Шерлока унаследовал йоркширское имение «Майкрофт», которым Холмсы якобы владели с середины шестнадцатого века.

Это глупость и намеренная фальшивка. Да, Холмсы какое-то время называли своими несколько акров скудной земли в Йоркшире, но то была убыточная ферма времен королевы Елизаветы, и дядя Шерлока не владел, а только управлял ею, да и то лишь последние годы жизни – он скончался в 1860-м, через два года после того, как мать Шерлока (которую взрослый сыщик почти не помнил) умерла от чахотки в дешевой истчипской мебелирашке.

Да, йоркширская ферма некогда претендовала на величие. В шестнадцатом веке владевший ею дворянин – не предок Холмса – задумал возвести на этом месте усадьбу, которая должна была получить имя «Шелкрофт». Однако дворянин имел неосторожность оставаться практикующим католиком в эпоху, когда в Англии насаждали англиканство – по мере надобности принудительно. В 1610-м Шелкрофтскую усадьбу сожгли дотла, а с нею обратились в прах и все надежды несчастного дворянина. История гласит, что он перерезал себе горло. Ни один из его наследников мужского пола не дожил до одиннадцати лет.

В следующее столетие некоторые йоркширские старожилы еще называли быстро уменьшавшееся поместье – уменьшавшееся потому, что наследники распродавали его по частям, чтобы платить долги, – «Шелкрофтскими дворами», однако к тысяча восьмисотому название превратилось в «Шлаковую гору», по трубам и глухим кирпичным строениям маленького рудничного комплекса, которые поставил на оставшихся шестидесяти акрах наследник-американец: в последней отчаянной попытке извлечь из этой земли хоть какие-нибудь деньги он решил добывать тут свинец. До 1838-го, когда рудник закрыли, «Шлаковая гора» частенько заполняла всю Йоркширскую долину черными облаками ядовитого свинцового дыма.

Дядя Шерлока, Шеррингфорд, скончался, как уже упоминалось, в 1860-м, после чего Холмс-отец купил «Шлаковую гору» у проживающего в Бирмингеме владельца (за непомерно большую сумму) и перевез сыновей – тринадцатилетнего Майкрофта и шестилетнего Шерлока – на шестьдесят три акра вырубленного леса, заросших каменистых полей, вытоптанных пастбищ и отравленных свинцом болот. Майкрофт за время жизни в «Шлаковой горе» ни разу не вышел из своей комнаты, но для маленького Шерлока ветшающая ферма и ее окрестности стали раем, который он мог исследовать бесконечно. У мальчика был даже пони – с провислой спиной, но все равно любимый.

Впрочем, к концу 1863 года отец Шерлока – пьяница и мот, постоянно уезжавший из «Шлаковой горы» на крестьянской кляче, чтобы просиживать вечера, а то и целые дни в худших суэздельских кабаках, – дотратил последние деньги брата Шеррингфорда и лишился фермы. В 1863-м он забрал обоих сыновей, чьих исключительных способностей тогда еще

никто не замечал, в Лондон. Там для Холмсов вновь начались скитания по съемным домам и меблированным комнатам. Для Шерлока это было возвращение к семейной жизни, состоявшей преимущественно в бегстве от кредиторов, и на лондонские улицы.

Однако Майкрофт, которому в тот год исполнилось шестнадцать, не вернулся с ними в Лондон. Он отправился в Оксфорд.

Вот как это получилось. В йоркширской «ссылке» отец эксплуатировал математические способности Майкрофта, заставляя того штудировать маклерские реестры по лошадям, продающимся на Таттерсоллском аукционе у лондонского Гайд-парка, и заранее угадывать будущих чемпионов. Затем Холмс-старший телеграфировал приятелям в Лондон, и те от его имени ставили на этих самых лошадей на ипподроме в Александра-парке (ипподром этот любители скачек прозвали за его форму Сковородкой). Отец не догадывался (а вот Шерлок проведал), что Майкрофт, толстый и апатичный внешне, однако наделенный острым умом, сам делал ставки через тех же отцовских приятелей (из денег отца, разумеется), а свои небольшие выигрыши клал на отдельный банковский счет. К 1863 году шестнадцатилетний Майкрофт Холмс скопил приличную сумму и точно знал, на что ее потратит.

Майкрофт поступил в Оксфорд в шестнадцать лет, заплатив за обучение и пансион тем, что называл «деньгами Таттерсолла-Сковородки». Как-то ночью он разбудил младшего брата, пожал тому руку (что было крайне нехарактерно для Майкрофта, не терпевшего физического контакта с другими людьми) и уехал в Оксфорд. С собой у него был лишь картонный чемодан, где лежала кое-какая одежда и бутерброд с сыром, сделанный для него Шерлоком.

Отец в ярости объявил, что Майкрофт ему больше не сын. В последующие годы старший брат слал младшему тщательно зашифрованные письма, где подробно расписывал, как нравится ему в славном университете. Не в последнюю очередь он упоминал о знакомстве с неким профессором математики в колледже Крайстчерч, Чарльзом Лютвиджем Доджсоном, которому вскоре предстояло прославиться под именем Льюис Кэрролл. Майкрофт и Доджсон вскоре сдружились на почве любви к математике (особенно к простым числам), сложным шифрам и курьезным числовым закономерностям в самых обыденных вещах – например, в железнодорожных расписаниях.

Уильям Шерлок Холмс так и не познакомился с Доджсоном; конец шестидесятых – начало семидесятых прошли для него в борьбе за существование среди лондонских трущоб. В конце семидесятых Майкрофт Холмс вытаскил младшего брата с улицы и на свои деньги определил в Оксфорд. Однако Шерлок не захотел учиться там, где его старшего брата все знали и ценили. Тогда Майкрофт отправил его в кембриджский Сидни-Сассекс-колледж, надеясь, что брат увлечется естественными науками. Холмс и полюбил химию, однако возненавидел преподавателей и соучеников, так что вскоре вылетел из Кембриджа – дважды.

Чтобы представить себе юные годы Холмса, история которых никогда не будет написана, можно вспомнить раннюю биографию Джеймса Джойса, чей пьющий, а часто и буйный отец поначалу снимал дома в таких районах, как Кенсингтон, а потом, спасаясь от уплаты, перебирался вместе с сыновьями из одного съемного дома в другой, все более грязный и тесный, затем и в убогие меблирашки, где пахло вареной капустой. Шерлок почти не получил формального образования (если не считать краткого срока в Кембридже); он не учился в школе, частной или публичной, и лишь изредка брал уроки у домашних учителей (когда его отец выигрывал на скачках и наживался на каких-то других темных делишках).

Учителя, которых Холмс-старший нанимал сыну, когда в кармане заводилась звонкая монета и не надо было среди ночи сбежать от домовладельца, были самые никудышные и быстро отказывались от упрямого и безнадежного (по их мнению) ученика. Однако на пять учебных предметов отец не скупился. То были фехтование на палках, которому Шерлок обучался с семи лет, бокс (включая спарринги с ушедшими на покой, но известными всей Англии чемпионами), муай-боран (четыре года с учителем-тайцем), фехтование на шпагах

(эти уроки были самые дорогие; иногда Шерлок занимался у лучших французских наставников, хотя у них с отцом едва хватало на еду) и стрельба.

Вероятно, отец Шерлока воображал, что его необузданный, но по временам странно задумчивый и замкнутый младший сын изберет карьеру военного. Однако Шерлок даже в восемь или четырнадцать лет об армии помышлял не больше, чем о путешествии к Луне на воздушном шаре.

* * *

Пошел дождь. У Холмса не было зонта – образ опустившегося американского пролетария не предусматривал такой детали, – так что он лишь плотнее надвинул засаленную кепку и зашагал дальше по лужам. Мостовых здесь уже не было, как не было и собственно улиц – только бесчисленные закоулки между жалкими домишками: грязь, колдобины да кое-где доски, облегчающие короткий, но столь необходимый путь от покосившейся жестяной лачуги к дощатому нужнику из трех стенок.

От полезных людей в Нью-Йорке Холмс знал, что искомое можно получить в бывшей кузнице на Кейси-лейн, но, разумеется, в трущобах не было табличек с названиями улиц, как не было и полисмена на углу, у которого спросить дорогу (да полисмен и не стал бы разговаривать с забулдыгой), а когда Холмс обратился к оборванным детям, мучившим крысу, те вместо ответа принялись швырять в него конским навозом.

Еще не дойдя до Кейси-лейн, Холмс наткнулся среди лачуг и пустующих фабрик на брошенное коммерческое здание – как раз такое, какое присматривал. Он ступил на шаткие деревянные мостки перед входом, толкнул ногой покореженную дверь и заглянул внутрь.

Когда-то это была дешевая гостиница для железнодорожников – в бурьяне рядом еще угадывались ржавые рельсы, – но теперь здесь обитали только голуби и крысы. Даже беднейшие семьи из окрестных халуп не захотели сюда перебраться. Причину Холмс увидел почти с порога, и она тут же возбудила его любопытство: в потолке большой гостиной сразу за крохотным вестибюлем зияла дыра диаметром футов десять. Здание было четырехэтажное, и Холмс, запрокинув голову, увидел такие же круглые проломы в том, что американцы называли бы вторым, третьим и четвертым этажами. С крыши, до которой было футов пятьдесят, капала вода.

Что могло пробить кровлю и три этажа? Даже если здание к тому времени основательно прогнило, ни металлическая кровать, ни сейф, ни пианино не проломили бы мощные перекрытия.

Ничто на полу не давало ответа к загадке, за вычетом багрового пятна на поломанных досках. То была клякса футов пятнадцать в диаметре: как будто двадцать непомерно толстых людей сгрудились в кучу, рухнули через три этажа и разбились насмерть в большой гостиной сразу за вестибюлем.

Человек, называвший себя первым сыщиком-консультантом мира (при том что в Лондоне тогда работали десятки частных детективов), не придавал большой веры рабочей гипотезе о падающих толстяках.

Впрочем, гостиница вполне отвечала его целям. Перила центральной лестницы по большей части обвалились, но сама лестница выглядела вполне прочной.

* * *

Двумя грязными проулками дальше он обнаружил три стены, занавешенные куском брезента, – все, что осталось от кузницы. Болтающаяся на одном крюке вывеска и ржавая наковальня послужили для первого и лучшего сыщика-консультанта в мире вполне доста-

точными подсказками. Холмс шагнул на деревянный настил, почти такой же грязный, как размокшая от дождя улица, и палкой отвел брезент.

За низким столом курили и разбирали что-то похожее на груды мусора три самых отвратительных головореза, каких Холмсу случалось видеть при свете дня. У двоих – они походили на братьев-дебилов – были такие длинные руки и такие примитивные выражения лиц (под густой рыжей щетиной), словно они вышли из диорамы «Троглодиты каменного века» в Британском музее естествознания. От третьего разило так, что вонь почти физически выталкивала Холмса, прижимая спиной к грязному брезенту. Этот третий был очень высок ростом. На поясе его мешковатых залатанных штанов висели ножны с ножом Боуи, не уступавшим размерами иным афганским и зулусским саблям.

– Какого дьявола тебе здесь надо? – спросил высокий, кладя лапищу на тяжелую рукоять.

– Мне сказали, у вас можно купить нужное мне количество морфина, – ответил Холмс с лучшим своим филадельфийским акцентом.

Впервые он посетил Соединенные Штаты в семидесятых годах вместе с гастролирующей труппой Перси Александра – одиннадцать городов за семь месяцев – и постарался за это время запомнить как можно больше региональных диалектов.

– И героина, – добавил Холмс. – Если у вас нет морфина, возьму героин.

Высокий оглядел его стоптанные башмаки и залатанную одежду, усмехнулся и спросил:

– Почему мы знаем, что ты не легавый?

– Я не фараон, – ответил Холмс.

– Сними рубашку, – потребовал высокий. – Закатай рукав.

Дрожа, будто от легкого озноба, Холмс снял куртку, грубый жилет и шерстяную рубаху, потом закатал рукав грязной и рваной нижней фуфайки. Все трое головорезов, подавшись вперед, уставились на следы от шприца в сгибе его локтя.

– Чего-то он точно ширит, – заметил второй троглодит, наклоняясь заросшей физиономией к голой руке Холмса.

– Заткнись, Финн, – сказал высокий.

– Тогда почему мы знаем, что у тебя есть деньги? – спросил другой троглодит.

– Заткнись, Финн! – рявкнул высокий головорез с ножом Боуи.

Очевидно, они и впрямь были братья, и он для скорости называл их одинаково.

Прежде чем ближайший Финн отодвинулся, Холмс успел различить на его правом запястье грубо вытатуированные буквы «Г» и «Ю». Это значило, что сыщик попал, куда хотел, по крайней мере, если верить его информантам из нью-йоркской Адской Кухни. Он собирался войти в контакт с членами Вашингтонской банды «Громилы с Юго-Запада» и, судя по всему, преуспел в своем намерении.

Высокий указал на Холмса пальцем:

– Здесь не Чайна-таун. Даже больницы рядом нет, откуда это дело можно взять. Ширка от доктора Байера чистая, да стоит больше. Ее поди достань.

– У меня есть деньги, – жалобно проныл Холмс тоном наркомана, которому не терпится сделать укол.

Он вытащил из кармана толстую пачку американских долларов.

– Вижу, приятель, – сказал высокий, постукивая пальцами по рукоятке ножа. – Финн! Оба! Приведите мистера Кулпеппера и мистера Дж. Живо!

Он, по крайней мере, постарался скрыть злорадное торжество, но в глазах обоих троглодитов оно горело совершенно отчетливо. Холмс знал: его собираются убить ради денег.

Глава 11

С уходом Финнов они остались втроем: Холмс, высокий головорез и его вонь. Холмс безмолвствовал, высокий человек с ножом молча смотрел на него, а вонь говорила сама за себя.

Меньше чем через десять минут Финны вернулись с двумя хорошо одетыми людьми. Один был высокий, худой, немногословный, с тонкими усиками над красивыми губами. У него были очень темные волосы и такая тонкая, почти прозрачная кожа, что уже в этот непоздний дневной час ему бы не мешало побриться снова. В остальном он выглядел безупречно: ни следа грязи на тщательно начищенных ботинках и белых гетрах. Этот высокий, худой, немногословный господин выглядел бы своим и среди дельцов на Уолл-стрит, и – ближе к дому – среди участников ежегодного Пасхального парада на вашингтонской Кей-стрит.

Второй, пониже ростом и поплотнее, был одет дорого, однако в обществе настоящих джентльменов его бы сразу выдала вульгарность деталей. Золотой зуб блестел так же, как золотые нити в парчовом жилете. Над жилетом отчетливо виднелась рукоять самовзводного револьвера, заткнутого за пояс невероятно чистых (учитывая грязь Кейси-лейн) брюк. На сальных черных волосах сидела новенькая фетровая шляпа, полные губы улыбались.

– Боже, Мертрих, – ахнул плотный господин с револьвером, – ну и вонь! Уже почти апрель! Ты же моешься раз в год – наверное, пора?

Он махнул рукой, показывая Финнам, чтобы те вышли. Холмс слышал, как их башмаки захлюпали по уличной грязи.

Высокий худой человек облокотился на прилавок (предварительно смахнув с него пыль носовым платком) и безмолвно наблюдал за происходящим.

Вульгарно одетый господин протянул загрубелую руку.

– Говард Кулпеппер, – сказал он густым баритоном.

Холмс обменялся с ним рукопожатием, украдкой разглядывая вошедших. Если это Кулпеппер, значит более молодой и молчаливый – «мистер Дж.», очевидно самый значительный из пяти бандитов. Тот, кого Кулпеппер назвал Мертрихом, ни на минуту не переставал барабанить пальцами по рукояти большого ножа. Холмс порадовался, что вышел на Кулпеппера: судя по шикарной одежде и уверенной манере, тот почти наверняка занимал в преступной иерархии достаточно высокую ступень и мог ответить на интересующие сыщика вопроса. При должной мотивации, конечно. А вот из мистера Дж. вряд ли удастся вытянуть имена, да и вообще хоть что-нибудь полезное, – он слишком умен.

– Как вас зовут, сэр? – спросил Кулпеппер.

– Генри Баскерс, – ответил Холмс.

– Что ж, мистер Баскерс, приношу извинения – коли этого не сделал хозяин – за некоторое... э-э... амбре, – сказал Кулпеппер. – Вы видели окрестности, сэр. Ближайшая общественная колонка – на Четвертой-с-половиной улице, воду оттуда приходится носить ведрами. – Он покосился на Мертриха. – Что, впрочем, нельзя назвать оправданием, *ибо цивилизованность требует жертв*.

Мертрих неотрывно смотрел на Холмса, которому нечего было ответить. Он позволил себе выказать легкие признаки нервозности, впрочем не переигрывая. «Мистер Баскерс» должен был и раньше приобретать нелегальные наркотики в такого рода притонах.

Время от времени Холмс бросал нервный взгляд в сторону мистера Дж., словно джентльмен, просящий помощи у другого джентльмена, но тот стоял у прилавка в отрешенном молчании, граничащем с полным равнодушием, как будто пребывает где-то совершенно в другом месте.

Кулпеппер потер руки:

– В таком случае перейдем к делу, сэр. Мои товарищи сообщили мне, что вы намерены приобрести небольшое количество морфина и... как бы это сказать... более значительное количество того нового героического медикамента, который выпускает фирма мистера Байера.

– Да, – сказал Холмс. Он повторил, сколько хочет приобрести того и другого.

– Вам известно, мистер Баскерс, – продолжал Кулпеппер, – что Байер еще не выпустил свой замечательный героин в общую продажу ни в Европе, ни в Соединенных Штатах. Скоро это лекарство будет в каждой лавчонке, но сейчас оно проходит... как бы это сказать... проверку в нескольких избранных больницах, включая клинику доктора Рида.

Холмс нетерпеливо кивнул. Он то и дело – будто не может с собой совладать – косился на три склянки с героиновыми солями, которые Кулпеппер держал между пальцами правой руки, словно фокусник на представлении. На каждой склянке была этикетка: «ФРИДР. БАЙЕР И Ко, ЭЛБЕРФЕЛЬД, СТОУН-СТРИТ, 40, НЬЮ-ЙОРК».

На самом деле Холмс вдобавок отметил про себя модель револьвера, заткнутого у Кулпеппера за пояс брюк. Револьвер был прекрасно знаком сыщику, так как не только выпускался в Англии, но и состоял на вооружении британской армии, пока в 1880-м его не сменил «энфильд». То был «бомон-адамс» калибра 11,2 мм, получивший такую громкую славу во время войны с зулусами. У Кулпеппера он почти наверняка был переделан под унитарный патрон центрального воспламенения. Револьвер также обладал первым по-настоящему современным ударно-спусковым механизмом двойного действия. Холмс знал, что многие офицеры во время Войны Севера и Юга предпочитали такие переделанные «бомон-адамсы» американским армейским кольтам за быстрый взвод курка и большую скорострельность в ближнем бою. Кулпеппер вполне мог быть офицером на той войне, три десятилетия назад, и хранить револьвер по сентиментальным мотивам. Судя по седым бакенбардам и явно крашеным волосам (возможно, он чернил их тем же патентованным составом, что Холмс в образе Сигерсона), ему было около шестидесяти лет.

Холмс предполагал, что мистер Дж. тоже вооружен, но более компактным револьвером, какой разумнее носить в городе.

– Морфин обойдется вам всего в двадцать долларов, – сказал Кулпеппер, демонстрируя два пузырька поменьше, которые держал в левой руке.

Такое же количество морфина Холмс купил бы вдвое дешевле рядом с любой больницей или в негритянской части города, куда отсюда было рукой подать.

Словно читая мысли Холмса, Кулпеппер усмехнулся и сказал:

– Да, да, у черномазых вы можете купить дешевле, но один Бог ведает, что они туда подмешают. А что до героина... вы пришли к единственному поставщику в этой стране. Больше вы нигде не найдете.

Холмс знал, что Кулпеппер лжет, однако спросил:

– Сколько за три склянки соли?

– Сто пятьдесят долларов, сэр, – ответил Кулпеппер.

Даже Мертрих глянул на него с изумлением. Это было вчетверо больше, чем Холмс заплатил бы за такое же количество героина на улицах Нью-Йорка.

На лице Холмса изобразился слабый отголосок той внутренней борьбы, что идет в душе каждого тяжелого наркомана, когда на одной чаше весов лежит острая потребность, а на другой – всего лишь деньги.

– Ладно, что мелочиться! – рассмеялся Кулпеппер. – Мы включим морфин в ту же сумму. Дешевле вы нигде к востоку от Миссисипи не сговоритесь.

Холмс тяжело сглотнул и наконец сказал:

– Хорошо.

Оба дельца жадно смотрели, как он отсчитывает сто пятьдесят долларов от пухлой пачки. При себе у сыщика было восемьсот долларов – все деньги, которые он привез из Франции и обменял на американскую валюту в Нью-Йорке.

Когда сделка была завершена и Холмс бережно рассовал склянки с морфином и героином по разным карманам куртки, Кулпеппер спросил небрежно:

– Будем ли мы иметь удовольствие вести с вами дела и дальше, мистер Баскерс? Я могу назвать вам адреса... э-э... менее оскорбляющих обоняние мест для встречи.

Ответ должен был решить все. Если бы Холмс пообещал навещать регулярно, его, возможно, оставили бы в живых. При таких заоблачных ценах на героин они бы, не прибегая к насилию, за несколько месяцев вытянули у него оставшиеся шестьсот пятьдесят долларов. За год-два он бы их озолотил.

– Нет, – сказал Холмс. – Завтра я уезжаю в Сан-Франциско. Сам я из Филадельфии и не знаю, есть ли в Сан-Франциско героин. Так что решил вот... на всякий случай...

– Понятно, – с широкой улыбкой ответил Кулпеппер и чуть заметно покосился на Мертриха. – Счастливого вам пути, мистер Баскерс.

Мистер Дж. даже не повернул голову, чтобы проводить взглядом Холмса, когда тот выходил из бывшей кузницы.

Глава 12

Одного из Финнов отправили за ним следить. Идти за кем-нибудь незаметно по узкому немощеному проулку, между двумя стенами лачуг и развалин, трудно даже в сухую погоду, а по раскисшей от дождя глине – и вовсе невозможно.

Холмс шагал на север не оборачиваясь. Он догадывался, что Финн крадется сзади, стараясь не потерять его из виду, а остальные трое – или уже больше – движутся по соседней улочке. Когда Холмс остановится, Финн известит об этом сообщников меньше чем за минуту.

Кулпеппер с Мертрихом наверняка рассчитали, что морфинист не утерпит до гостиницы, а постарается отыскать укромное местечко и там ввести себе купленный героин. Оба ставили на то, что Холмс – «мистер Баскерс» – сделает это, не выходя из Юго-Западных трущоб.

Холмс не собирался их разочаровывать.

* * *

Он вошел в заброшенную гостиницу, оставив дверь приоткрытой. Пятно на полу большого помещения сразу за вестибюлем было все таким же тревожно-загадочным, в сквозную дыру все так же сыпал холодный морозящий дождь.

«Быть может, на гостиницу упал метеорит или комета» – такая мысль мелькнула в самом дедуктивном и логичном уме Европы. Сыщик жестоко страдал. Утром он вколол себе последние остатки морфина, и маленькая доза не сняла скопившуюся за неделю боль. Несмотря на годы железной самодисциплины, Холмс не мог полностью справиться с мыслями. Даже огнестрельная рана (будь она не совсем смертельной) не так мешала бы сосредоточиться, как эта нестерпимая ломота во всем теле от слишком большого интервала между уколами.

Он медленно поднялся по лестнице, проверяя каждую ступеньку, прежде чем перенести на нее свой вес. Старые добротные доски, хоть и разбухли от сырости, а местами даже подгнили, по большей части еще держались, и лишь некоторые пришлось перешагнуть. Перила кое-где висели на воздухе, поскольку многие балясины выпали. Между тем, что американцы зовут вторым и третьим этажами, балясин не осталось вовсе.

Холмс свернул в мокрый коридор четвертого этажа, где бумажные обои кусками отходили от стен, и уперся плечом в покоробленную дверь выбранной комнаты.

Все было так, как он и предвидел. У входа сохранилось примерно восемнадцать дюймов пола, дальше начинался круглый провал. Между балками, там, где их проломила рухнувшая с высоты в сорок футов непомерная тяжесть, застряли обрывки старинного ковра. Тусклое солнце, пробиваясь сквозь серые тучи, подсвечивало капли дождя и придавало голым стенам призрачно-неестественный вид. Справа от кратера оставался лишь узкий карниз, по которому кое-как можно было протиснуться бочком, под стеной напротив – фута четыре наклонного пола. Холмс видел, что поместится там, хоть и еле-еле. Именно на этом строился его план.

Кулпепперу, чтобы его убить, довольно будет распахнуть дверь, прицелиться и выстрелить с расстояния меньше двадцати футов. Однако десять шансов из десяти, что «мистер Баскерс», сраженный «бомоновской» пулей, рухнет вперед, в провал, и Холмс ставил свою жизнь на то, что Кулпеппер и Мертрих – или как там их на самом деле зовут – хотят сохранить склянки с героином и морфином в целости.

Холмс втиснулся в узкое пространство за столбом искристых дождевых капель напротив закрытой двери и сполз по стене на пол, надеясь, что наклонные доски выдержат его вес. Они выдержали, хоть и негодуя застонали. Он достал одну склянку и сафьяновый несессер со шприцем.

Во Франции и по пути через Атлантику Холмс задумывался, не стоит ли обзавестись револьвером. Свой последний он оставил в Индии, а Франция выглядела такой спокойной и мирной – даже экспериментальная фармацевтическая лаборатория в Монпелье, где сыщик принял решение перейти с морфина на новое, более безопасное средство, – что там огнестрельное оружие не требовалось. Единственный вечер в Нью-Йорке Холмс потратил на то, чтобы добыть сведения об интересующих его людях в столице, и не удосужился купить револьвер. По правде сказать, такая мысль даже не пришла ему в голову.

Сейчас Холмс сидел разведя колени, подошвой ботинка прижимал к полу пузырек с героином, чтобы не скатился в провал, раскладывал принадлежности для инъекций и улыбался.

В многочисленных «Загадках» и «Случаях», которые Ватсон по большей части держал у себя на полке в старом докторском чемоданчике и о которых читающая публика еще даже не слышала, именно Ватсон прихватывал с собой револьвер, если обстоятельства того требовали. И впрямь, Холмс, потративший сотни часов на уроки стрельбы с отцом и не меньше – на одинокие упражнения в меткости, питал к любому огнестрельному оружию стойкую неприязнь. Однако сейчас он вновь улыбнулся, вспомнив, что Ватсон всегда ограничивался словами «мой старый [или «верный»] армейский револьвер». Доктор следовал литературным рекомендациям Конан Дойла, а тот учил, что читателя утомляют детали.

Однако Холмс никогда не упускал деталей. В первый же раз, как Ватсон вооружился для совместного приключения, сыщик отметил, что его «верный револьвер» – казнозарядный «адамс.450» с барабаном на шесть патронов и шестидюймовым стволом, состоявший на вооружении британской армии во Второй афганской войне, на которой доктор получил свою подозрительно кочующую пулю из джезаила. Размером и другими параметрами револьвер Ватсона не сильно отличался от «бомон-адамса», который торчал из-за пояса у Кулпеппера. Холмс отметил про себя, что этот щеголь носил и подтяжки, и ремень. Мистер Кулпеппер явно был осторожен – насколько именно, предстояло выяснить в ближайшее время.

«Быть может, сейчас револьверы есть уже у всех пятерых», – была последняя мысль Холмса перед тем, как внизу раздался грохот вышибаемой двери.

Но нет – Холмс был уверен, что мистер Дж. не присоединился к отряду, а почти наверняка отправился доложить о происшедшем главарям банды.

Это значило, что по меньшей мере одного из четырех преследователей надо будет оставить в живых. Не обязательно Кулпеппера.

Все необходимое было разложено перед Холмсом на раскрытом сафьяновом несессере. Сыщик взял шприц, заранее наполненный соленой водой, и крышечку от «Сарсапариллы Хайреса», которую купил утром, после того как вышел из магазина волшебных фонарей. Бутылку вместе с отвратительным пойлом он выкинул сразу, дивясь, что американцы выпивают их три миллиона в год. Сейчас Холмс насыпал в крышечку героиновую соль и выдавил туда же несколько капель воды из шприца.

Из другого кармана раскрытого несессера он вытащил аптечную трубку, перетянул себе руку, как утром, тронул вздувшуюся вену и достал из жилетного кармана уникальный предмет – опытный экземпляр зажигалки, подаренный ему в 1891 году, за несколько месяцев до «Рейхенбахского водопада», благодарным клиентом: немецким ученым Карлом Ауэром фон Вельсбахом. Благодаря патентованному искусственному кремню из сплава под названием «ферроцерий» зажигалка Вельсбаха была меньше и гораздо удобнее, чем громоздкое,

сложное и очень опасное «огниво Дёберейнера» прошлых десятилетий. Холмс подвел голубое пламя дареной зажигалки под крышечку от корневого пива.

Зажигалка фон Вельсбаха много раз спасала Холмса в Гималаях; сейчас он умолял ее нагреть воду с белыми кристалликами, пока шаги на лестнице не приблизились к четвертому этажу.

В нагрудном кармане рубахи, рядом с тремя фотографиями, лежал комок ваты – Холмс вынул его и положил в крышечку. Вата должна была сыграть роль фильтра, чтобы нерастворенные кристаллики не попали в шприц и не вызвали остановку сердца.

Шаги слышались уже на площадке второго этажа.

Холмс поднял наполненный шприц, щелкнул по нему пальцем, выдавил немного раствора, чтобы не осталось пузырьков воздуха, и ввел содержимое себе в вену.

Судя по звуку шагов, бандитов было всего четверо, не пятеро. Они старались не шуметь, но все же ступали не особенно тихо, видимо не слишком заботясь, что беззащитный «мистер Баскерс» их услышит. В конце концов, что он им сделает?

Холмсу требовалось время, чтобы героин подействовал. Он снял с руки трубку, разобрал шприц, спрятал крышечку, склянку и бесценную зажигалку Вельсбаха в соответствующие карманы.

Эффект героина не заставил себя ждать.

Тепло разлилось по сердцу, груди, по рукам и ногам и, наконец, по мозгу, заглушая боль – особенно боль от нерешенного вопроса о реальности или нереальности собственного бытия, – а следом пришло чувство, будто его выносит на гребень беззвучной волны.

Шаги остановились перед дверью комнаты. Бандиты перешептывались, но Холмс не обращал на это никакого внимания.

Быстро взмывая на гребне волны, он теперь лучше видел и ощущал свою жизнь. Холмс мог различить лакуны, эллипсисы, зияющие провалы между так называемыми приключениями прославленного сыщика-консультанта, сохраненными для потомства торопливым пером доктора Ватсона. Эти дни, недели, а порой и месяцы были лишь грубыми набросками, в которых лица не прорисованы, фон не намечен, время не заполнено. Холмс помнил, как водил смычком по дорогой скрипке. Как вкалывал себе кокаин. Как подолгу спал днем и забавлялся, словно мальчишка, глупыми химическими опытами – что-то булькало, что-то горело. Как призрачная миссис Хадсон приносила в их общую комнату подносы с едой, а потом забирала пустую посуду. Несколько раз хозяйка – лицом и голосом неотличимая от «миссис Хадсон», какой ее знал Холмс, – необъяснимым образом упоминалась в хрониках Ватсона как «миссис Тернер». И все это было как в тумане, лишнее основательности и простого вкуса реальности.

Покоробленная дверь открылась. Вошли Финны, на цыпочках, как герой рисованных историй про Эли Слопера (их тайком покупал и читал доктор Ватсон). Холмс словно ничего не заметил: у него не осталось времени, как не осталось и выбора. Он должен был увидеть то, что откроет ему наркотик, прежде чем перенести внимание на будущих убийц.

Сознание Холмса расширилось так, что он уперся в железные горизонтальные прутья своей клетки. Прутья эти были не сплошные: металлические стержни разной длины парили в сером воздухе – нет, не в воздухе, в каком-то студенистом эфире перед ним, – однако нигде между ними не было такого зазора, куда можно просунуть голову или вдвинуть плечо. Холмс осознал, что эти горизонтальные элементы его клетки – отдельные исполинские слова, как бы литерные колодки, вдавленные в желейную массу. Однако – если смотреть с его стороны – все слова и целые предложения были написаны задом наперед. Холмс ухватился за два больших слова (холодная сталь обожгла руки) и уставился сквозь клетку с выражением безумца или человека на необитаемом острове, глядящего, как первый за долгие годы корабль неумолимо исчезает за горизонтом.

Холмс смотрит на вас. Он видит смутные очертания комнаты и того, что за вами. Всматривается изо всех сил, пытаясь различить ваше лицо.

– Отрубился, – сказал один из Финнов.

– В отключке. Ничего не сообщает, – добавил второй.

– Заткнитесь! – рявкнул Мертрих.

Все четверо уже вошли в комнату. Финны и Мертрих осторожно пробирались по правому для них, левому для Холмса карнизу. Кулпеппер остался в дверном проеме. Подтяжки и ремень, вспомнилось Холмсу сквозь лучистое тепло и дивный, бесстрашный ужас героина. Если в следующие две минуты Кулпеппер проявит настоящую осторожность, мистер Шерлок Холмс из Лондона станет покойником.

Он убрал сафьяновый несессер и теперь стоял на коленях, словно молясь падающим дождевым струям. Где-то над дырой в потолке солнце проглянуло из-за туч, и капли засияли расплавленным золотом. Палка Холмса стояла у стены у него за спиной справа. Тянуться за ней сейчас было бы слишком долго и неудобно. Три приближающихся бандита это видели. Взгляд сыщика еще ни на чем не сфокусировался, но он смутно отметил, что Мертрих вытащил из чехла нож. Кулпеппер достал из-за пояса револьвер. Финны подняли свои палеолитические дубинки.

Тут Кулпеппер шагнул вперед и закрыл за собой дверь. Скорее всего, сработала застарелая привычка – убивать своих жертв в укромном, замкнутом пространстве. Холмс инстинктивно надеялся на эту привычку, но не был уверен. Не был уверен. Сейчас он сделал вид, будто не обратил внимания.

Теперь все четверо осторожно двигались по периметру огромной дыры, стараясь держаться как можно ближе к западной стене. Финны то и дело косились вниз, и в их маленьких первобытных глазах читалось что-то вроде страха.

Одного из бандитов надо было оставить в живых, чтобы тот сообщил обо всем мистеру Дж. и главарям. Холмс решил, что это будет кто-нибудь из Финнов.

– Не наваливайтесь на него все разом, – прошептал Кулпеппер. Он следовал за остальными на расстоянии в несколько шагов, затем остановился на западном краю дыры и стал глядеть, как они продвигаются вперед. – Если сгрудитесь, пол может не выдержать. Слякоти нужны нам целыми.

Трое бандитов не ответили, но растянулись в более длинную цепочку. Финны взяли на изготовку короткие, утыканные гвоздями дубинки. Мертрих держал нож и двигался пригнувшись, как опытный боец. Кулпеппер, с револьвером в опущенной руке, выглядел бывалым дуэлянтом, заранее уверенным в очередной легкой победе. Курок «бомон-адамса» был взведен.

Холмс еще не повернул голову, чтобы взглянуть на приближающихся громил. Его глаза были пусты, на сгибе локтя оголенной левой руки выступила капелька крови.

Финны рванули вперед, Мертрих изготовился у них за спинами.

Холмс – он был настолько спокоен внутри своего кокона, что наблюдал за происходящим с полной отрешенностью, – круто развернулся от нападающих, словно намеревался метнуться в восточный угол, где кратер вплотную подходил к стене. Однако вращение не остановилось на половине – Холмс совершил почти полный оборот и вскочил, сжимая в руке палку.

Финны испустили первобытный вопль и вскинули дубинки.

Автоматизм, выработанный десятилетиями упражнений, вылился в двухсекундную серию ударов. Первыми двумя, горизонтальными, Холмс сломал правую руку сперва одному Финну, затем другому. Двумя следующими, вертикальными – концом трости в нижнюю челюсть, – он заставил обоих осесть на колени. Два последних удара были направлены

сверху вниз: первым, мощным, Холмс раскроил череп более рослому Финну, вторым, послабее, лишь частично оглушил его менее крупного брата.

Мертрих неосторожно засмотрелся на мелькания трости и брызги крови, однако теперь он пригнулся еще ниже и, поводя смертоносным острием вправо и влево, прыгнул вперед. Один Финн неподвижно лежал ничком, из уха у него хлестала кровь, другой, упав на спину, корчился от боли, обхватив руками кровоточащую голову. Мертриху пришлось через них перескочить.

Холмс попятился – не потому, что испугался ножа или хотел иметь простор для размаха, а потому, что посылал Кулпепперу мысленный сигнал присоединиться к схватке. *Подойди ближе.* Фат и впрямь сделал два шага вперед и даже поднял револьвер, но дальше не двинулся, ожидая, что Мертрих покончит с «Баскерсом» за него.

– Героин! – крикнул он своему вонючему сообщнику. – Не разбей склянки!

Нож Боуи так и мелькал в воздухе. Холмс мог бы за четверть секунды отбить его палкой на другой конец комнаты, пока Мертрих перебрасывал тесак из руки в руку – бандит, очевидно, мог с равным успехом вспороть противнику живот и правой и левой, – однако Холмсу требовалось, чтобы нож воткнулся в пол здесь, а не рухнул в водопад золотистых капель и не вонзился в дальнюю стену или дверь. Сыщик рискнул выждать, когда Мертрих сделает стремительно-грациозный балетный выпад. Лишь в Испании и один раз в Калькутте Холмс видел столь артистичное обращение с ножом. Именно таким отточенным движением умелый боец рассекает противника от грудины до паха; внутренности вываливаются, и жертва успевает услышать звук, с которым они шмякаются на землю. Тесак как раз позволял осуществить такое харакири, однако его вес, как и рассчитывал Холмс, на долю мгновения замедлил удар.

Сыщик выгнулся, балансируя на пятках, и в тот миг, когда острое отсекало ему жилетную пуговицу, обрушил палку на правую руку Мертриха – нож выпал и вонзился в пол там, где требовалось Холмсу, а палка, не замедляясь в плавном дуговом замахе, саданула бандита по скуле.

Тот, оглушенный, качнулся и начал заваливаться в пролом.

Холмс левой – которой героин придал чуть ли не бесконечную силу – ухватил его за грудки и, держа палку между собой и полубесчувственным громилой, притянул того к себе, словно хочет поцеловать, затем пригнулся головой к его груди, став ниже ростом, и пошел вперед вдоль края пропасти.

Четыре револьверных хлопка достигли его ушей как будто через часы после того, как первая пуля разворотила Мертриху затылок, вторая пробила позвоночник, третья раздробила левое плечо, а четвертая прошила тело насквозь и просвистела у Холмса под правой рукой.

Револьвер был пятизарядный, но Холмс уже вскинул труп и толкнул им Кулпеппера, так что пятая пуля отколола кусок мокрой штукатурки от прогнившего потолка. Холмс бросил убитого громилу на пол, неспешным ударом палки выбил из рук Кулпеппера пустой револьвер и потащил ошеломленного щеголя туда, где вкалывал себе героин. Сыщик и его жертва выпясывали на трех лежащих телах причудливый танец, но Холмсу нужно было, чтобы Кулпеппер смог дотянуться до воткнутого в пол ножа.

Он развернул щеголеватого бандита и наклонил к дыре. Теперь от падения того удерживала лишь левая рука Холмса, крепко сжимавшая его воротник. Кулпеппер шатался и скулил. В воздухе вдруг резко запахло мочой.

Холмс отбросил палку и вытащил из нагрудного кармана рубашки три фотографии. По-прежнему держа Кулпеппера наклоненным, он сунул тому под нос первую карточку. На ней был запечатлен пожилой, грузный, черноглазый усач.

– Ты знаешь этого человека? – спросил Холмс. – Видел его когда-нибудь?

– Нет! – Баритон Кулпеппера перешел в сопрано.

– Подумай хорошенько, – сказал Холмс. – Не знаю, кому из «Громил с Юго-Запада» ты непосредственно подчиняешься – Диллону, Мейеру или Шелтону, – но это должно было происходить в их штаб-квартире. А может, этот человек обедал с твоим боссом.

– Я никогда его не видел! – взвизгнул убийца.

Всякий раз, как он пытался отвести руку назад и ухватиться за Холмса, сыщик еще сильнее наклонял его вперед. Наконец Кулпеппер прекратил борьбу и теперь лишь всплескивал пухлыми руками, словно голубь – перебитыми крыльями.

Холмс убрал фотографию в карман и вытащил другую – очень молодого человека. Тонкие губы, длинный прямой нос, волосы зачесаны назад, глаза змеиные. Лицо внушало Холмсу ужас даже в нынешнем отрешенно-наркотическом состоянии.

Кулпеппер медлил с ответом, и это сказало Холмсу все, что тот хотел знать.

– Говори! – потребовал он, наклоня толстяка на несколько дюймов вперед.

Левая рука у сыщика устала, и он лишь чудом не уронил Кулпеппера в провал. Холмс не должен был этого допустить, но и руку перехватить не мог.

– Говори! – снова рявкнул он.

– Кажется, я видел его... может быть... один раз. Бога ради! Умоляю!

Холмс притянул его на несколько дюймов к себе.

– Года два назад, – бормотал Кулпеппер. – Может, три. В конторе Шелтона на Пенсильвания-авеню.

– Как его зовут?

– Я видел его только раз... издали, – простонал Кулпеппер. – Богом клянусь! Знал бы что-нибудь, сказал бы. Богом клянусь! Умоляю! Не надо! Умоляю! Я исправлюсь! Христом Богом клянусь!

– А этого? – спросил Холмс, показывая третью фотографию.

Человек, запечатленный на ней, был старше двух остальных. Лицо его, мертвенно-бледное, отличалось крайней худобой. Однако впалые щеки и заострившиеся черты не вызывали у зрителя жалости: то было лицо хищника, не жертвы. Первым делом обращал на себя внимание высокий и выпуклый залысый лоб, белеющий над глубоко посаженными глазами, увеличенными стеклами старомодного пенсне. Этот непомерно большой лоб, а также старомодный воротник, галстук-ленточка, фрак и пенсне создавали образ интеллектуала, но ему противоречил острый волевой подбородок, к которому сходились глубокие сердитые морщины от резко очерченных скул и горбатого носа. Несомненное сходство со стервятником еще усиливали плечи, нахохленные, как черные перья, по обеим сторонам узкого, неестественно белого лица.

– Никогда его не видел! – выдохнул Кулпеппер. – Я падаю! Падаю! Господи!

– Быть может, ты слышал его имя, – сказал Холмс, чувствуя, что левая рука слабеет. – Мориарти. Профессор Джеймс Мориарти.

– Нет! Никогда! – крикнул Кулпеппер.

Холмс по глазам видел, что тот лжет.

Отлично.

Сыщик покосился на уцелевшего Финна. Тот все так же сидел, привалившись к стене и обхватив руками разбитую голову. Он уже не стонал и явно все слышал и видел. Однако воли к борьбе в нем не осталось. Кровь текла между пальцев, по запястьям, в рукава.

Холмс убрал фотографии и оттащил Кулпеппера от края дыры, не рассчитывая узнать что-нибудь еще. Что он выяснил? Что Лукан то ли был, то ли не был в Вашингтоне два или три года назад. Что Кулпеппер определенно *слышал* о профессоре Мориарти, но почти наверняка его не видел.

Сыщик разжал левую руку и глянул на пол. Вокруг головы убитого Финна натекла лужа крови. Поперек его ног лежал труп Мертриха, развороченный пулей затылок уже не

походил на человеческий. Уцелевший Финн сумел отползти чуть дальше от убитых. Его глаза, смотрящие на Холмса между окровавленными пальцами, округлились от ужаса.

И все это – чтобы узнать, что Лукан то ли встречался, то ли не встречался с вашингтонскими громилами два или три года назад? И что эта преступная организация лишь слышала о Мориарти? Угасание первоначальной героиновой свободы обратило накотившую на Холмса внезапную грусть во что-то более похожее на горе.

Можно было обойтись без этого спектакля, а просто оглушить и похитить мистера Дж. Из всех пятерых лишь тот мог и впрямь знать, имела ли банда дела с Луканом.

Холмс вздохнул и повернулся к Кулпепперу спиной, будто собираясь поднять трость.

Нож Боуи торчал рукоятью вверх всего в нескольких дюймах от правого ботинка Кулпеппера. Толстяк с сопением вырвал его из досок и подался вперед, чтобы нанести удар.

Холмс отклонился назад, едва не задев затылком сырую стену, уперся правым локтем в пол и со всей силы распрямил левую ногу с прямой стопой. В детстве его учили таким толчком вышибать запертую на засов дверь.

Кулпеппер подлетел вверх и кувыркнулся через спину, так что его подметки на миг зависли в воздухе двумя восклицательными знаками. Затем раздался вопль, и Кулпеппер рухнул в провал, словно увлекаемый струями дождя, которые уже не отливали расплавленным золотом.

Холмс задержался в комнате ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы подобрать с пола «бомон-адамс». Револьвер был старый, но не лишенный привлекательности. Сыщик вытер его платком, разобрал и бросил части в широкий провал.

Живой, истекающий кровью Финн попытался вжаться в стену, когда Холмс, помахивая тяжелой тростью, прошел мимо него. Оставалось надеяться, что удар не отшиб головорезу последние мозги и тот расскажет мистеру Дж. и другим главарям обо всем, чему стал свидетелем.

Холмс не раз говорил Ватсону, что, уйдя на покой, напишет фундаментальный труд – «Полное искусство расследования преступлений». Однако на самом деле ему следовало бы написать книгу «Как безнаказанно совершить убийство». Правило № 8 в ней гласило бы: «Никогда и ничего не забирай у жертвы. Ничего».

Он закрыл дверь в комнату, где уцелевший Финн по-прежнему трясся от страха, что Холмс вновь обойдет радужный водопад и довершит начатое, и осторожно спустился по лестнице, которая в этот дождливый мартовский день успешно выдержала испытание. В большой комнате сразу за вестибюлем Холмс ненадолго остановился. Поверх первого багрового пятна появилось второе. Кулпеппер каким-то образом сумел упасть точно на голову. Его шляпе это на пользу не пошло, а между ягодицами торчал острый край позвоночника, белый в кровавых потеках.

Холмс перекатил тело – аккуратно, чтобы не запачкать свою одежду американского рабочего, – и забрал сто пятьдесят долларов, зная, что они пригодятся ему в ближайшие недели.

Была суббота, 25 марта. Холмс предполагал, что Генри Джеймс скоро опомнится и уедет назад в Англию или во Францию, однако ему самому предстояло остаться в Америке по крайней мере до официальных торжеств, намеченных на первое мая. В тот день президент Кливленд нажмет кнопку, фонтаны взметнутся ввысь, боевые корабли начнут салют, а оркестр грянет «Аллилуйя» Генделя. Холмсу придется пробыть в Америке это невыносимое время, если следствия его поступков – включая сегодняшнюю встречу – или телеграмма старшего брата не освободят сыщика от тягостных обязательств.

«Как такой развязки не жаждаешь?»⁸ – подумал он, вспоминая вечер 1874 года, когда двадцатилетний Шерлок Холмс, молодой и честлюбивый актер, звавшийся тогда совсем другим именем, вышел на сцену вместо внезапно заболевшего директора труппы, всеобщего любимца Генри Ирвинга, чью роль заранее выучил именно на такой случай. Один умопомрачительный вечер он был не Розенкранцем, не верным Горацио («да, милорд», «нет, милорд» на протяжении двух с половиной часов спектакля), а Гамлетом. Зал аплодировал стоя. «Таймс» опубликовала восторженные отзывы. Ирвинг выгнал Холмса из труппы на следующее же утро.

Холмс вышел из пахнущей плесенью и кровью старой гостиницы и зашагал по Кейсильейн в сторону Фогги-Боттом.

Портфель и одежда лежали там, где он их и оставил, – в чулане заброшенного дома. Холмс тщательно сложил наряд американского рабочего и надел плотный твидовый костюм норвежского джентльмена. Меньше чем за минуту он закрепил черный футляр и серебряный набалдашник на палке, которую по пути отмыл от крови.

Холмс глянул на свое отражение в стекле. Руки он вымыл еще раньше, но сейчас обнаружил у себя на левой скуле три крошечных пятнышка, похожие на багровые снежинки. Сыщик смочил носовой платок в луже у разбитого окна и стер их, а платок – простой, без монограммы – выбросил.

Выйдя на улицу с уверенным видом владельца, навещавшего дом, Холмс двинулся через Фогги-Боттом к очаровательным особнякам в федеральном стиле и резиденции президента. Теперь он шагал размашистой походкой прославленного исследователя. Его модная трость стучала по ровной кирпичной мостовой.

* * *

До пяти часов было вдоволь времени, чтобы принять ванну и переодеться.

Когда все собрались в малой гостиной, Холмс обратил внимание, что лицо у Генри Джеймса насупленное, будто тот весь день провел в мрачных раздумьях. Очевидно, он пока не рассказал хозяевам, кто на самом деле их гость; и Джон, и Клара Хэй радушно встретили «Сигерсона», а их застольная беседа была веселой и непринужденной.

– Как вам показался наш тихий город после приключений в Азии? – спросила Клара Хэй.

– В нем есть свой неповторимый шарм, – ответил «Ян Сигерсон» с чуть заметным норвежским акцентом.

Через несколько часов сели ужинать. Подали ростбиф – возможно, повар приготовил его ради Генри Джеймса, который теперь считался скорее англичанином, чем американцем.

Холмс брал ломтики из середины – самые непрожаренные.

⁸ «Гамлет». Перевод М. Лозинского.

Глава 13

Суббота и воскресенье прошли для Генри Джеймса в сплошных терзаниях.

За долгую бессонную ночь его меланхолия заметно усилилась, а вместе с тоской пришла и неожиданная ясность мыслей. Еще до того, как в окне забрезжил серый рассвет, Джеймс решил, едва Холмс утром в субботу выйдет из дома Хэев, поговорить с Джоном и полностью сознаться в своем грехе (а он и впрямь считал, что совершил тяжкий грех против дружбы, введя в круг дорогих ему людей замаскированного чужака). Джеймс был уверен, что Хэй, Генри Адамс и Кларенс Кинг не простят ему эту непорядочность, так что приготовился сразу же незаметно ретироваться – сесть на дневной поезд до Нью-Йорка и там купить билет в Англию. Он понимал, что прочие близкие друзья Хэев и Адамсов – включая его старинного приятеля Уильяма Дина Хоуэллса – будут в равной мере возмущены. Он примет их осуждение и гнев; в противном случае оставалось лишь продолжать гнусную шараду, а Джеймс чувствовал, что это свыше его сил.

Он намеревался поговорить с Джоном Хэем после завтрака, но того вызвали по делам. «Ян Сигерсон» ушел прогуляться по городу, и Генри Джеймс провел все утро и большую часть дня в обществе хозяйки. Она всегда была очень к нему добра, но Джеймс не мог собраться с духом и раскрыть Кларе Хэй правду.

Так что они болтали про общих друзей, про погоду в Англии и на континенте в это время года, сравнивая ее с ранней весной в Вашингтоне, о знакомых скульпторах и художниках, в том числе о Даниэле Честере Френче, Огастесе Сент-Годенсе и Джоне Сингере Сардженте, потом снова о писателях. После того как закончился ленч и слуги унесли посуду, обсудили Тургенева и очерки мистера Эмерсона (которые Джеймс ставил не слишком высоко), потом Клара Хэй рассмеялась и сказала:

– Вы, конечно, видели библиотеку Джона, но вам стоило бы взглянуть на мой шкаф постыдных радостей, Гарри.

Джеймс поднял бровь:

– Постыдных радостей?

– Да. Книг, которые очень мне нравятся и про которые Джон, Генри Адамс и Хоуэллс говорят, что я не должна до такого опускаться. А я от них в восторге! Быть может, вы будете ко мне не столь суровы. Идемте.

Она провела его по широкой лестнице и направо по коридору в сторону хозяйских спален. На какой-то ужасный миг Джеймс испугался, что эта женщина, с которой они в доме совершенно одни (если не считать шести или восьми слуг), пригласит его в свой будуар, но Клара Хэй остановилась раньше – перед шкафом красного дерева шириной не меньше двенадцати футов.

– Книги в желтых обложках! – воскликнул Джеймс.

– Да. Ничего не могу с собой поделать – покупаю их на вокзалах, когда езжу по Англии. – Клара Хэй прижала ладони к вспыхнувшим щекам. – Вы когда-нибудь поддавались такому искушению, Гарри?

Джеймс улыбнулся, надеясь, что это сойдет за выражение дружеской снисходительности.

– Конечно, дорогая моя. Книги в желтых обложках созданы, чтобы скрасить дорожную скуку. Я вижу у вас среди других бульварных романов «Лунный камень» и «Женщину в белом» Коллинза.

Все так же краснея, Клара ответила:

– О да. Как я люблю Уилки Коллинза! И как я четыре года назад горевала о его смерти! Серьезные книги я тоже читаю, правда.

– Если меня не подводит память, вы первая из «Пятерки сердец» открыли мои сочинения, – сказал Джеймс.

Он снял с полки несколько второсортных «авантюрных романов» в духе Г. Райдера Хаггарда и прочел названия, прежде чем поставить их на место.

Собственно «желтые обложки» – британские романы, в которых речь неизменно шла о двоеженстве, внебрачных детях, убийствах, шантаже и тому подобном, – на самом деле занимали лишь малую часть полок, но все книги здесь были того же бульварного пошиба.

– Что это? – спросил Джеймс, вытаскивая новенький хрустящий томик в светло-коричневом переплете.

На корешке значилось: «Приключения Шерлока Холмса», а ниже, в рамке: «Библиотека журнала „Стрэнд“».

– Я пристрастилась к рассказам мистера Конан Дойла два года назад, когда мы с Джоном три месяца жили в Лондоне, – сказала Клара. – Однако здесь «Стрэнд» не продают, и я как услышала в прошлом месяце, что вышел сборник из двенадцати рассказов, тут же его купила.

– В прошлом месяце, говорите? – произнес Джеймс, листая страницы. Книга была иллюстрированной. – Так сборник вышел в феврале?

– Да.

– Можно я возьму его почитать, Клара? – спросил Генри Джеймс, захлопывая книгу. – У меня разыгралась подагра, и я не отказался бы от легкого чтения, чтобы немного отвлечься.

– Конечно! – воскликнула Клара Хэй и вновь залилась румянцем. – Только не говорите Джону, *какую* книгу я всучила прославленному писателю. Он меня не простит.

Они стояли в коридоре перед шкафом и улыбались друг другу, как два заговорщика.

* * *

Под предлогом разыгравшейся подагры (невыдуманной – боль в левой ноге и впрямь была сегодня ужасная) Джеймс провел остаток дня у себя в комнате. Горничная растопила камин, и писатель сел поближе к огню, положив больную ногу на обитый мягкой подушкой табурет. По стеклу застучал легкий весенний дождик.

Эдмунд Госс и другие молодые друзья, рекомендовавшие Джеймсу авантюрные сочинения Генри Райдера Хаггарда и якобы подлинные истории о Шерлоке Холмсе в «Стрэнде» и «Рождественском ежегоднике Битона», не особо расписывали подробности. Они упоминали лишь, что считают Дойла литературным агентом и редактором доктора Джона Х. Ватсона и что упомянутый доктор Ватсон повествует об истинных приключениях лондонского сыщика, ведущего затворническую, но крайне деятельную жизнь.

Джеймс ровно один раз попытался прочесть роман Г. Райдера Хаггарда, но, дойдя до сцены, где белый охотник выстрелом в голову убивает носильщика-туземца, чтобы избавить того от пыток, с возмущением отбросил книгу (как и всякую мысль о дальнейшем чтении Хаггарда). Джеймсу хватало тягостных зрелищ на улицах Лондона, а расписанные с любовной тщательностью картины пробитых черепов и разлетающихся по воздуху мозгов не совмещались с его представлениями о достойной и порядочной жизни.

В рассказы о Холмсе он даже не полюбопытствовал заглянуть.

Вернувшись мыслями к благотворительному чайному приему, устроенному миссис О'Коннор и леди Вулзли четыре года назад, – тому, на котором впервые познакомился с Шерлоком Холмсом, – Джеймс вспомнил, что в списке приглашенных был и А. Конан Дойл. Его (как и нескольких популярных, но не слишком уважаемых авторов) позвали для привлечения публики. Впрочем, если Джеймс не запаматовал, их с Конан Дойлом друг другу не представили. Не было среди гостей и доктора Джона Х. Ватсона.

Поводнее устроив распухшую ногу, Джеймс кивнул лакею, принесшему чай с лимоном, и принялся за двенадцать «Приключений Шерлока Холмса».

* * *

Он сразу узнал своего спутника в описании доктора Ватсона (или, возможно, Конан Дойла): худощавая фигура, высокий бледный лоб, впалые щеки, орлиный нос, выразительные брови и очень внимательные серые глаза, – хотя иллюстратор «Стрэнда», некий Сидни Пэджет, сильно облагородил реального Шерлока Холмса, сделав его более привлекательным и более похожим на джентльмена. Впрочем, Джеймс понимал, что еще не видел настоящего Шерлока Холмса, одетого самим собой и действующего в присущей ему манере.

Если настоящий Шерлок Холмс и впрямь существовал.

Первый рассказ назывался «Скандал в Богемии». Джеймс был потрясен, встретив на страницах «короля Богемии» – которого Холмс за поздним ужином в «Кафе де ля Пэ» всего двенадцать дней назад прямо назвал принцем Уэльским. Джеймс нашел качество прозы менее чем сносным, сюжет – нелепым, а ухищрения Холмса добыть для принца Уэльского «компрометирующую фотографию» – надуманными, неуклюжими и в конечном счете безуспешными. Какая-то авантюристка переигрывала его в каждом ходе. Если рассказанное правда, то почему Холмс – очевидно, живущий на деньги от частных клиентов – позволил доктору Ватсону и Конан Дойлу опубликовать подробности такого сокрушительного провала?

Еще больше Генри Джеймса заинтересовало чувство – сквозящее между строк или в отдельных язвительных замечаниях, – что Холмс (или, по крайней мере, персонаж, выведенный под его именем в этой странной истории) питает к «королю Богемии», то есть на самом деле к принцу Уэльскому, что-то вроде холодного презрения. Под конец Холмс вроде бы даже рад, что проиграл и что «Ирэн Адлер» сохранила компрометирующую фотографию. (Джеймс также отметил про себя, что Ватсон – или Конан Дойл – назвал авантюристку «покойной Ирэн Адлер»).

«Союз рыжих» оказался позанятнее, однако Джеймс нашел «поразительные умозаключения» Холмса просто глупыми. Автор, кто бы он ни был, даже не пытался показать мысли или мотивы героев. Ватсон неизменно преклонялся перед своим соседом по дому на Бейкер-стрит, хотя тот на каждом шагу совершал идиотские поступки.

Текст изобилует ошибками. Рыжеволосый персонаж по фамилии Уилсон приступил к работе – она состояла в том, чтобы по четыре часа в день переписывать страницы из Британской энциклопедии, – 29 апреля 1890 года. Восемь недель спустя, получив за труды тридцать два фунта, Уилсон собирался, как обычно, войти в пустую комнату, где стояли лишь стол и стул для переписчика, но увидел приколотое к двери объявление:

СОЮЗ РЫЖИХ
РАСПУЩЕН
9 октября 1890 года

Однако – Джеймс проделал все выкладки в уме – если прошло восемь недель и Уилсон получил тридцать два фунта, то в рассказе должно было наступить двадцать третье июня, не девятое октября. А будь это девятое октября, Уилсон заработал бы на пятьдесят восемь фунтов, десять шиллингов и два пенса больше.

К тому времени, как Союз рыжих был распущен, а «Уилсон» потерял свою глупую работу, он, согласно автору, уже приближался к букве «Б» в Британской энциклопедии. В коридоре у Хэя стояло свежее (девятое) издание 1889 года. Генри Джеймс позвонил в колокольчик и велел вошедшему слуге принести первый том. Подсчитав слова на типичной стра-

нице, он уселся за маленький письменный стол, взял лист бумаги с карандашом и вычислил, что «Джабез Уилсон» переписал за восемь недель примерно 6 419 616 слов, и это – работая всего по четыре часа в день! Разделив на бумажке в столбик, Джеймс вывел среднее. Получилось 33 435 слов в час, или чуть более 557 в минуту. Поразительно!

Нелепица! Автор – Ватсон или Конан Дойл – просто не удосужился сосчитать.

На следующей странице небрежный автор отправляет Холмса, Ватсона, констебля и еще нескольких персонажей «колесить по бесконечной путанице освещенных газом улиц»,⁹ хотя от цели их отделяло лишь несколько минут пешего хода.

В другом месте того же рассказа Джеймс невольно расхохотался. Холмс объявил, что стоящая перед ним загадка – «задача как раз на три трубки», устроился с ногами в кресле и, взяв ту самую черную глиняную трубку, которую Джеймс видел у него в путешествии, якобы выкурил три порции табака за пятьдесят минут. Джеймс знал, что одна порция такого крепкого дешевого табака в час наверняка вызовет сильнейшее раздражение слизистых оболочек рта и носа; три могут стоять курильщику жизни.

В «Тайне Боскомской долины» Холмс-персонаж вел себя по отношению к Ватсону (человеку старше и опытнее себя) так же развязно-покровительственно, как в первом рассказе, и так же на каждом шагу демонстрировал, что не имеет никаких оснований заноситься. При первом известии об убийстве в мифической «Боскомской долине» неподалеку от вполне реального города Росс в Херефордшире¹⁰ Холмс телеграммой вызвал Ватсона к поезду, чтобы немедленно ехать на место трагедии. Однако, прибыв в Росс, Холмс, всегда говоривший, как важно осмотреть сцену убийства «до того, как пойдет дождь и смоет все улики», не спешит к омуту, где человека лишили жизни, размозжив ему голову тяжелым предметом. Нет, он смотрит на барометр, который показывает двадцать девять,¹¹ объявляет, что дождя не будет, и на два дня остается в гостинице.

Генри Джеймс не был метеорологом и, насколько помнил, никогда не использовал показания барометра в качестве сюжетного хода, но провел немало часов с фермерами (и в Новой Англии, и в Британии, и во Франции), а также с капитанами по пути через Атлантику и знал, что «29» не сулит хорошей погоды. Такое показание (если оно вообще возможно) означает, что ливень если не начался, то скоро начнется.

Убив понапрасну сутки, Холмс вновь говорит, что дождя не будет, поскольку на барометре по-прежнему «29», и убивает еще сутки (притом что, если верить барометру, над Англией бушует тайфун).

Затем он разгадывает загадку, сообразив, что последние слова убитого сыну (которого подозревали в преступлении) были частью названия «Балларэт» в Австралии, а значит – убийца из Балларэта. Однако Генри Джеймсу, ничего не знающему об Австралии, довольно было открыть первый том Британской энциклопедии, чтобы убедиться: там есть немало городов и областей с тем же окончанием.

Возмущение Джеймса отвратительной корректурой и крайней небрежностью автора еще увеличилось при чтении рассказа «Человек с рассеченной губой», где к Ватсону и его супруге заявляется поздно вечером взволнованная дама под черной вуалью (как выясняется вскоре, некая Кэт Уитни), и жена доктора говорит ей: «Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?»¹²

⁹ Здесь и далее цитаты из «Союза рыжих» приведены в переводе М. и Н. Чуковских.

¹⁰ В русском переводе М. Бессараб, цитаты из которого приведены далее, – в Хирфордшире.

¹¹ Дюймов, то есть 736 мм ртутного столба.

¹² Перевод М. и Н. Чуковских.

«Джеймса?!» – с растущим возмущением подумал Генри Джеймс. Упомянутый джентльмен, если только миссис Ватсон не прятала под столом любовника, должен быть ее мужем *Джоном* Ватсоном.

Неужто автор вообще никогда не держит корректуру?

В том же рассказе Холмс разоблачает «грязного арестанта», слегка проведя по его лицу большой влажной губкой, которую предусмотрительно захватил в тюрьму. Таким образом он – согласно автору – снимает несколько слоев актерского грима. Генри Джеймс, который все прошлые полтора года разъезжал по Англии с труппой, поставившей его первую пьесу «Американцы», из собственных простых наблюдений знал, что «мокрая губка» Холмса лишь немного смазала бы и подпортила театральную косметику. Все актеры и актрисы, которые на глазах Джеймса снимали грим, предварительно наносили на лицо толстый слой кольдкрема.

И так рассказ за рассказом, одна глупость за другой.

Он отложил книгу, лишь когда лакей пришел сообщить, что все собрались в гостиной – выпить чаю или аперитива перед обедом. Спускаясь по лестнице, Джеймс непритворно хромотал и на участливые вопросы Джона Хэя смог вполне правдиво ответить, что подагра – о которой он писал Хэю в декабре – и впрямь разыгралась.

Обед проходил в таком тесном кругу, что мог с полным правом называться семейным, тем не менее подали ростбиф, которого Джеймсу сегодня вечером совсем не хотелось. Джон Хэй был весел и радушен, Клара – очень мила и старалась всех вовлечь в беседу, «Ян Сигерсон» рассказывал, как понравился ему белый сияющий Капитолий и другие чудеса, включая громаду Госдепартамента, где столько лет работал Хэй (Джеймс находил ее похожей на свадебный торт и донельзя безобразной в своей гипертрофированной барочности), а Джеймс только кивал или одобрительно улыбался. Остальные, вероятно, списали его неразговорчивость на подагру; впрочем, для писателя такое застольное поведение было более или менее характерно.

На самом деле Джеймс внимательно наблюдал за Холмсом – Сигерсоном. Да, именно он, Джеймс, узнал Холмса в почти полной тьме на берегу Сены, ибо актерская замазка, наклеенные усы и грим (который отнюдь не снялся бы мокрой губкой) оказались бессильны изменить это худое лицо и орлиный профиль. Однако у Джеймса появились новые соображения касательно Холмса и собственных планов: сразу после обеда побеседовать с Джоном Хэем наедине и – с бесконечными извинениями – разоблачить обманщика, которого сам и ввел в дом.

Нет... лучше не спешить, а дожидаться, когда настоящий исследователь и альпинист Кларенс Кинг выведет Холмса на чистую воду. А если этого не произойдет, уж норвежского-то посла нелепый маскарад не обманет. Тогда Джеймс изобразит то же возмущенное негодование, что и все остальные за столом. Да, выйдет неловкость, но по крайней мере старые друзья не отвернутся от него навсегда. Холмса с позором выставят за порог, Джеймс извинится перед Джоном и Кларой за свою непростительную наивность – как он мог поверить проходимцу! – и почти сразу уедет в Англию.

Хэй пригласил мужчин в библиотеку на бренди и сигары, однако Джеймс быстро выпил свой стакан, вновь сослался на подагру и ушел в спальню, оставив хозяина и «Сигерсона» с жаром обсуждать недавнее убийство тысяч арабов конголезскими людоедами и, возможно, несправедливое судебное решение по делу строителя каналов Лессепса, приговоренного к тюремному сроку за мошенничество.

Глава 14

Джеймс читал всю ночь. Авторских и сюжетных глупостей меньше не стало. Однако там и сям Джеймс видел черты Холмса-персонажа, напоминавшие ему человека, с которым он встретился тринадцать дней назад и обедал сегодня вечером. И он постепенно понимал, чем эти «приключения» так нравятся его образованным друзьям, скажем Эдмунду Госсу. Суть «Приключений Шерлока Холмса» была не в приключениях как таковых (они не казались Джеймсу особо увлекательными), но в дружбе между Холмсом и Ватсоном, в их совместных завтраках, в дождливых днях, когда они вместе сидели у потрескивающего камина, а миссис Хадсон приносила им еду на подносе и послания из внешнего мира. Холмс и Ватсон жили во вселенной мальчишеских приключений и, подобно Питеру Пэну (несмотря на довольно путаные упоминания Ватсона о своих женитьбах), не выросли.

«Знатный холостяк», как многие рассказы в книге, повествовал вовсе не о приключениях, а о довольно вульгарной семейной неразберихе, поданной под видом загадки. Некий высокородный «лорд Сент-Саймон» приходит в дом 221б по Бейкер-стрит спросить совета, и Холмс тут же начинает ему грубить – во-первых, обращается к нему: «Добрый день, лорд Сент-Саймон» – вместо правильного «лорд Роберт» или «лорд Роберт Сент-Саймон», во-вторых, чуть не с первых слов оскорбляет своего гостя и клиента.

Генри Джеймс еле удержался в последний миг, чтобы не отчеркнуть в Клариной книге следующий пассаж. Лорд Роберт, у которого невеста-американка сбежала от алтаря, говорит:

– ...как нельзя более мучительном для меня, мистер Холмс! Я потрясен. Разумеется, вам не раз приходилось вести дела щекотливого свойства, сэр, но вряд ли ваши клиенты принадлежали к такому классу общества, к которому принадлежу я.

– Да, вы правы, это для меня ступень вниз.

– Простите?

– Последним моим клиентом по делу такого рода был король.

– Вот как! Я не знал. Какой же это король?

– Король Скандинавии.

– Как, у него тоже пропала жена?

– Надеюсь, вы понимаете, – самым учтивым тоном произнес Холмс, – что в отношении всех моих клиентов я соблюдаю такую же тайну, какую обещаю и вам.¹³

«Какое бахвальство!» – подумал Джеймс. Джентльмен, имеющий понятие о приличиях, мог бы упомянуть подробности сходного дела, но не назвал бы другого клиента, а уж тем более монарха.

Именно такой снобизм наоборот Джеймс уже слышал у Холмса – или, по крайней мере, у человека, выдающего себя за Шерлока Холмса в том же мареве безумия, в котором тот изображал Холмса под личиной исследователя Яна Сигерсона. И этот снобизм вкупе с множеством подсказок в «приключениях» и в собственных наблюдениях Джеймса вел к одному выводу: Шерлок Холмс не джентльмен. Просто талантливый актер, много лет играющий джентльмена. Он усвоил небрежную манеру одеваться, скучающий вид, правильный выговор образованного человека, но так и не стал джентльменом в душе.

¹³ Перевод Д. Лившиц.

* * *

От последнего рассказа – прочитанного при распахнутом окне, поскольку в комнате сделалось жарко, под стук бьющихся о лампу ночных бабочек – обычно степенному Генри Джеймсу пришлось зажимать себе рот, чтобы не прыснуть со смеху. Не хватало только, чтобы слуги Хэев – а может, и другой гость – услышали, как страдающий подагрой Джеймс хохочет в глубокой ночи.

Рассказ назывался «Медные Буки» и как нельзя лучше подходил на роль завершающего, поскольку в полной мере содержал авторские небрежности, логические неувязки и холмсовские просчеты, из-за которых остальные «приключения» почти невозможно было читать. Здесь они являли собой один сплошной ком писательской расхлябанности, видимо характерной для книг легкого жанра.

Привлекательная, но чересчур развязная молодая особа (она не знакома с Холмсом и Ватсоном, но обращается к сыщику как к близкому другу), Вайолет Хантер, заявляется к ним однажды утром и просит у Великого детектива совета по делу всечеловеческой важности: соглашаться ли ей на высокооплачиваемую работу гувернантки при сыне толстого-претолстого джентльмена по имени Джеффо Рукасл.

Ее первая беседа с мистером Рукаслем была «странной», поскольку тот объявил, что они с женой «люди чудаковатые» и попросят ее носить определенное платье «или сесть там, где нам захочется. Это ведь не покажется вам обидным?».¹⁴

Мисс Хантер говорит, что «крайне удивилась». Непонятно, чему тут удивляться: вся прислуга и многие гувернантки носят одежду, которую выдают им хозяева. А мистеру Рукаслу, коль скоро тот задумал недоброе, глупо было предупреждать, что ее попросят сидеть, где им захочется: хозяин с хозяйкой и без того могут велеть гувернантке сесть там, где сочтут нужным.

Затем мистер Рукасл уведомил Вайолет Хантер, что той придется коротко остричь свои красивые густые волосы. Услышав столь возмутительное условие, мисс Хантер отказалась от предложенной работы, но в следующие дни продолжала думать о высоком жалованье и жалела, что не согласилась. Тут от мистера Рукасла пришло письмо: он настаивал на прежних требованиях – определенное платье и стрижка, – но предлагал еще более высокое жалованье, сто двадцать фунтов в год – целое состояние для гувернантки, тем более если та, как мисс Вайолет Хантер, не блещет образованием и опытом.

– Вот какое письмо я получила, мистер Холмс, и твердо решила принять предложение.

«Так какого дьявола ты, голубушка, отрываешь сыщика от дел, если уже все решила?» – тихо прошептал Генри Джеймс в теплой ночи, наполненной кружением насекомых.

Неуклюжий механизм сюжета продолжал с грохотом катить дальше, круша всякую логику. «Поздно вечером» Ватсону и Холмсу пришла телеграмма:

ПРОШУ БЫТЬ ГОСТИНИЦЕ «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» ВИНЧЕСТЕРЕ
ЗАВТРА ПОЛДЕНЬ. ПРИЕЗЖАЙТЕ! НЕ ЗНАЮ, ЧТО ДЕЛАТЬ. ХАНТЕР.

Не телеграмма, а монаршее повеление. Естественно, Холмс и Ватсон утренним поездом сломя голову понеслись в Винчестер. Дальше шел занятный отрывок, который брат Джеймса Уильям назвал бы «психологическим». Холмс, глядя на буколические домики и мирную сельскую округу, раздражается внезапной тирадой:

¹⁴ Здесь и далее цитаты из «Медных Буков» приведены в переводе Н. Емельяниковой.

– Я, когда вижу их, думаю только о том, как они уединенны и как безнаказанно здесь можно совершить преступление.

– О господи! – воскликнул я. – Кому бы в голову пришло связывать эти милые сердцу старые домики с преступлением?

– Они внушают мне страх. Я уверен, Ватсон, – и уверенность эта проистекает из опыта, – что в самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности.

– Вас прямо страшно слушать.

– И причина этому совершенно очевидна. То, чего не в состоянии совершить закон, в городе делает общественное мнение. В самой жалкой трущобе крик ребенка, которого бьют, или драка, которую затеял пьяница, тотчас же вызовет участие или гнев соседей, и правосудие близко, так что единое слово жалобы приводит его механизм в движение. Значит, от преступления до скамьи подсудимых – всего один шаг. А теперь взгляните на эти уединенные дома – каждый из них отстоит от соседнего на добрую милю, они населены в большинстве своем невежественными бедняками, которые мало что смыслят в законодательстве. Представьте, какие дьявольски жестокие помыслы и безнравственность тайком процветают здесь из года в год.

Генри Джеймс немало прожил в Англии и знал, что это полнейшая чушь. Да, и в буколической деревушке возможны злодеяния и домашнее насилие, однако то, что перечислил Холмс, в лондонских трущобах не пресекается и не влечет за собой немедленной и неотвратимой кары. Более того, незаконная жестокость любимого Джеймсом города была прекрасно известна всем тамошним обитателям.

Глупая тирада литературного Шерлока Холмса поразила Генри Джеймса по двум причинам.

Во-первых, противопоставление города и деревни в пользу города было совершенно неанглийским. Французским, быть может, или русским, но никак не английским.

Во-вторых, Джеймс почти слышал твердый голос брата Уильяма: «Это в некотором роде признание, рассказ о собственном прошлом, Гарри. Психологическая мольба о помощи и понимании. Что-то очень тяжелое и болезненное произошло с ним в сельской местности очень давно – в сельской местности, к которой он не привык, будучи, возможно, уроженцем городских трущоб, – и теперь он ненавидит самую идею буколической тишины и промежуток мирной темноты между деревенскими домиками. Было бы крайне занятно исследовать глубинную причину его страхов».

* * *

Генри Джеймс иногда выступал с лекциями о великих писателях, но, случись ему делать доклад на симпозиуме о литературной нелепости, он взял бы за основу оставшуюся часть «Медных Буков».

Мисс Хантер – коротко остриженная, что мучительно напомнило Джеймсу его покойную кузину Минни Темпл, тогда еще почти девочку, в наряде Гамлета после тяжелой болезни, из-за которой ей безжалостно обкорнали волосы, – встречается с Ватсоном и Холмсом в гостинице «Черный лебедь» (очевидно, она может, когда ей заблагорассудится, отлучиться от своего питомца, единственного ребенка Рукаслов – Эдварда, о котором говорится лишь, что «у него несоразмерно большая голова» и что он «злое маленькое существо»).

И впрямь, помимо этого описания внешности и характера, о мальчике в рассказе почти не сказано. Ни разу не упомянуто, что мисс Хантер с ним занимается, не показано их общение. Рукаслы сообщили Вайолет Хантер, что их дочь – которая была очень на нее похожа – умерла от «воспаления мозга» (отсюда и коротко остриженные волосы), и теперь Хантер сообщает участливым Холмсу и Ватсону, что ее заставляют сидеть в эркере (спиной к окну, разумеется) в платье умершей дочери и хохотать над забавными историями, которые рассказывает мистер Рукасл. Хантер спрятала в носовой платок ручное зеркальце и, направив его на окно у себя за спиной, увидела перед оградой молодого человека, пристально глядящего в ее сторону. Тут угрюмая миссис Рукасл заметила зеркальце, объявила, что на участок забрался чужой человек, велела Вайолет помахать ему рукой и тут же задернула занавески. Затем мисс Хантер с легкостью вскрыла «запертый ящик комода» у себя в комнате и обнаружила каштановую косу ровно того же цвета и толщины, как была у нее раньше.

Согласно нерушимой традиции готических романов, таких как «Джен Эйр», есть непременно запертая комната – и даже целое запертое крыло, – куда мисс Хантер настрого запрещено входить. Естественно, она находит ключ (очень кстати и тоже вполне традиционно оставленный в замке), исследует пустое пыльное крыло... пустое, если не считать единственной комнаты, тоже запертой и заложенной снаружи перекладиной от железной кровати. Проникнуть туда мисс Хантер не успевает.

Мистер Рукасл почти сразу узнает, что гувернантка побывала в запертом крыле, и грозит отдать ее на растерзание своему псу, мастифу Карло, которого слуга Толлер спускает на ночь с цепи. В тот же вечер Толлер напивается до бесчувствия. Холмс объявляет, что надо запереть миссис Толлер в подвале и что они с доктором Ватсоном (который захватит свой верный армейский револьвер) будут в Медных Буках к семи вечера.

Холмс заявил, что у него нет никаких сомнений: мистер Рукасл держит в запертой комнате свою дочь Алису (которая вовсе не умерла) с неким преступным замыслом – возможно, чтобы пользоваться ее наследством. Трое любителей приключений взламывают замки, срыывают перекладину от кровати, распахивают дверь, и...

Она была пуста. В ней не было ничего, кроме маленькой жесткой постели, стола и корзины с бельем. Люк на чердак был распахнут, пленница бежала.

– Здесь что-то произошло, – сказал Холмс. – Этот красавчик, очевидно, догадался о намерениях мисс Хантер и уволок свою жертву.

– Но каким образом?

– Через люк. Сейчас посмотрим, как он это сделал. – Он влез на стол. – Правильно, вот и обрывок веревочной лестницы, привязанной к карнизу. Вот как он это сделал.

– Но это невозможно, – возразила мисс Хантер. – Когда Рукаслы уезжали, никакой лестницы не было.

– Он вернулся и проделал все, что надо. Говорю вам, это умный и опасный человек.

Здесь Генри Джеймс не смог подавить смешок. «Умный и опасный человек» по каким-то неведомым причинам приносит лестницу, залезает на крышу и через люк уволокивает девушку из комнаты, от которой у него есть ключ и куда он мог просто войти – и вывести оттуда дочь – когда пожелает. Очень типично для «дедукций» Холмса – тот же бред, что и всегда.

Финал рассказа был почти апологетически шаблонный. Появляется Рукасл. «Негодяй! – кричит Холмс. – Куда вы дели свою дочь?» Рукасл бросается выпустить Карло, испанского мастифа, которого, мы знаем, не кормили два дня, поскольку мистер Толлер все

это время находился в запое. Наша троица слышит «собачий лай» – еще один авторский идиотизм, устало подумалось Джеймсу. Он предпочитал комнатных собачек, например такс, но часто гостил в сельских усадьбах и знал, что мастифы (которые обычно весьма дружелюбны) не лают, разве что глухо рычат, когда чувствуют угрозу. Заливисто лают охотничьи собаки, а мастифы к ним не относятся.

Так или иначе, Карло перегрызает мистеру Рукаслу горло, доктор Ватсон из «верного армейского револьвера» убивает пса (увы, слишком поздно!), а миссис Толлер с неожиданной словоохотливостью разъясняет весь преступный замысел. Рукасл (ради наследства!) инсценировал смерть своей дочери Алисы и спрятал ее в запертом крыле. Вайолет Хантер должна была изображать Алису, чтобы настойчивый жених («мистер Фаулер», которого Вайолет Хантер видела в зеркальце) сдался, поверил в смерть Джуди и уехал.

Последний абзац являл собой нечто вроде эпилога. Мы так и не увидели ни Алисы, ни мистера Фаулера, но узнаем от рассказчика, что они поженились и счастливый муж теперь «правительственный чиновник на острове Святого Маврикия», а мисс Вайолет Хантер (возможно, с помощью Шерлока Холмса?) получила «пост директора частной школы в Уолсоле». (Очень неплохое место для молодой особы без рекомендаций, которая, по собственным словам, владеет «немного французским, немного немецким, немного музыкой».)

Генри Джеймс, отложив прочитанную книгу на ночной столик, вновь зажал кулаками рот, чтобы не рассмеяться в голос.

Писатель – доктор Джон Х. «Джеймс» Ватсон? Артур Конан Дойл? Они оба в соавторстве? – начисто позабыл про сына Рукаслов Эдварда. Мальчика с несоразмерно большой головой и злобным характером. Никто из персонажей, включая гувернантку мисс Хантер, не вспомнил, что в рассказе был мальчик. После счастливой развязки, когда голодный лающий мастиф Карло перегрыз горло мистеру Рукаслу, Эдвард просто растворился в воздухе. Пфуй!

Лежа в теплой темноте, Джеймс думает о будущем рассказе (или повести) про гувернантку, к которому нет-нет да обращается мыслями уже довольно давно. Повесть эта, если он когда-нибудь за нее возьмется, будет написана с точки зрения гувернантки, через ее затуманенное сознание, а речь пойдет об осязаемом – хоть и призрачном – зле, угрожающем ребенку или детям в одиноко стоящей сельской усадьбе. Джеймсу представлялось, что это будет история о привидениях без конкретного привидения и потребуются легчайшие намеки, чтобы читатель с нарастающей тревогой гадал: может быть, гувернантка безумна... или одержима злом... или злом одержимы дети. А может быть, привидение (или привидения – Джеймс еще не решил) есть на самом деле, хотя все психологические намеки вроде бы указывают на обратное.

Брату Уильяму почти наверняка понравится такая «психологическая» повесть.

Джеймс точно знает одно: повесть эта потребует всего профессионального мастерства, которое он вырабатывал всю жизнь, и тончайших авторских штрихов, чтобы постепенно раскрывать перед читателем множественные уровни честности, лжи, угрызений совести и наивности – не говоря уже о воле к жизни – и при этом сохранять напряженность текста, от которой мороз бы пробежал по коже. Однако всегда и везде он будет оставлять читателя в глубоком недоумении, что же «на самом деле» случилось и не происходит ли все лишь в мутящемся рассудке гувернантки.

Тихонько улыбаясь жалким нелепостям в «Медных Буках» и продолжая понемножку думать о привидениях и человеческом рассудке, вступившем в противоречие с самим собой, писатель Генри Джеймс заснул в теплой واشنطنской ночи.

Глава 15

Воскресенье в просторном доме Хэев текло мирно и спокойно – по крайней мере, пока Генри Джеймс не припер Холмса к стене.

Клара Хэй ушла в церковь, предупредив, что вернется не скоро: после службы у нее благотворительная работа. Джон Хэй позавтракал с гостями, но затем удалился в свой великолепный кабинет, чтобы предаться литературным или историческим трудам. Огромный дом затих; слышался лишь умиротворяющий стук копыт и скрип колес за окном да временами монашески бесшумная поступь слуг, деловито снующих по светлому, пахнущему красным деревом дому.

Было уже позднее утро, когда Генри Джеймс постучал в комнату «Яна Сигерсона». Холмс, с черной глиняной трубкой, распространявшей вонь дешевого крепкого табака, пригласил писателя к окну, где стояли два кресла, в одном из которых сыщик только что читал. Джеймс тоже принес с собой книгу, но держал ее так, чтобы корешка и обложки было не видно.

– Кларенс Кинг будет здесь через несколько часов, – сказал Джеймс, когда оба сели.

– Да, – ответил Холмс. – Я с нетерпением жду встречи.

– Думаю, вам не стоит ее ждать. – Генри Джеймс, когда хотел, умел вложить в свой мягкий голос достаточно твердости. Сейчас он этого хотел.

– Извините? – Холмс выбил старую трубку в хрустальную пепельницу на столике.

– Я советую вам избавить хозяев от непристойного фарса, – сказал Джеймс. – Джон Хэй пробудет у себя в кабинете до чая. Предлагаю вам собрать вещи и уйти, пока не поздно.

– С какой стати? – тихо осведомился Холмс. – Генри Адамс вернется лишь на следующей неделе. Я почти не начал расследовать смерть его жены.

– Вздор! – отрезал Джеймс. – Кловер Адамс страдала наследственной меланхолией. После смерти отца она впала в депрессию, из которой так и не вышла. Меланхолия у них в роду, как доказывает самоубийство ее брата Неда. Объявлять ее смерть загадкой – вздор.

Холмс глянул на него будто бы даже заинтересованно:

– Тогда как быть с ежегодной запиской «Ее убили», которую...

– Тоже вздор! – отрезал Джеймс. – Я не позволю вам беречь старые раны. Не понимаю, как допустили, что вы так далеко зашли в своем умопомешательстве. Впрочем, не важно. Этому надо положить конец. Сегодня. Вы складываете вещи и уезжаете, а я приду-маю, что сказать Хэям, Кларенсу Кингу и остальным. Сам я уеду завтра.

– Так вы больше не считаете, что я могу разрешить эту загадку? – спросил Холмс, вновь набивая трубку и закуривая.

– Я больше не считаю вас Шерлоком Холмсом, – ответил Джеймс, а про себя подумал: «Вот. Я это сказал».

Его собеседник с явным удивлением поднял взгляд от трубки. Лицо его выражало еще больший интерес.

– Джеймс, ведь это вы узнали меня, несмотря на личину Сигерсона, у Нового моста.

– Я ошибся. Либо я и впрямь видел вас на приеме у миссис О'Коннор четыре года назад, но вы и там были под личиной.

– Под личиной...

– Шерлока Холмса. Вымышленного персонажа.

– Ох-хо! – воскликнул человек, которого Джеймс знал под именем Шерлока Холмса. – Так теперь вы согласны со мной, что Шерлока Холмса на самом деле нет! Что заставило вас изменить свой взгляд, Джеймс?

– Вот это. – Писатель протянул ему светло-коричневый томик «Приключений Шерлока Холмса».

– Вы позволите? – спросил человек с трубкой. Он мягко взял книгу длинными сильными пальцами и начал листать. – Я слышал краем уха, что готовится американское издание рассказов Ватсона из «Стрэнда», но не знал, что оно выйдет так быстро.

– В прошлом месяце, – сказал Джеймс и тут же пожалел, что вообще ответил.

– Иллюстрации Сидни Пэджета недурны, как вы находите? – спросил его собеседник, которого картинки в книге явно позабавили.

– Если они изображают вас, – заметил Джеймс, – то художник вам сильно льстит.

– О, безусловно! – воскликнул Холмс. Он вынул трубку изо рта и рассмеялся. – Но понимаете, мы с мистером Сидни Пэджетом ни разу не виделись. И я не позволил меня сфотографировать. Пэджет рисовал своего «Шерлока Холмса» с брата, – по крайней мере, мне так сказали. Его брат – еще более известный художник-иллюстратор. По словам Ватсона, издатели «Стрэнда» хотели пригласить именно его, но письмо попало не к тому Пэджету.

Джеймс тупо смотрел на Холмса – на человека, о котором по-прежнему думал как о Холмсе, – пока молчание не сделалось невыносимым. Он закашлялся от едкого табачного дыма и наконец сказал:

– Теперь я уверен, сэр, что вы... что вы безумец, выдающий себя за вымышленного Шерлока Холмса, который в свою очередь выдает себя за вымышленного исследователя по имени Ян Сигерсон.

– Вот-те на! – Холмс вынул изо рта трубку и широко улыбнулся. – Отлично, Джеймс. И впрямь отлично. Ваша гипотеза куда правдоподобнее моей... то есть что я вообще не существую, помимо этих... – он поднял книгу, – побасенок.

– Так вы это признаете, – сказал Джеймс. Он чувствовал, что странная и довольно неприятная тяжесть незримым грузом давит ему на грудь.

– Что я безумен? Такое обвинение я едва ли могу опровергнуть. Признать, что я кто-то иной, нежели, возможно – и очень вероятно, – вымышленный персонаж Шерлок Холмс? Увы, в этом я сознаться не могу, сэр. Я либо *реальный* Шерлок Холмс, либо его вымышленное подобие. Таков мой печальный выбор.

Джеймс ощутил что-то вроде растущей паники. Человек напротив него был сумасшедшим и, может быть, даже *опасным*... представляющим непосредственную угрозу для самого Джеймса.

– О, я едва ли опасен, – сказал Холмс, попыхивая трубкой. – По крайней мере для вас, Джеймс.

Казалось, он ловит мысли писателя из воздуха.

– Что вы думаете о написанных доктором Ватсоном... историях? – спросил Холмс, закрывая книгу и кладя ее на столик рядом с Джеймсом.

– Они смехотворны.

Холмс вновь хохотнул:

– Да-да. Бедный Ватсон изо всех сил старался обработать свои заметки, чтобы угодить литературным требованиям Конан Дойла, но едва ли хоть один из них понимал, как перевести мои расследования на язык искусства. Понимаете, Джеймс, лучшие расследования – произведения искусства сами по себе, без дополнительной мелодрамы и надуманных ухищрений.

– Значит, вы признаете, что рассказы очень слабы литературно? – выговорил Генри Джеймс. – Просто вычурная... беллетристика.

От последнего слова Холмс поморщился, но ответил вполне благодушно:

– Разумеется, мой дорогой Джеймс. – Он вновь открыл книгу. – Вижу, Ватсон включил сюда рассказ, который назвал «Медные Буки». На мой взгляд – типичный пример литературного провала.

– На мой тоже, – ответил Джеймс.

– И вы совершенно правы, – сказал Холмс, наставляя на Джеймса чубук, словно указательный палец. – Вот позвольте спросить... готовы ли вы поверить, что... – ему пришлось пролистать несколько страниц и свериться с текстом, – некая Вайолет Хантер заявляется к нам в дом и тратит время, Ватсона и мое, ради совета, соглашаться ли ей на место гувернантки в деревне? Я хочу сказать, пусть даже у нанимателя довольно странные требования. И готовы ли вы поверить, что я выслушал эту девку, чтобы дать ей совет – совершенно ненужный, к слову, поскольку, как вы, возможно, заметили, она уже все решила сама?

– Полнейшая нелепость, – промолвил Джеймс. На него накатило странное чувство, вроде головокружения, оттого что он соглашается с Холмсом. Или Холмс – с ним.

– «Вайолет Хантер» – на самом деле ее, разумеется, звали иначе – не была моей клиенткой.

– Не была? – Если бы Джеймс мог вернуть вырвавшиеся слова, он бы это сделал.

– Нашего клиента – того человека, который пришел ко мне с просьбой о помощи холодным мартовским утром тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, – Ватсон называет «мистером Фаулером» и ни разу не показывает читателю.

– Мистер Фаулер? – помимо воли переспросил Джеймс. – Нареченный Алисы Рукасл? Человек в зеркале? Тот, который, как говорит Ватсон в конце рассказа, женился на освобожденной мисс Рукасл и переехал на остров Святого Маврикия?

Холмс усмехнулся, не вынимая трубку из рта, отчего усмешка показалась немного злобшей:

– Он самый. Хотя «мистер Фаулер» – я буду говорить «Питер», ибо таково было его настоящее имя, – не женился на освобожденной и разбогатевшей мисс Алисе Рукасл и не стал... как там у Ватсона?... – он перелистал страницы, – ...правительственным чиновником на острове Святого Маврикия.

– Это как-то связано с тем, что вы мошеннически выдаете себя за Шерлока Холмса? – спросил Джеймс.

– Только если вы хотите понять глубокую пропасть между *жизнью* этого... вымышленного... Шерлока Холмса и его опубликованными *приключениями*.

– Я не вижу причин обсуждать ни то ни другое, – сказал Генри Джеймс.

Холмс кивнул, выражая согласие, но тем не менее вынул трубку из рта и заговорил тихо, медленно:

– Питер... Фаулер... пришел ко мне и доктору Ватсону в марте тысяча восемьсот восемьдесят шестого. Проблема у него была семейная, но такая, которая в то время как раз могла удовлетворить мою нужду в настоящей работе для ума. В конечном итоге, Джеймс, «мистер Фаулер», который, к слову, был очень приятным лондонским джентльменом, не женился на мисс Рукасл, и они не жили долго и счастливо. В действительности – а именно такого рода истинные обстоятельства Ватсон обычно изо всех сил пытается скрыть – бывшая невеста, Алиса Рукасл, перегрызла Фаулеру горло. Она его убила.

– Боже! – выдохнул Джеймс.

– Мистер Фаулер пришел ко мне, потому что был счастливо обручен с Алисой Рукасл – фамилия, разумеется, неудачная выдумка Ватсона – до тех пор, пока «очаровательная взбалмошность» нареченной (выражение мистера Фаулера) не перешла в тяжелое воспаление мозга – что бы эти слова ни означали. Большинство эскулапов нашей невежественной эпохи свято верят в воспаление мозга, и Ватсон в их числе, но и один доктор на тысячу не скажет, что это за недуг и как его лечить.

– Однако у мисс Рукасл... как бы ее ни звали на самом деле... и впрямь было воспаление мозга? – спросил Джеймс. Прихотливые истории он выслушивал почти с той же страстью, с какой сам их сочинял.

– Да... но в итоге из-за этой болезни умерла не она, а ее маленький брат Эдвард, – сказал Холмс.

– Эдвард, – повторил Джеймс. Ему вспомнилось, как он дочитывал сборник, кружение насекомых в теплой ночи... – Злобный мальчик с непропорционально большой головой. Которого поручили воспитанию мисс Вайолет Хантер.

Холмс вновь рассмеялся:

– Мисс Вайолет Хантер наняли не гувернанткой. К тому времени, как мистер и миссис Рукасл взяли ее в дом, маленький Эдвард был уже убит. Ее наняли изображать их посаженную под замок дочь Алису.

– Погодите, – сказал Генри Джеймс, поднимая ухоженную руку. – Вы говорите, что единственной обязанностью Вайолет Хантер, как бы ее ни звали, было изображать их посаженную под замок дочь Алису? Невесту мистера Фаулера?

– Именно это я и говорю, Джеймс. – Холмс глянул в окно на церковь Святого Иоанна в ажурной тени деревьев. – «Вайолет Хантер» была обычной уличной девкой... в обществе она не смогла бы изобразить даже и гувернантку. Мистер «Джеффо Рукасл» – который, к слову, не был негодяем, каким изобразил его Ватсон, но тем не менее умер насильственной смертью – с самого начала объяснил ей, что она будет получать тридцать фунтов в месяц – не десять, как в пересказе Ватсона, – за то, что острижет волосы, как Алиса во время своей ужасной болезни, будет носить синее платье Алисы и сидеть у окна, чтобы Питер Фаулер видел, издали и со спины, как она смеется. Отсюда он должен был сделать вывод, что ее безумие позади.

– Безумие?! – ошеломленно переспросил Джеймс.

– О да. Я, кажется, забыл упомянуть этот мелкий факт? Вот почему Ватсон говорит, что мне не следует самому писать о своих приключениях. Когда отец Алисы – кстати, Алиса ее настоящее имя – понял, что душевная болезнь дочери неизлечима, он, неумело подделав ее почерк, написал Фаулеру о разрыве помолвки. Однако тот не поверил, что письмо от Алисы.

– Алиса Рукасл была умалишенной?

– Абсолютно. – В голосе Холмса не слышалось и тени сочувствия. – Болезнь проявлялась поначалу незаметно, потом все более сильно, но в ту зиму, когда Алиса согласилась стать женой Питера Фаулера (о чем родители не знали, а знали бы – не допустили, ибо недуг был наследственный), у нее начались припадки того, что Рукаслы в общении с Фаулером и остальным миром называли «воспалением мозга» и что в действительности было приступами буйного умопомешательства.

– Однако мистер Фаулер наверняка бы понял, – сказал Джеймс. Он пытался вообразить, что пишет это сам, но не сумел. История слишком отдавала романами в желтых обложках. Сюжет скорее для нового Уилки Коллинза.

– Понял бы, что в приступе безумия Алиса Рукасл убила и частично съела своего двухлетнего брата Эдварда? – мягко проговорил Холмс. – Сомневаюсь.

– Боже... – ахнул Джеймс, – а вы знали об этой... мерзости?

– С самого начала, – ответил Холмс уже без улыбки. – Джеффо Рукасл вовсе не был мерзавцем, алчущим наследства, или что там еще наплел про него Ватсон. К слову, на самом деле он звался Джетроу Докинз. Так вот, Джетроу Докинз, нежный и любящий отец, не мог и помыслить, чтобы отправить свою дочь Алису – убийцу их единственного сына, наследника земель и титула, – в желтый дом. Отсюда запертое крыло и заложенная дверь.

– Однако, если мисс Вайолет Хантер изначально знала про безумие Алисы, для чего понадобились замки и засовы?

– Именно Питеру Фаулеру, а вовсе не потаскушке Вайолет Хантер принадлежала мысль выманить Рукаслов в город мартовским вечером тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, – мрачно отвечал Холмс. – Он телеграфировал нам, что намерен «спасти» любимую Алису. Я послал ему ответную телеграмму с запретом приближаться к Ходжкисс-холлу, которую он так и не получил, поскольку уже покинул гостиницу, так что мы с Ватсоном немедленно сели на поезд, чтобы как можно скорее добраться до Вуки-Хоул.

– До Вуки-Хоул? – глухо повторил Джеймс.

– Да, конечно. Неподалеку от знаменитых пещер в графстве Сомерсет, близ города Уэлс. «Фаулер» остановился в Уэлсе в гостинице «Вуки-Хоул». Вымышленные «Рукаслы» Ватсона – на самом деле известное семейство Докинз. Отец Алисы, Джетроу Докинз, лорд Ходжкисс из Ходжкисс-холла, приходился двоюродным братом викарию Вуки. Он участвовал в подавлении бурского мятежа восемьдесят первого года, за что получил прозвище Герой Трансвааля.

– Даже я, американец, слышал про «Ведьму из Вуки», – сказал Джеймс, с трудом веря, что правда это сказал, – собственный голос показался ему чужим. Генри Джеймс-младший, как его отец Генри Джеймс-старший и брат Уильям, всегда питал слабость к страшным историям.

– «Ведьма из Вуки» – известняковый сталагмит, пугавший туристов с начала семнадцатого века, – бесстрастно произнес Холмс. – Алиса Докинз была настоящим чудовищем из Вуки, и всего семь лет назад.

Генри Джеймс сузил глаза:

– Вы говорите, Питер Фаулер был убит. Здесь написано, что мистер Рукасл, то есть Докинз, лорд Ходжкисс, «умер насильственной смертью». Слишком много кровавых событий остается пока без объяснения.

– Мы с Ватсоном опоздали всего на несколько минут, – чуть слышно проговорил Холмс. – Фаулер добыл лестницу, пробрался в темноте по ветхой старой черепице и залез через люк в запертую комнату Алисы. Она, видимо, смиренно сидела на кровати, покуда он, шепча нежные слова, освобождал ее от наручников и цепей, а затем зубами и острыми нестриженными ногтями порвала ему горло. Докинз, ее отец, вбежал, когда Алиса пожирала сердце бывшего жениха. С Докинзом была «Вайолет Хантер», по совпадению одетая в синее платье Алисы.

Джеймс понимал, что это наверняка чистой воды выдумки, и все равно у него перехватило дыхание.

– У мистера Докинза, лорда Ходжкисса, был с собой револьвер, – все тем же ровным голосом продолжал Холмс. – За неделю до того он сказал мне, что не выстрелит в дочь, какие бы новые жуткие деяния та ни совершила. И эти слова оказались правдой. Когда мы с Ватсоном, пробежав по пыльному коридору, с криками ворвались в комнату, Докинз приставил револьвер к своему виску и спустил курок.

– А мисс Вайолет Хантер? – спросил Джеймс. – Гувернантка, которая не была гувернанткой?

– Сошла с ума, – ответил Шерлок Холмс. – При виде того, что творилось в комнате, она закричала и продолжает кричать по сей день – в скорбном доме, где содержится на средства леди Ходжкисс.

Джеймс улыбнулся, показывая, что он не какой-нибудь деревенский разиня. Это слово он слышал в бродячем цирке, который давал представления на окраине Ньюпорта в его детстве. Джеймс много лет его не вспоминал и ни разу не употребил в книге.

– И как насчет Карло? – спросил он тихо.

– Карло? – переспросил Холмс.

– В «Медных Буках» Ватсон упоминает исполинского мастифа Карло, который в конце рассказа с лаем набросился на мистера Рукасла и перегрыз тому горло.

Холмс чуть заметно улыбнулся:

– Ватсон совершенно не разбирается в собаках. Только он мог написать, что мастиф набросился с лаем. На самом деле в Ходжкисс-холле и впрямь жил мастиф. Ему было пятнадцать лет, он звался Барни, и если бы увидел ночью вора, перекатился бы на спину, чтобы тот почесал ему пузо. В разговоре со мной и Ватсоном за три дня до смерти Джетроу Докинз упомянул лишь одно преступление Барни: старый пес, играя, изжевал одну из плюшевых игрушек леди Ходжкисс.

– Однако Ватсон в «Медных Буках» пишет, что застрелил зверюгу из своего армейского револьвера, когда та рвала горло мистеру Рукаслу.

– Револьвер был мистера Докинза, и стрелял из него я, – ответил Холмс. – Алиса Докинз пожирала убитого отца; я поднял упавший револьвер и выстрелил ей в голову.

Несколько минут мужчины сидели в молчании.

Наконец Шерлок Холмс – или человек, выдающий себя за вымышленного Шерлока Холмса, – сказал:

– Кажется, я понимаю, отчего Ватсон чувствовал потребность описать Вуки-Хоулское дело, которое у него названо «Медные Буки». Оно преследовало его. Снилось ему в кошмарных снах. По своей натуре Ватсон склонен превращать все в простые истории о добре и зле. Однако я на его месте оставил бы Вуки-Хоулское дело в покое.

Генри Джеймс глянул ему в глаза:

– Вы понимаете, что все, рассказанное вами, звучит абсолютно безумно.

– Абсолютно, – согласился Холмс, потом взглянул на часы. – Джон Хэй сказал, что около полудня в оранжерее подадут легкий ленч, и просил нас, если он все еще будет занят, садиться есть без него. Я собираюсь перекусить. Составите мне компанию, Джеймс?

– Я дождусь чая с Кларенсом Кингом и обеда с норвежским послом, мистер Холмс, – отвечал Джеймс.

Не произнеся больше ни слова, он отправился к себе в комнату и лег на кровать, застланную белоснежным покрывалом.

Глава 16

Кларенс Кинг прибыл сразу, как пробило пять. Джеймс еще помнил его жилистым альпинистом; сейчас, в пятьдесят один год, Кинг погрузнел и мало походил на себя прежнего. К Хэю он приехал в большом берете, зеленом, изрядно потертом вельветовом костюме со штанами до колен и толстых вязаных гольфах.

– Ваш старый дорожный костюм! – воскликнул Хэй, с жаром беря руки гостя в свои. – Опять за границу?

– Нет, если не считать Мексику «заграницей», – со смехом отвечал Кларенс Кинг. Голос его, на слух Джеймса, был такой же бархатистый, как вельвет нелепого дорожного костюма, и так же нес на себе отпечаток возраста. – Я в Вашингтоне проездом и, не имея другой одежды, решил, что старинные друзья простят мне некоторую вельветистость. Будем считать это запоздалым празднованием Дня святого Патрика.

– Вас мы рады видеть в любом наряде, Кларенс, даже приди вы в старых ковбойских штанах и кожаных гамашах, – сказал Хэй, который уже постановил, что обед будет менее официальным (смокинги, не фраки), хотя ожидался норвежский посланник с женой и дочерью.

Кинг снял огромный берет и отдал стоящему наготове слуге. Джеймс отметил, что с их последней встречи Кларенс заметно полысел и поседел – от некогда длинной золотой гривы остались одни воспоминания. Кинг по-прежнему носил короткую бородку, как у президента Улисса Гранта, – у людей помоложе этот фасон давно был не в чести. Джеймсу подумалось, что берет, бородка и грузность придадут путешественнику заметное сходство с портретами Генриха VIII, и тут же осознал, что нечто подобное наверняка говорят и о нем самом.

Джеймс с Холмсом смотрели, как Клара Хэй обнимает и целует старинного друга семьи, и оба отметили почти девичью порывистость этого приветствия, так не вязавшуюся со степенным образом хозяйки.

– Клара, дорогая моя! – воскликнул Кинг. – Вы единственный яркий лучик солнца на пасмурном склоне моих лет. Вы знаете, – тут он с выражением проказливого мальчишки покосился на Джона Хэя, – что из-за вас я не могу смотреть на других женщин. Теперь я обречен прожить последние оставшиеся мне дни холостяком, и лишь кремация сулит мне в будущем хоть какие-то новые впечатления!

Клара Хэй с притворным возмущением хлопнула его по зеленому вельветовому рукаву.

– Гарри, клянусь Богом! – воскликнул Кинг и крепко стиснул писателю руку. – В состязании, кто из нашей шайки быстрее облысеет, пока выигрывал Адамс, но, вижу, мы с вами почти обставили старину Генри. Что привело вас от лондонских туманов обратно в Штаты?

– Прежде всего – желание повидать друзей, – ответил Джеймс, высвобождая занемевшую руку из его хватки. – Разрешите представить моего попутчика, также гостящего в этом доме... мистера Яна Сигерсона. Мистер Сигерсон, познакомьтесь с единственным и неподражаемым Кларенсом Кингом. Мистер Кинг, мистер Сигерсон.

Мужчины пожали друг другу руки, затем Кинг отступил на шаг, словно желал повнимательнее рассмотреть Холмса:

– Сигерсон? *Ян Сигерсон*? Норвежский исследователь? Который всего два года назад проник в те части Гималаев, куда еще не ступала нога белого человека? *Тот самый* Ян Сигерсон?

Холмс скромно поклонился.

– Клянусь Богом, сэр, – прогудел Кинг, – для меня эта встреча большая радость и честь. У меня к вам тысяча вопросов про Гималаи и Запретную страну, куда вам удалось проник-

нуть. Если я понапрасну растратил юные годы, взбираясь на здешние холмики, вы, сэр, покорили настоящие горы.

– Лишь самые невысокие их перевалы, мистер Кинг, да и те на местных лошадках, – ответил Холмс со своим норвежским акцентом.

Его черные усы сегодня вечером казались еще гуще, и Джеймс напряженно гадал, не нафабрил ли он их каким-нибудь составом.

– Идемте в гостиную, Кинг, – сказал Джон Хэй.

Было видно, что он искренне рад встрече, однако в его манере сквозило что-то еще: смущение оттого, что гость неподобающе одет? Какое-то незавершенное дело между ними двумя, о котором неловко упоминать? Скажем, денежный долг? Кинг, дородный и краснощекий, с первого взгляда выглядел здоровяком, но со второго становилось видно, что он недавно перенес болезнь, возможно даже тяжелую.

– Пора пить чай! – воскликнула Клара Хэй.

Кларенс Кинг улыбнулся почти печально:

– Ах, были дни, Клара, когда Джон уходил из Госдепартамента пораньше – предпочитая свергнуть страну в хаос незапланированной войны, лишь бы не опоздать на наш пятичасовой чай. Адамс ровно в пять поднимал бледное чело от зеленых заплесневелых книг, от которых его в другое время было не оторвать домкратом. А Кlover... Кlover со смехом вела нас в комнату, где у камина стояли креслица, обитые красной кожей. – Кинг заметил, как подействовала на других нарисованная им идиллия, и поспешил сменить тон: – Вообще-то, Джон, я надеялся, что сегодня нам позволят вместо чая выпить твоего хереса.

– Всенепременно, – ответил Хэй, обнимая Кинга за плечи и ведя того в гостиную с огромным камином. – Всенепременно.

* * *

Поднося к губам чашку – херес разлили, но его черед должен был наступить после чая, – Генри Джеймс вспомнил, как малы ростом были все пять «сердец». Кларенс Кинг, с его пятью футами шестью дюймами, был самым из них высоким.

После короткой дружеской болтовни – Хэй спрашивал Кинга, ждут того алмазные копи в Андах или золотой прииск в Скалистых горах Аляски (на что Кларенс Кинг ответил: «Ни то ни другое! Серебряный рудник в Мексике!»), Кинг задал Холмсу несколько вопросов о гималайских пиках. Холмс вроде бы отвечал, хотя довольно неопределенно, потом между ними завязался оживленный разговор о покорении горных вершин. Джеймс ждал, когда же всем станет ясно, что Шерлок Холмс не отличит гималайского пика от Херефордширского холма.

– Я прочел вашу книгу, – сказал «Ян Сигерсон» Кингу почти робко. – «Скалолазание в Сьерра-Неваде». Она мне чрезвычайно понравилась.

– Древняя книжица, – рассмеялся Кинг. – Она устарела больше чем на двадцать лет. И половина глав там про мой ранний плейстоценовый период: лето и осень шестьдесят четвертого. Но скажите мне, мистер Сигерсон... понравился ли вам кусок, где я описываю свое восхождение на гору Уитни?

Шерлок Холмс только улыбнулся.

Джон Хэй сказал:

– Знаете, Кларенс...

– Я посвятил две главы восхождению на гору Тиндалл, – пробасил Кинг. – Половина книги описывает подъем на другие пики Йосемити. Но мое триумфальное покорение горы Уитни уложилось в два дееспричастных оборота.

– Не все вершины даются с первой попытки, – мягко заметил Холмс.

Кинг рассмеялся и кивнул. Генри Джеймсу он сказал:

– Вот мои два деепричастных оборота *in toto*,¹⁵ Генри. Цитирую: «Не преуспев в попытке подняться на гору Уитни и возвратившись на равнину...»

Никто, кроме Кинга, не смеялся, однако это как будто и не умерило его веселья. Джеймс пристально наблюдал за старинным другом своих старинных друзей и видел, что того окутывает горькая тоска... или даже, вернее, не столько окутывает снаружи, сколько поднимается изнутри, как промозглая сырость от старых надгробий у Диккенса, пробирающая до костей прихожан древней холодной церкви.

– Молодой, крепкий, честолубивый, снаряженный как нельзя лучше, – продолжал Кинг, – я не только не подобрался к вершине с первой попытки, но и, когда вернулся и совершил восхождение, *это оказалась другая гора*. Каким-то образом, штурмуя трудный склон, я промахнулся мимо горы высотой четырнадцать с половиной тысяч футов.

– Однако вы еще раз вернулись и все же покорили ее, – произнес Джон Хэй.

– Да, но к тому времени на нее уже поднялись другие – не только индейцы, но и белые. Зато я дал имя той горе!

– И еще один пик носит ваше имя, – сказал Холмс. – Гора Кларенса Кинга... к северо-западу от горы Уитни в Сьерра-Неваде, если не ошибаюсь.

– Члены нашей экспедиции щедро раздавали горам имена товарищей. – Кинг поднял бокал, чтобы безмолвный, но вездесущий слуга долил ему хереса. – «Гора Кларенса Кинга» – потому что в Йосемити уже была вершина, названная в честь проповедника Томаса Старра Кинга. Высота моей горушки – двенадцать тысяч девятьсот пять футов. Вечно мне достаются обглодки. Какова высота перевала, по которому вы прошли из Сиккима в Тибет, мистер Сигерсон?

– Джелеп-Ла? Тринадцать тысяч девятьсот девяносто девять футов, – ответил Холмс.

– Сознайтесь, у вас же был соблазн сложить пирамидку из камней высотой этак в фут? – спросил Кларенс Кинг. – Тогда вы могли бы говорить, что покорили четырнадцатитысячник. На американском Западе четырнадцатитысячники в большом почете.

И тут же, без паузы, принялся засыпать Сигерсона-Холмса вопросами о скалолазании. Холмс отвечал быстро и кратко, явно понимая, о чем речь. Иногда он задавал встречный вопрос; тогда Кинг смеялся и говорил, что последние двадцать лет подкапывается под горы, а не взбирается на них. Джеймс мог лишь ловить отдельные загадочные слова: страховка верхняя и нижняя, самостраховка, новейшие способы страховки, пассивник, активник, репшнур, обвязки, беседки и перила, дюльфер, траверс, распорка, подъем в камине, прусик из собственного ботиночного шнура после срыва на отрицаловке... Для него все это было китайской грамотой, но у Холмса термины звучали так, будто он и впрямь их понимает.

Наконец Кларенс Кинг вздохнул:

– Что ж, я уступаю скалолазание вам, молодому поколению. Мои годы страховки – и бесстрашия – позади.

Не желая, чтобы эта грустная нота задала тон дальнейшему разговору, Джон Хэй сказал Кингу:

– Адамс будет в отчаянии, что разминулс с вами.

– Еще бы! – ответил Кинг, вновь поднимая бокал, чтобы слуга его наполнил.

– Вы обязательно должны рассказать другим гостям, как познакомились с Генри Адамсом, – сказал Хэй.

Кларенс Кинг на минуту как будто задумался – стоит ли утомлять других этой историей, затем осушил бокал и повернулся к Холмсу:

– Вы ведь еще не знакомы с Адамсом, сэр?

¹⁵ Целиком (*лат.*).

– Не имел пока такой чести.

Кинг хмыкнул:

– В шестьдесят седьмом, не найдя себе приличной работы – и не особо к ней стремясь, – я убедил Конгресс провести геологическую съемку сороковой параллели и поставить меня во главе экспедиции. В семьдесят третьем я ехал из Шайенна в Вайоминге к пику Лонга в Колорадо, где должен был встретиться с одним из моих коллег, Арнольдом Хейгом... Вы знаете пик Лонга, мистер Сигерсон?

– Нет, – ответил Холмс.

– Колорадский четырнадцатитысячник, из тех, что так любят альпинисты... надо же, вспомнил точную высоту: четырнадцать тысяч девяносто три фута... назван в честь лейтенанта Лонга из экспедиции Зебулона Пайка. Это самая восточная вершина североамериканской части Скалистых гор, что, впрочем, для нашей истории совершенно несущественно...

Джеймс улыбнулся. Он почти забыл, как Кинг с мастерством прирожденного рассказчика уводит свои истории вбок, заставляя их змеиться горными речками, но так, что слушатели с интересом ловят каждое слово. Джеймс часто гадал, почему этот устный дар так редко находит воплощение на бумаге.

– Так или иначе, до поселка Эстес-Парк я добрался уже после захода солнца, так что мне пришлось заночевать в одной из тамошних лачуг. В ней была кровать, но не было печки, а ночь выдалась морозная. Я укрылся всеми одеялами, сколько у меня их было с собой, и все равно дрожал от холода, как вдруг снаружи послышался шум. Я вышел с фонарем, и мне предстал... мистер Генри Адамс верхом на муле. Не знаю, кто больше обрадовался виду человеческого жилья Адамс или мул... Так вот, Генри отслужил первый год адъюнкт-профессором истории в Гарвардском университете и успел написать статью о британском геологе Чарльзе Лайеле для «Североамериканского ревю», после чего заинтересовался геологией. Кто-то посоветовал ему провести лето в нашей экспедиции и своими глазами посмотреть на полевые исследования. Адамс был знаком с Арнольдом Хейгом по Бостону. Какое-то время он болтался в лагере под пиком Лонга, когда ему вдруг пришла фантазия взгромоздиться на мула и самому осмотреть окрестности. Разумеется, Адамс заблудился, но ему хватило ума предоставить мулу самому выбирать дорогу. Самый верный способ отыскать еду и цивилизацию – довериться голодному мулу. Так что часам к десяти вечера он очутился перед моей лачугой в Эстес-Парке.

Тут Кларенс Кинг ухмыльнулся. Джон и Клара Хэй улыбались, предвкушая финал истории.

– Вообще-то, мы с Генри и прежде мельком встречались: раз в Вашингтоне и раз в Шайенне всего неделей раньше, – продолжал Кинг. – Однако наше краткое знакомство едва ли оправдывало те крепкие дружеские объятия, в какие он меня заключил, едва спрыгнул с мула. Генри успел изрядно проголодаться и, подозреваю, ощутить легкое беспокойство. Так или иначе, Эстес-Парк расположен высоко в горах, ночи в августе там холодные. Мы поужинали неразогретыми бобами, легли во всей одежде на кровать – она в лачуге, разумеется, была единственная – и проговорили до рассвета. Тогда-то и началась наша дружба.

– Адамс будет очень жалеть, что разминулсЯ с вами, – повторил Джон Хэй.

– Да, но мне надо добраться до того серебряного рудника в Мексике или отыскать золото в Сьерра-Неваде, иначе я никогда не добавлю Констебля к моим Тёрнерам.

Джон Хэй улыбнулся Холмсу:

– Гарри эту историю знает, но ее не грех и повторить. Несколько лет назад Кларенс покупал в Англии картины. У Рёскина были на продажу два великолепных Тёрнера, и он спросил Кларенса, которого тот выберет. Кларенс купил обоих, заметив: «Один хороший Тёрнер заслуживает второго».

Кинг невесело улыбнулся:

– В ту пору я покупал парных Тёрнеров. Сегодня нужда заставила меня прийти на званый обед к лучшим друзьям в потертom вельветовом костюме.

– В нем есть царственная бархатистость, – задумчиво проговорил Генри Джеймс, – и та прочность, что позволяет сказать: «Вельвет не подведет».

– Замените «вельвет» на «вельбот», и получится фраза, которую мог бы сказать капитан Ахав за миг до того, как Моби Дик увлек его в пучину.

Холмс вопросительно поднял бровь, и Джон Хэй объяснил:

– Лет сорок назад напечатали роман, на который читатели и критики почти не обратили внимания, однако Кlover горячо рекомендовала его друзьям. Все пять «сердец» любили эту книгу и часто ее цитировали. В ней рассказывается про Ахава, капитана китобойного судна, который одержим мстью белому киту, много лет назад откусившему ему ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.